

КЕН
ФОЛЛЕТТ

Мир без
конца

*Продолжение грандиозной
исторической саги Кена Фоллетта!*

Кингсбридж

Кен Фоллетт
Мир без конца

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Мир без конца / К. Фоллетт — «Издательство АСТ»,
2007 — (Кингсбридж)

ISBN 978-5-17-106104-3

Англия. XIV век. Время начала Столетней войны, эпидемии чумы, блеска и роскоши двора Эдуарда III и превращения небольшой страны в самую могущественную державу Европы. Эпоха глазами четырех персонажей... Когда-то двое мальчишек и две девочки росли на узких улочках города, славного своим легендарным собором... Теперь им предстоит пережить «эпоху перемен», которые постигнут Англию. Один добьется власти и могущества – и дорого за это заплатит... Другой будет странствовать по свету – и вечно тосковать по дому... Третья испытает весь ужас столкновения со всемогущей Церковью... Четвертая попытается вопреки ударам судьбы найти счастье... Но сейчас – никто еще не знает, что и кому сулит будущее.

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-106104-3

© Фоллетт К., 2007
© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Часть I. 1 ноября 1327 года	6
1	6
2	13
3	25
4	32
5	42
Часть II. 8–14 июня 1337 года	46
6	46
7	59
8	66
9	73
10	86
11	90
12	102
13	117
Часть III. Июнь – декабрь 1337 года	132
14	132
15	144
16	153
17	160
18	164
19	170
20	179
21	186
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Кен Фоллетт

Мир без конца

Ken Follett
WORLD WITHOUT END

© Ken Follett, 1989

© Перевод. К. Королев, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящается Барбаре

Часть I. 1 ноября 1327 года

1

В свои восемь лет Гвенда нисколько не боялась темноты.

Открыв глаза, девочка словно утонула в непроглядном мраке, однако напугало ее вовсе не это. Рядом, на полу длинного каменного здания, которое все называли госпиталем Кингсбриджского аббатства, на соломе лежала мать, и по теплomu молочному запаху Гвенда поняла, что она кормит младенца; тот родился считанные дни назад, и ему еще не успели дать имя. Рядом с матерью пристроился отец, а около него – двенадцатилетний брат Гвенды, Филемон.

В госпитале было многолюдно; пускай Гвенда не видела других в темноте, она знала, что люди лежат на полу впритирку, сгрудившись, точно овцы в загоне, и от согретых тел исходил такой запах, будто от прелой листвы. С рассветом начнется День Всех Святых. В этом году он выпал на воскресенье, а потому был праздничным вдвойне. Ночь накануне праздника считалась чрезвычайно опасной, ведь злые духи в эту ночь свободно разгуливали по свету, вредя всем подряд. По этой причине сотни людей из окрестных деревень, заодно с родными Гвенды, собрались на Хэллоуин¹ в аббатстве Кингсбридж, рассчитывая, кроме того, побывать на утренней службе в честь Всех Святых.

Гвенда остерегалась злых духов, как и всякий разумный человек, но еще больше страшилась того, что ей предстояло проделать во время службы.

Она устала в темноту, стараясь не думать о том, что ее пугало. Гвенда помнила, что в противоположной стене имеется стрельчатое окно. Стекла в раме не было, стеклить окна позволяли себе только богачи, и преградой холодному осеннему воздуху служила лишь полотняная завеса. Сколько девочка ни вглядывалась, серого полотна во мраке было не различить. Вот и славно. Гвенде не хотелось, чтобы утро наступало.

Она ничего не видела, зато слышала предостаточно. Солома, устилавшая пол, беспрерывно шуршала, когда люди ворочались и металась во сне. Вот захныкал ребенок, которому, наверное, что-то приснилось, но быстро затих, убаюканный негромким голосом матери. То и дело кто-то неразборчиво бормотал, словно ведя бессмысленный разговор. Доносились и звуки, какие издавали взрослые, когда делали то, чем порой занималась мамаша с отцом, но об этом не полагалось говорить вслух. Гвенда про себя называла такие звуки хрюканьем, другого слова ей было не подобрать.

Как ни жаль, все-таки стало светать. С восточного торца длинного помещения, из-за алтаря, появился монах со свечой в руках. Он поставил свечу на алтарь, зажег от нее волшебный фитиль и двинулся вдоль стен, поднося огонь к светильникам. Длинная тень скользила по пятам, наползая на стены, а призрачное пламя фитиля будто сливалось с пламенем светильников.

Сделалось светлее, и стали видны люди, рядами скорчившиеся на полу, закутанные в грубые суконные плащи или прижимавшиеся к соседям, чтобы согреться. Подстилки возле алтаря достались хворым, ведь известно, что чем ты ближе к священному месту, тем скорее выздоровеешь. Лестница в дальнем конце помещения вела наверх, на второй этаж, где располагались комнаты для важных гостей. Сейчас там отдыхал граф Ширинг со своими домочадцами.

¹ Имеется в виду христианский праздник, бдение накануне Дня Всех Святых и поминовение усопших; празднество отмечалось на переломе осени перед наступлением зимы, во многом следуя языческой традиции. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Зажигая очередной светильник, монах наклонился над Гвендой, поймал ее взгляд и улыбнулся. В неверном свете пламени она узнала брата Годвина, молодого красавчика, того самого, что вчера вечером ласково беседовал с Филемоном.

Рядом с Гвендой завозились односельчане: зажиточный крестьянин Сэмюел, державший большой земельный участок, его жена и двое сыновей. Младший, шестилетний Вулфрик, был сущим бедствием и считал, похоже, что веселее всего на свете кидаться в девчонок желудями и безнаказанно удирать.

Семья Гвенды бедствовала. Отец не держал ни клочка земли и нанимался в батраки ко всякому, кто был готов платить. Летом работы хватало, но после сбора урожая, когда подступали холода, семейство часто голодало.

Потому-то Гвенде приходилось воровать.

Она вообразила, будто ее поймали: вот крепкая рука стиснула ее плечо, сдавила мертвой хваткой, из которой не вырваться, сколько ни извивайся; вот звучный и жестокий голос произнес: «Попалась, воровка»; вот боль и унижение порки, а вот и худшее – мучительная казнь через отрубание руки.

Ее отец понес именно такое наказание. Теперь его левая рука заканчивалась отвратительной сморщенной культишкой. Он, надо признать, неплохо управлялся и одной рукой: копал лопатой, седлал лошадей, даже плел сети для ловли птиц, – но все-таки весной калеку нанимали последним, а по осени прогоняли первым. Потому отец не покидал деревню и не искал работу в других местах, ведь культи выдавала в нем вора, и люди наверняка откажутся его нанимать. Когда приходилось выбираться из дома, он привязывал к обрубку руки набитую соломой перчатку, чтобы не вызывать подозрений у каждого встречного, однако эта уловка мало кого обманывала.

Гвенда сама не видела, как отца наказывали – это случилось еще до ее рождения, – но часто воображала себе, как ему рубят руку, и сейчас не могла избавиться от мысли, что и с нею произойдет то же самое. Внутренним взором она видела, как лезвие топора опускается на запястье, рассекает кожу и кости, навсегда, бесповоротно отделяет кисть от руки... Пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать в голос.

Люди тем временем поднимались с пола, потягивались, зевали, терли кожу заспанных лиц. Гвенда тоже встала и отряхнула одежду. Все, что на ней было надето, досталось ей от старшего брата – суконная рубаха до колен и накидка поверх рубахи, перехваченная в поясе пеньковой веревкой. Башмаки прежде шнуровались, но дырки для шнурков давно порвались, сами шнурки стерлись, и теперь приходилось привязывать обувь к ногам плетеной соломой. Подоткнув волосы под шапочку из беличьих хвостов, Гвенда решила, что готова.

Тут она перехватила отцовский взгляд. Отец едва заметно кивнул в сторону семейства, что копошилось через проход от них: двое взрослых, пара средних лет, и двое сыновей чуть постарше Гвенды. Мужчина, невысокий, худощавый, с кудрявой рыжей бородой, вешал на пояс меч – это означало, что он либо воин, либо рыцарь; простолюдинам носить мечи не полагалось. Женщина, худая и деловитая, брезгливо посматривала вокруг. Девочка исподволь глазела на это семейство, и тут брат Годвин учтиво им кивнул и поздоровался:

– Доброе утро, сэр Джеральд! Доброе утро, леди Мод!

Гвенда поняла, что именно заставило встрепетаться отца. К поясу сэра Джеральда крепился кожаным ремешком кошель, на вид набитый битком. Там запросто могло оказаться несколько сотен маленьких и тонких серебряных пенни, полпенни и фартингов, то бишь монет, ходивших в Англии. Такие деньги отец зарабатывал за год, если удавалось найти работу. Их семья могла бы прокормиться на такую добычу до весеннего сева. А может, в кошеле попадутся и какие-нибудь чужестранные золотые монеты, флорентийские флорины или венецианские дукаты.

Под рубахой на шее девочки висел крохотный ножик в деревянных ножнах. Острое лезвие в два счета разрежет ремешок, и толстый кошель упадет в подставленную маленькую ладошку – если только сэр Джеральд ничего не заподозрит и не схватит воровку, прежде чем она справится со своим делом.

Годвин возвысил голос, перекрывая бормотание людей вокруг:

– Ради Христа, коий учит нас любви и милосердию, после службы будет накрыт завтрак. Пока же можете попить из фонтана во дворе, там чистая питьевая вода. Пожалуйста, помните, что отхожие места на улице, в госпитале испражняться нельзя!

Монахи и монахини сурово блюли чистоту. Ночью Годвин застал писавшего в углу шестилетнего мальчугана и выгнал наружу всю семью. Если у них не нашлось пенни за постоянный двор, значит, бедолагам выпало провести холодную октябрьскую ночь на каменном полу северного придела собора. Также запрещалось входить в храм с животными. Трехногого пса Гвенды, Хопа, безжалостно прогнали. Интересно, где тот ночевал?

Когда зажглись все светильники, Годвин распахнул большие деревянные двери. Студеный воздух ущипнул Гвенду за уши и за кончик носа. Люди принялись плотнее запахивать одежду и потянулись к выходу. Вот двинулось семейство сэра Джеральда, и мамаша с отцом пристроились за ними, а Гвенда с Филемоном поплелись следом.

Филемон тоже подворовывал, но только вчера на кингсбриджском рынке его чуть не поймали. Он стащил с лотка итальянского купца небольшой кувшин с дорогим маслом, но выронил покражу, и все это заметили. По счастью, кувшин не разбился, упав наземь, и Филемону пришлось притвориться, будто он по неловкости задел утварь случайно.

Еще недавно брат был маленьким и неприметным вроде Гвенды, но за последний год подрос на несколько дюймов, заговорил низким мужским голосом и сделался каким-то угловатым и нескладным, словно не мог приспособиться к новому, раздавшемуся телу. Вчера вечером, после случая на рынке, папаша решил, что Филемон слишком неуклюж и приметен для краж и работать отныне будет Гвенда.

Потому она и не спала почти всю ночь.

Вообще-то Филемона звали Хольгером, но когда ему исполнилось десять лет, он вздумал податься в монахи и стал говорить всем, что теперь его зовут Филемон, – мол, это по-церковному. Как ни удивительно, большинство быстро свыклось с новым именем, лишь для матери с отцом мальчик по-прежнему оставался Хольгером.

Снаружи дрожащие от холода монахини стояли двумя рядами, держа в руках горящие факелы, которые освещали дорожку из госпиталя к большим западным дверям Кингсбриджского собора. Над пламенем витали тени, будто ночные бесенята и хобгоблины вертелись поблизости, опасаясь приближаться к святым сестрам.

Гвенда ждала, что Хоп будет где-то поблизости, однако пса не было видно. Наверное, нашел себе теплый уголок и отсыпается. У входа в храм папаша изрядно постарался, чтобы их не оттеснили от сэра Джеральда. Кто-то из-за спины больно дернул Гвенду за волосы. Она взвизгнула, подумав, что это гoblin, но, обернувшись, увидела шестилетнего соседа Вулфрика. Озорник с гоготом рванул прочь.

– Веди себя смирно! – зарычал на мальчишку отец и дал Вулфрику подзатыльник. Тот заплакал.

Огромный собор бесформенной глыбой нависал над притихшей толпой. Только внизу можно было различить арки и средники² окон, освещенные неверным красно-оранжевым светом. У входа люди замедляли шаги, и Гвенда увидела горожан, приближавшихся с другой стороны. Их были сотни, а может, и тысячи; правда, она точно не знала, сколько именно людей помещается в тысяче, настолько хорошо она считать еще не умела.

² Средник – срединный вертикальный брусок оконной рамы.

Толпа медленно просачивалась в собор. Беспокойный свет факелов выхватывал из сумрака изваяния у стен, и чудилось, будто те пустились в безумный пляс. В самом низу располагались демоны и чудища. Гвенда с опаской косилась на драконов, грифонов, на медведя с человеческой головой и на собаку с двумя туловищами и одной пастью. Некоторые демоны боролись с людьми: вот бес накинуд петлю на шею мужчины, вот чудовище, похожее на лису, тащило за волосы женщину, вот орел с человеческими руками вместо крыльев пронзал копьем обнаженного мужчину. Повыше, под нависавшими карнизами, рядами стояли святые; еще выше восседали на престолах апостолы, а из арки над главным входом святой Петр с ключами и святой Павел со свитком умиленно взирали на Иисуса Христа.

Гвенда знала, что Иисус велит не грешить, иначе ей суждено угодить в лапы демонов, но люди пугали ее пуще демонов. Если не удастся стащить кошель сэра Джеральда, отец ее высечет. Хуже того, всему семейству придется питаться одним желудевым супом. Гвенда с Филемоном будут голодать недели напролет. Грудь у мамыши высохнет, младенец умрет, как и последние двое до него. Отец исчезнет на много дней и вернется разве что с тощей цаплей или с парой белок. Чем голодать, уж лучше пусть высекут, от голода муки намного больше.

Воровать Гвенду научили рано: то яблоко с лотка, то свежее яйцо из-под соседской курицы, то нож, беспечно кинутый на стол пьяницей в таверне, – но красть деньги – совсем другое дело. Если ее поймут за кражей у сэра Джеральда, без толку будет рыдать и надеяться, что проказницу просто пожурят, как случилось, когда она стянула пару чудесных кожаных башмаков у одной добросердечной монахини. Срезать кошель у рыцаря уже не ребяческая шалость, а настоящее взрослое преступление, и накажут воришку как следует.

Гвенда старалась не думать о плохом. Она маленькая, юркая и шустрая, срежет кошель незаметно, точно призрак, если, конечно, справится с дрожью в руках.

Просторный собор кишел собравшимся народом. В боковых приделах монахи с накиннутыми на головы капюшонами держали факелы, мерцавшие тревожным красным пламенем. Стройные ряды колонн тянулись вдаль и тонули во мраке. Гвенда держалась поближе к сэру Джеральду, а толпа напирала вперед, к алтарю. Рыжебородый рыцарь и его худая жена девочку не замечали, да и сыновья рыцаря уделяли ей не больше внимания, чем каменным стенам собора. Семейство Гвенды отстало, девочка потеряла их из виду.

Центральный проход быстро заполнялся. Гвенда никогда не видела столько людей в одном месте: их было даже больше, чем на лужайке перед собором в рыночный день. Знакомые весело здоровались, чувствуя себя в безопасности от злых духов в этом святом храме, и разговоры становились все громче.

Но раскатился звон колокола, и шум мгновенно стих.

Сэр Джеральд встал возле семьи горожан в плащах из тонкого сукна; должно быть, это были богатые торговцы шерстью. Рядом с сэром Джеральдом оказалась девочка лет десяти, и Гвенда пристроилась позади нее. Она норовила держаться неприметно, но, к ее смятению, девочка посмотрела на нее и ласково улыбнулась, словно уверяя, что бояться нечего.

Монахи по очереди потушили все факелы, и огромный собор полностью погрузился во мрак.

Гвенда спросила себя, вспомнит ли ее потом эта девочка. Ведь она не просто мельком глянула и перевела взгляд, как бывает чаще всего; нет, она заметила Гвенду, выделила среди толпы, поняла, что ей не по себе, и дружески улыбнулась. Впрочем, в соборе наверняка сотни детей. Невозможно как следует запомнить лицо, увиденное в неярком свете... Или все-таки возможно? Гвенда постаралась отогнать беспокойство.

Невидимая в темноте, она шагнула вперед и беззвучно проскользнула между рыцарем и богатой девочкой, ощутив мягкое сукно плаща девочки с одной стороны и более грубое полотно старой накидки рыцаря – с другой. Теперь ничто не мешало ей срезать кошель.

Она сунула руку за пазуху и вытащила нож из деревянных ножен.

Тишину прорезал жуткий вопль. Гвенда ждала этого – мама рассказывала, какой будет служба, – но все равно ужасно перепугалась. Вопль прозвучал так, будто кого-то пытали.

Затем раздался резкий стук, словно били в жестяную тарелку, потом слышались рыдания, безумный хохот, вострубил охотничий рог, что-то загрохотало, загомонили на разные голоса животные, с дребезгом прозвонил треснувший колокол. В толпе заплакал ребенок, плач подхватили другие дети. Кто-то из взрослых негромко, осторожно хохотнул. Все знали, что шум издают монахи, но суматоха получилась знатная.

Этот миг следовало переждать, сейчас не самое удачное время срезать кошель. Гвенда понимала, что все настороже, все начеку. Рыцарь вскинется на любое прикосновение.

Дьявольский шум между тем усиливался, но вдруг в него вплелся иной звук. Послышалось пение, сперва такое тихое, что Гвенда решила, будто ей почудилось, но постепенно пение становилось громче. Пели монахини. Девочка ощутила себя натянутой как струна. Решающее мгновение приближалось. Двигаясь бесшумно, точно призрак, словно паря в воздухе, она повернулась лицом к сэру Джеральду.

Гвенда в подробностях рассмотрела, во что тот одет. Тяжелая суконная блуза, собранная на талии широким поясом с заклепками. Поверх блузы вышитая накидка, дорогая, но поношенная, с пожелтевшими костяными пуговицами. Сэр Джеральд застегнул несколько пуговиц, но не все – то ли еще толком не проснулся, то ли потому, что из госпиталя до церкви всего пара шагов и строго соблюдать правила незачем.

Гвенда как можно легче положила руку на накидку рыцаря. Вообразила, что ее рука – паучок, такой крохотный, что рыцарь не в силах его почувствовать. Пустила паучка по накидке, нашла отверстие, просунула пальцы внутрь и повела руку вдоль пояса, пока не нащупала кошель.

Демонические вопли стихали по мере того, как пение становилось громче. В толпе впереди благоговейно охнули. Сама Гвенда ничего не видела, но знала, что на алтаре зажгли фонарь и он осветил резной ковчег из золота и слоновой кости, в котором хранились мощи святого Адольфа, и до того, как погасили огни, ковчега на возвышении точно не было. Толпа хлынула вперед, все пытались приблизиться к священным останкам. Гвенда, зажата между сэром Джеральдом и мужчиной, что стоял перед рыцарем, пошевелила правой рукой и поставила нож к кожаному ремешку с кошельем.

Ремешок оказался прочным и с первого раза не поддался. Гвенда отчаянно пилила кожу ножом, надеясь лишь, что сэр Джеральд, поглощенный зрелищем у алтаря, ничего не заметит. Потом краем глаза уловила смутные очертания фигур вокруг и сообразила, что монахи снова зажигают свечи. С каждым мгновением становилось все светлее. Времени было в обрез.

Гвенда надавила на нож и наконец-то перерезала ремешок. Сэр Джеральд что-то тихо пробурчал. Неужто почувствовал? Или просто откликается на происходящее у алтаря? Кошель соскользнул прямо в руку, но оказался слишком большим и Гвенда его не удержала. Она было перепугалась, что выронила добычу и теперь ни за что не отыщет на полу, под бесчисленными ногами, но сумела перехватить и удержать кошель другой рукой.

На душе стало радостно и легко.

Однако опасность далеко не миновала. Сердечко билось так громко, что, наверное, стук слышали все вокруг. Гвенда быстро повернулась к рыцарю спиной, одновременно запихнув тяжелый кошель под свою накидку. Тот выпирал, как стариновское пузо, и наверняка мог возбуждать подозрения. Девочка сдвинула кошель вбок и прикрыла рукой. Когда станет совсем светло, кошель все равно будет замечен, но более надежного укрытия все равно не найти.

Ножик скользнул обратно в деревянные ножны. Теперь нужно поскорее убираться, пока сэр Джеральд не заметил пропажу, но давка, которая помогла незаметно срезать кошель, мешала улизнуть. Гвенда попробовала было протиснуться назад между телами людей, что стре-

мились к алтарю, желая взглянуть на мощи святого, и очутилась в ловушке, прямо рядом с человеком, которого только что обворовала.

Кто-то спросил ее, дыша в ухо:

– Ты цела?

Та самая богатая девочка! Гвенда поспешила прогнать страх. Ей нельзя привлекать к себе внимания. Помощь совсем некстати. Она ничего не ответила.

– Прошу вас, осторожнее, – обратилась старшая девочка к окружающим. – Не задавите эту малышку.

Гвенда едва удержалась от крика. Непрошенная забота могла аукнуться тем, что ей отрубят руку. Отчаянно пытаясь выбраться, она уперлась руками в спину человека перед собой и подалась назад, но тем самым лишь привлекла к себе внимание сэра Джеральда.

– Тебе же ничего не видно, милая, – ласково сказал рыцарь и, к ужасу Гвенды, поднял ее, подхватив под мышки, над толпой.

Она не могла сопротивляться. Его крупная рука находилась всего в дюйме от срезанного кошель. Гвенда смотрела вперед, так что рыцарю был виден лишь ее затылок. На алтаре монахи и монахини зажигали все новые и новые свечи и пели гимны в честь давно умершего святого. Через большую розетку восточного фасада внутрь проникал слабый свет: занимавшийся день изгонял злых духов. Жуткий грохот совсем стих, а пение стало громче. Высокий красивый монах подошел к алтарю, и Гвенда узнала приора Кингсбриджа Антония. Воздев руки в благословляющем жесте, тот громко произнес:

– Ныне в очередной раз милостью Христа Иисуса зло и мрак дольного мира изгнаны гармонией и светом святой Божией Церкви.

Паства ликующе загудела, люди заулыбались. Основная часть службы миновала. Гвенда задрыгала ногами, и сэр Джеральд, верно поняв ее намерения, опустил девочку на пол. Старательно отворачивая лицо, она поспешила скрыться в толпе и снова попыталась продрасться назад. Люди больше не стремились приблизиться к алтарю, и потому Гвенде удалось благополучно отдалиться от рыцаря. Чем дальше, тем проще было пробираться, наконец она оказалась у больших западных ворот и увидела родных.

Отец смотрел выжидательно, готовый рассвирепеть, если выяснится, что дочь не справилась. Гвенда достала кошель из-под рубахи и бросила отцу, с радостью избавляясь от добычи. Папаша схватил кошель, отвернулся, быстро заглянул внутрь и блаженно улыбнулся. Затем он передал кошель матери, и та ловко засунула его в складки одеяла, в которое закатали младенца.

Самое страшное позади, но опасность миновала не до конца.

– Меня заметила богатая девочка. – Гвенда различила страх в своем голосе.

В маленьких темных глазках папаши вспыхнула злость.

– Она видела, как ты срезала кошель?

– Нет, она просила людей быть поосторожнее, а потом рыцарь подхватил меня и поднял, чтобы лучше было видно.

Мать тихо застонала. Отец проворчал:

– Значит, он тебя запомнил.

– Я отворачивалась.

– И все-таки лучше не попадаться ему на глаза. В госпиталь больше ни ногой. Позавтракаем в таверне.

– Мы не можем прятаться целый день, – заметила мать.

– Смешаемся с толпой.

Гвенде стало легче. Кажется, отец решил, что большой опасности нет. Она почувствовала себя увереннее – папаша опять главный, ответственность не на ней.

– Кроме того, – продолжил он, – хлеб и мясо куда лучше жидкой монастырской каши. Теперь я могу себе это позволить!

Они вышли из храма. Утреннее небо приобрело жемчужно-серый оттенок. Гвенда хотела взять мать за руку, но заплакал младенец и мать отвлеклась на него. Тут на глаза девочке попался трехногий белый пес с черной мордой, который вбежал на двор знакомой вихляющей походкой.

– Хоп! – воскликнула Гвенда, подхватила пса и прижала к себе.

2

Одиннадцатилетний Мерфин был годом старше Ральфа, но, к его крайней досаде, младший брат уродился выше и сильнее.

Это приводило к разладу в отношениях с родителями. Будучи воином, сэр Джеральд не скрывал разочарования, когда старший сын не мог поднять тяжелое копье, быстро выдыхался, норовя срубить дерево, или прибегал домой в слезах, потерпев поражение в драке. Леди Мод делала все только хуже, защищая Мерфина, когда от нее требовалось лишь притворяться, будто ничего не замечает. Когда отец во всеуслышание нахваливал сильного Ральфа, мать старалась сгладить положение, называя младшего сына глупым. Ральф действительно рос не самым смысленным, но что же тут поделаешь; такие попреки его только злили, и мальчики опять ссорились.

А утром в День Всех Святых поссорились и родители. Джеральд вообще не хотел ехать в Кингсбридж, однако пришлось. Он никак не мог выплатить долг аббатству. Мод напомнила, что монахи способны отобрать у них землю: сэр Джеральд был лордом трех деревень в окрестностях Кингсбриджа. Отец рявкнул, что он прямой потомок Томаса, ставшего графом Ширингом в тот год, когда король Генрих II поднял руку на архиепископа Беккета. Граф Томас был сыном Джека Строителя, архитектора Кингсбриджского собора, а историю его почти легендарной супруги леди Алины Ширинг рассказывали долгими зимними вечерами после героических сказаний о Карле Великом и Роланде. У человека, имеющего столь достойных предков, никакие монахи не посмеют отобрать землю, рычал сэр Джеральд, уж тем более не такая баба, как приор Антоний. Когда рыцарь начал кричать, лицо Мод приняло выражение усталого смирения, и она отвернулась, хотя Мерфин расслышал слова матери:

– У леди Алины был еще брат Ричард, который только и умел, что драться.

Может, Антоний и баба, но у него хватало мужества требовать с рыцаря оплаты счетов. Приор обратился к господину и троюродному брату Джеральда, нынешнему графу Ширингу. Тот вызвал родственника в Кингсбридж, чтобы вместе с приором уладить дело. Поэтому отец был в плохом настроении.

А потом его ограбили.

Он обнаружил пропажу после службы. Мерфину зрелище понравилось: темнота, таинственные звуки, тихое пение, которое становилось все громче, громче, пока наконец не заполнило громадный собор; понравилось, как одна за другой загорались свечи. В неверном свете он заметил, что некоторые воспользовались мраком для совершения мелких грешков, за которые уже получили прощение: двое монахов торопливо прервали поцелуй, а шустрый купец отдернул руку от пышной груди улыбающейся женщины, явно чужой жены. Когда все семейство возвратилось в госпиталь, мальчик по-прежнему не находил себе места от восторга.

Пока ждали, когда монахини накроют завтрак, поваренок пронесся через помещение к лестнице, держа в руках поднос с большим кувшином эля и блюдом горячей солонины. Мать брюзгливо проговорила:

– Твой родич граф мог бы и нас пригласить на завтрак. В конце концов, твоя бабка приходилась сестрой его деду.

– Не хочешь каши, можем пойти в таверну, – ответил отец.

Мерфин наострил уши. Он любил завтракать свежим хлебом и соленым маслом, но мать лишь сказала:

– Нам это не по карману.

– Очень даже по карману. – Отец потянулся к кошельку и только тут сообразил, что на поясе пусто.

Сначала он посмотрел на пол: вдруг кошель упал, – затем заметил срезанные концы кожаного ремня и зарычал от бешенства. Все уставились на него, только мать опять отвернулась и прошептала:

– Все наши деньги.

Отец обвиняющим взглядом обвел зал госпиталя. Длинный шрам, бежавший от правого виска к левому глазу, потемнел от гнева. Люди вокруг настороженно затихли: любой рыцарь в ярости опасен, даже тот, кому столь явно не повезло.

Мать заметила:

– Тебя обворовали в соборе, никаких сомнений.

«Пожалуй, она права, – подумал Мерфин. – В темноте люди чаще воруют, чем целуются».

– Еще и святотатство, – проворчал отец.

– Думаю, это произошло, когда ты поднял ту маленькую девочку. – Лицо матери искривилось, как будто она проглотила что-то горькое. – Верно, вор подобрался сзади.

– Его нужно найти! – прорычал отец.

– Мне очень жаль, сэр Джеральд, – послышался голос молодого монаха по имени Годвин. – Я схожу за констеблем Джоном. Попрошу поискать бедного горожанина, который внезапно разбогател.

«Как бы не так, – подумал Мерфин. – В соборе были тысячи горожан и сотни приезжих. Констеблю за всеми не уследить».

Но отец слегка смягчился.

– Этого мошенника надо повесить! – процедил он чуть тише.

– А пока, может быть, вы с леди Мод и ваши сыновья окажете нам честь и сядете за стол у алтаря? – продолжал умасливать рыцаря Годвин.

Отец утвердительно фыркнул. Мерфин знал, что рыцарь доволен этим приглашением, ведь его выделили из множества гостей, которым придется есть на полу, там же, где спали.

Опасность насилия миновала, и мальчик немного успокоился, но, когда они всей семьей уселись за стол, задумался о том, что же теперь с ними будет. Отец был храбрым воином – так все говорили. Он сражался заодно с прежним королем при Боробридже³, где меч мятежника из Ланкашира оставил ему на память шрам на лбу. Но отцу не везло. Некоторые рыцари возвращались домой с награбленным добром – драгоценными камнями, возами дорогостоящего фламандского сукна и итальянского шелка – или привозили с собою глав благородных семейств из стана врага, которых потом родственники выкупали за тысячи фунтов. Сэр Джеральд, увы, никогда не умел пожить. А чтобы выполнять свой долг и служить королю, ему по-прежнему приходилось тратить на оружие, доспехи и дорогих боевых коней, но доходов с владений почему-то всегда не хватало. Вопреки уговорам матери, он начал брать в долг.

С кухни принесли дымящийся котел. Семейство сэра Джеральда обслужили в первую очередь. Ячменную кашу сдобрили розмарином и солью. Ральф, не понимавший, похоже, сколь незавидно положение, в котором очутилась семья, принялся было возбужденно обсуждать службу, но ответом ему стало мрачное молчание, и он затих.

Когда с кашей было покончено, Мерфин подошел к алтарю, за которым спрятал лук и стрелы. Он поступил так с умыслом – воры обычно остерегаются приближаться к алтарю. Правда, если добыча слишком заманчива, страх можно преодолеть, однако самодельный лук не слишком-то привлекателен для воришек. Ну да, так и есть, никто на него не покусился.

Мерфин гордился собой. Пускай лук маленький, ведь согнуть настоящий шестифутовый лук под силу лишь крепкому взрослому мужчине. Мерфин сделал лук в четыре фута длиной и тоньше обычного, но в остальном это был настоящий английский лук, от стрел кото-

³ Имеется в виду сражение в марте 1322 г. между мятежными баронами во главе с графом Ланкастером и войском короля Эдуарда II; мятежники потерпели поражение, благодаря чему король продержался у власти еще пять лет.

рого погибло столько шотландских горцев, валлийских мятежников и французских рыцарей в доспехах.

До сих пор отец ни слова не сказал про это оружие, а теперь вдруг спросил:

– Где ты взял дерево? Оно дорогое.

– Это нет – слишком короткое. Мне дал заготовку мастер-лучник.

Джеральд кивнул.

– Коротковат, верно, но это превосходный тисовый лук, из той части дерева, где заболонь переходит в сердцевину. – Он указал на более светлую и темную полосы древесины.

– Я знаю, – с жаром отозвался Мерфин. Нечасто ему выпадала возможность произвести впечатление на отца. – Гибкая заболонь лучше для внешней дуги, потому что сама выгибается обратно, а жесткая сердцевина для внутренней – он создает упор, когда лук выгибают внутрь.

– Верно. – Отец вернул лук сыну. – Но помни: это оружие не для благородного человека. Сыновьям рыцарей не годится быть лучниками. Отдай его какому-нибудь крестьянскому мальчишке.

Мерфин приуныл:

– Я даже не попробовал пострелять!

– Пусть поиграет, – вмешалась мать. – Они ведь еще дети.

– Ну, пускай, – ответил отец, теряя интерес. – Любопытно, эти монахи принесут нам эля?

– Ступайте, – разрешила мать. – Мерфин, присмотри за братом.

– Скорее наоборот, – проворчал рыцарь.

Юного лучника больно кольнуло это напутствие. Отец просто ничего не понимает. Он-то как раз может постоять за себя, а вот Ральф вечно ввязывается в драки. Однако Мерфин знал, как себя вести, когда отец не в духе, и потому покинул госпиталь, не промолвив ни слова. Ральф поплелся следом.

Стоял ясный и холодный ноябрьский день, высоко в небе плыло бледно-серое облако. Братья вышли со двора аббатства и двинулись по главной улице мимо Рыбного переуллка, Кожевенного двора и Петушиного загона, у подножия холма по деревянному мосту пересекли реку и, оставив позади старый город, очутились в предместье – Новом городе. Здесь ряды деревянных домов разделяли выпасы, сады и огороды. Мерфин повел брата к лугу под названием «Лаверсфилд» (Поле Влюбленных). Там городской констебль и его помощники поставили мишени для лучников и устроили стрельбище. По приказу короля тренироваться в стрельбе из лука после церковной службы обязаны были все мужчины.

Особых мер принуждения для этого не требовалось, ведь выпустить несколько стрел в воскресное утро было неплохим развлечением, и около сотни городских юношей выстроились в очередь в ожидании своего выстрела. За ними наблюдали женщины, дети и мужчины, считавшие себя старыми или слишком высокородными для стрельбы из лука. Кое-кто явился со своим оружием, а тем, кому собственный лук был не по средствам, констебль Джон выделял дешевые учебные луки – из ясеня или лещины.

Настроение было праздничным. Пивовар Дик продавал кружками эль из бочки, стоявшей на телеге, а четыре почти взрослых дочери Бетти Бакстер⁴ торговали с подносов пряной фасолью. Зажиточные горожане нарядились в меховые шапки и новые башмаки, даже бедные женщины украсили волосы и прикрепили к плащам разноцветные ленты.

Мерфин был единственным мальчиком с луком, и это обстоятельство сразу же заинтересовало остальных детей. Они столпились вокруг: мальчишки задавали завистливые вопросы,

⁴ Фамилий как таковых в тот период еще не существовало, поэтому некоторые горожане носят прозвища, отражающие их профессии, а другие – уже подобия современных фамилий; впрочем, фамилия Бакстер тоже значимая (от древнеангл. корня со значением «печь хлеб») и представляет собой нечто среднее между прозвищем и фамилией в современном понимании.

а девочки смотрели восхищенно или презрительно, в зависимости от своего характера. Одна спросила:

– Откуда ты узнал, как его сделать?

Мерфин вспомнил, что видел эту девочку недалеко в соборе: примерно на год младше, в платье и плаще из добротного плотного сукна. Обычно Мерфина ровесницы бесили: постоянно хихикали, говорить с ними всерьез было невозможно, – но эта смотрела на него и на лук с искренним интересом, и такое внимание ему льстило.

– Догадался.

– Здорово. А далеко он стреляет?

– Еще не пробовал. Тебя как зовут?

– Керис, я дочь Эдмунда-суконщика. А ты кто?

– Мерфин. Мой отец – сэр Джеральд. – Из-за отворота шапки мальчик достал свернутую тетиву.

– А почему тетива в шапке?

– Чтобы не намокла, если дождь пойдет. Так делают все настоящие стрелки. – Он приладил тетиву к ушкам на плечах лука, чуть сгибая оружие, чтобы тетива легла надежно.

– Ты будешь стрелять?

– Буду.

– Тебя не пустят, – возразил кто-то из мальчишек.

Мерфин повернулся. Перед ним стоял парень лет двенадцати, высокий и худой, с большими руками и ногами. Мерфин видел его прошлым вечером в госпитале вместе с родителями, его звали Филемон. Он терся около монахов, задавал вопросы и помогал накрывать ужин.

– Еще как пустят, – ответил Мерфин. – С какой стати им меня не пускать?

– Ты слишком молод.

– Это же глупо. – Не успев договорить, Мерфин понял, что зря бравирует: взрослые часто бывают глупыми. Но самоуверенность Филемона его взбесила, тем более он только-только похвастался Керис.

Он отошел от детей и приблизился к компании мужчин, ожидавших своей очереди на выстрел. Среди взрослых он узнал необыкновенно высокого и широкоплечего ткача Марка. Тот заметил лук и негромко, дружелюбно заговорил с мальчиком:

– Откуда у тебя лук?

– Я сам его сделал, – с гордостью ответил Мерфин.

– Посмотри-ка, Элфрик, – повернулся к соседу Марк, – какой парнишка лук сделал.

Крепыш с хитрыми глазками бегло взглянул на лук и презрительно хмыкнул:

– Маленький больно. Из него не пробить доспех французского рыцаря.

– Может и так, – не стал спорить Марк. – Но сдастся мне, что парнишка двинется на французов только через пару лет.

– Все готово! – крикнул констебль Джон. – Марк-ткач, ты первый.

Великан подошел к барьеру, поднял мощный лук и опробовал его, согнув толстую дугу без видимого усилия.

Тут констебль заметил Мерфина и покачал головой:

– Мальчики не стреляют.

– Почему? – возмутился Мерфин.

– Потому что. Ступай прочь.

Кто-то из детей захихикал.

– Так несправедливо! – не отступал Мерфин.

– Еще я с детьми буду объясняться. Давай, Марк, стреляй.

Мерфин ощутил себя униженным. Эта змея Филемон перед всеми его опозорил. Он отвернулся от мишени.

– Я же говорил, – заметил Филемон.

– Эй, ты, заткнись и убирайся.

– Не тебе тут командовать, – ответил Филемон. Он был на шесть дюймов выше Мерфина. – Ты меня уйти не заставишь.

– Зато я могу. – Ральф шагнул вперед.

Мерфин тяжело вздохнул. Ральфу не втолкуешь, что из-за этой его верности брату он своей дракой с Филемоном лишь выставит Мерфина слабаком и дураком.

– Ладно, ухожу, – буркнул Филемон. – Я все равно собирался помочь брату Годвину.

Он ушел. Остальные дети тоже начали расходиться, высматривая развлечения поинтереснее.

Керис же сказала Мерфину:

– Не обязательно стрелять здесь. – Девочке явно хотелось посмотреть, далеко ли бьет лук.

Мерфин огляделся:

– А где? – Если его застанут за стрельбой без присмотра, то могут отобрать лук.

– Можно пойти в лес.

Мерфин удивился. Детям запрещалось ходить в лес. Там прятались разбойники, мужчины и женщины, промышлявшие воровством. Детей могли раздеть, похитить и превратить в рабов, а то и учинить над ними что похуже, о чем родители говорили одними намеками. Даже если они возвращались живыми и здоровыми, сбегавших в леса нещадно поролли собственные отцы – за непослушание.

Однако Керис, кажется, ничего не боялась, и Мерфину не хотелось выглядеть трусом в ее глазах. Кроме того, грубый отказ констебля уязвил его в самое сердце.

– Ладно. Только чтобы нас никто не видел.

На это у девчонки тоже нашелся ответ:

– Я знаю дорогу.

Она пошла к реке. Братья двинулись за нею. Рядом семенил трехногий пес.

– Как зовут твою собаку? – спросил Мерфин.

– Это не моя, – ответила Керис. – Я дала ей кусок тухлого окорока и теперь не могу от нее отделаться.

Они шли по илистому берегу реки, мимо торговых складов, пристаней и барж. Мерфин украдкой рассматривал девочку, которая так легко стала их вожаком. Широкое решительное лицо, не красавица и не уродка, в зеленоватых глазах с золотистыми пятнышками светится озорство. Светло-русые волосы заплетены в две косы, по нынешней моде состоятельных горожанок. Одежда дорогая, но вместо вышитых тряпичных туфель, которые предпочитали благородные дамы, девочка носила надежные кожаные башмаки.

Вот Керис свернула прочь от реки, миновала дровяной склад, и вдруг дети очутились в низкорослом леске. Мерфин ощутил смутное беспокойство. В лесу полным-полно разбойников; вдруг один подсматривает за ними из-за дуба? Он пожалел о своей бравате, но возвращаться было стыдно.

Дети пошли дальше, подыскивая большую поляну, где можно пострелять. Вдруг Керис заговорщически произнесла:

– Видите тот большой куст остролиста?

– Да.

– Как только его пройдем, садитесь на землю, и чтобы тихо.

– Почему?

– Сами увидите.

Мгновение спустя Мерфин, Ральф и Керис присели на корточки за кустом. Трехногий пес тоже сел и с надеждой посмотрел на девочку. Ральф хотел что-то спросить, но Керис зашикала на него.

Через минуту показалась маленькая девочка. Керис выпрыгнула из-за куста и схватила ее. Малышка взвизгнула.

– Тихо! – прикрикнула Керис. – Дорога совсем близко, мы не хотим, чтобы нас услышали. Зачем ты за нами пошла?

– Вы забрали моего пса, он меня не слушался.

– Я тебя знаю, ты была сегодня утром в церкви. – Керис явно смягчилась. – Не плачь, мы тебе ничего не сделаем. Как тебя зовут?

– Гвенда.

– А собаку?

– Хоп. – Девочка подхватила пса, и тот принялся слизывать слезы с лица хозяйки.

– Ладно, он теперь твой. Но лучше тебе пойти с нами, а то вдруг он опять удерет. Кроме того, ты, наверно, не найдешь дорогу обратно.

Все вместе двинулись дальше, и Мерфин спросил:

– У кого восемь рук и одиннадцать ног?

– Сдаюсь, – сразу откликнулся Ральф. Он всегда сдавался на загадках.

– А я знаю. – Керис усмехнулась. – Это мы. Четверо детей и собака. Здорово.

Мерфин порадовался. Даже взрослые не всегда понимали его шутки, а уж девчонки и подавно. Тут он услышал, как Гвенда принялась объяснять Ральфу:

– Две руки и две руки, еще две руки и две руки – это будет восемь. Две ноги...

По счастью, в лесу никого не было. Те немногие, кто ходил в лес по делам – дровосеки, угольщики, плавильщики железа, – сегодня отдыхали, зная тоже обыкновенно не охотилась по воскресеньям. Так что встретить они могли только разбойников, но и тех, хвала небесам, видно не было. Большой лес тянулся на много миль, и лишь крайняя нужда привела бы разбойников так близко к городу. Мерфин еще ни разу в жизни не пересекал этот лес от края до края.

Дети вышли на широкую поляну, и мальчик остановился:

– Подойдет.

Приблизительно в пятидесяти футах от опушки высился огромный дуб. Мерфин встал боком к цели – он видел, что так поступают взрослые стрелки, – взял одну из трех стрел и приладил выемку хвостовика к тетиве. Изготовить стрелу из древесины ясеня и с гусиным оперением было не проще, чем сам лук. Мальчик, разумеется, не смог раздобыть железо для накопечников, поэтому просто заострил концы прутьев и опалил, чтобы затвердели. Он посмотрел на дуб и натянул тетиву. Усилие оказалось неожиданно трудным. Пальцы отпустили стрелу.

Стрела сорвалась с тетивы и упала на землю довольно далеко от цели. Трехногий пес поковылял за ней.

Мерфин расстроился. Он-то думал, что стрела со свистом прорежет воздух и вонзится в дерево. А так, получается, он недостаточно натянул тетиву.

Он взял лук правой рукой, а стрелу ухватил левой; от многих лучников он отличался тем, что одинаково хорошо владел обеими руками. Второй раз мальчик натянул тетиву изо всех сил. Когда стрела отправилась в полет, стало понятно, что он действует правильно: снаряд почти долетел до дерева.

В третий раз он прицелился вверх, прикинув, что стрела полетит по дуге и на излете войдет в ствол. Но Мерфин взял слишком высоко, стрела угодила в ветви и упала наземь в ворох сухих коричневых листьев.

Мерфин пригорюнился. Стрелять из лука оказалось куда сложнее, чем он думал. Сам лук скорее всего в полном порядке; дело в его умении... точнее, неумении.

Керис снова сделала вид, будто ничего не заметила.

– Дай мне попробовать, – попросила она.

– Девчонки не умеют стрелять! – Ральф выхватил лук у брата. Он встал боком к мишени, как Мерфин, но выстрелил не сразу, а несколько раз согнул лук, принаравливаясь к нему. Он тоже понял, что гнуть древесину не так просто, но освоился, похоже, довольно быстро.

Хоп между тем притащил все три стрелы к ногам Гвенды, малышка их подобрала и передала Ральфу.

Брат прицелился, не натягивая тетивы, соизмерил стрелу и ствол дерева, не напрягая рук. Мерфин понял, что так и нужно было сделать. Почему подобное так ловко выходит у Ральфа, который не может отгадать ни одной загадки? А брат тем временем натянул наконец тетиву, не рывком, а плавным движением, как будто помогая себе поворотом бедер. Пущенная стрела вонзилась в мягкую кору дуба едва ли не на дюйм. Ральф громко засмеялся.

Хоп поковылял за стрелой. Добравшись до дерева, пес в растерянности остановился.

Ральф опять натянул лук. Мерфин понял намерения брата и успел лишь вскрикнуть:

– Не надо...

Он опоздал. Стрела вонзилась псу в загривок. Хоп упал и забился в судорогах.

Гвенда закричала. Керис прошептала:

– О нет!

Девочки побежали к собаке.

Ральф самодовольно ухмыльнулся.

– Ну как?

– Ты убил собаку! – свирепе прошипел Мерфин.

– Эка важность, у нее все равно только три ноги.

– Ее любила эта девочка, болван. Видишь, она плачет.

– Ты просто завидуешь, потому что не умеешь стрелять.

Тут что-то отвлекло Ральфа. Ловким движением он наложил последнюю стрелу, согнул лук в тугую дугу и отпустил тетиву, еще не довершив нажатия. Мерфин не мог понять, куда брат выстрелил, пока на землю не повалился, перевернувшись в воздухе, жирный заяц, из туловища которого торчала стрела.

Мальчик даже не пытался скрыть восхищение. Не всякий опытный стрелок попадет в бегущего зайца. У Ральфа врожденный дар. Мерфин и вправду завидовал, хотя ни за что не признался бы в этом. Он очень хотел стать рыцарем, смелым и сильным, хотел сражаться за короля, как отец, и его угнетало, когда выяснялось, что воинские деяния вроде стрельбы из лука ему не даются.

Ральф нашел камень и проломил зайцу голову, положив конец мучениям раненого животного.

Мерфин опустился на колени возле девочек и подстреленной собаки. Пес не дышал. Керис осторожно вытащила стрелу из его загривка и передала Мерфину. Не вытекло ни капли крови: Хоп был мертв.

Какое-то время все молчали. Вдруг тишину прорезал мужской крик.

Мерфин вскочил, ощущая, как колотится сердце в груди. Раздался еще один крик, голос был другим. Значит, людей несколько. В голосах слышались злоба и ярость. Явно кто-то дерется неподалеку. Мальчик сильно испугался, как и остальные дети. Все замерли, вслушиваясь, и различили новый звук: кто-то опрометью бежал через лес, хрустя сухими ветками, приминая траву и топча опавшую листву.

Шаги приближались.

– В кусты, – шепнула Керис, кивнув на вечнозеленые заросли.

«Возможно, там как раз и прятался тот заяц, которого подстрелил Ральф», – подумал Мерфин. Мгновение спустя Керис уже легла на землю и поползла в заросли. Гвенда последовала ее примеру, прижимая к себе Хопа. Ральф, подобрав убитого зайца, присоединился к ним. Мерфин было опустился на колени, но внезапно вспомнил, что в стволе осталась торчать

самодельная стрела. Он метнулся через поляну, вытащил стрелу, перебежал обратно и нырнул под ветки.

Прерывистое дыхание беглеца стало слышно раньше, чем показался он сам. Он дышал тяжело и натужно, вдыхал воздух с такой жадностью, что становилось понятно: беглец, похоже, выбился из сил. Те, что за ним гнались, перекрикивались между собою: «Сюда!», «Здесь!». Мерфин припомнил слова Керис, что дорога совсем близко. Может, это путник, на которого напали грабители?

Спустя мгновение беглец выскочил на поляну.

Это был рыцарь лет двадцати с небольшим, вооруженный мечом и длинным кинжалом на поясе. Добротная одежда – дорожная кожаная блуза и высокие сапоги с отворотами. Он сделал шаг, споткнулся, упал, перекатился по земле, поднялся на ноги, прижался спиной к дубу и обнажил меч.

Мерфин посмотрел на товарищей. Керис, побелев от страха, грызла губу. Гвенда прижимала к себе мертвую собаку, словно так было безопаснее. Ральф тоже выглядел напуганным, но все-таки сподобился извлечь стрелу из тушки зайца и сунуть добычу себе под накидку.

Рыцарь мельком глянул на куст, и Мерфин с ужасом понял, что незнакомец скорее всего рассмотрел прячущихся детей, а может, углядел поломанные ветки и сбитую листву там, где дети заползали в заросли. Краем глаза Мерфин заметил, как Ральф наложил стрелу на тетиву лука.

В этот миг на поляне появились преследователи – двое мужчин крепкого телосложения и грозного вида с обнаженными мечами. На обоих красовались приметные двухцветные блузы: левая сторона была желтой, правая – зеленой. Один носил накидку из дешевого темно-зеленого сукна, плечи другого укрывал поношенный черный плащ. Все трое мужчин замерли, стараясь отдышаться. Мерфин был уверен, что рыцаря сейчас зарубят насмерть, и ощущал постыдное желание залиться слезами. Внезапно беглец перехватил меч за клинок и выставил рукоять вперед, давая понять, что сдается.

Старший из двоих преследователей, тот, что в черном плаще, шагнул вперед и протянул левую руку, осторожно принимая меч. Он передал оружие спутнику и забрал у рыцаря кинжал.

– Мне нужно не твоё оружие, Томас Лэнгли.

– Ты меня, как я погляжу, знаешь, а вот я тебя нет, – отозвался Лэнгли. Если он и испугался, то не потерял самообладания. – Судя по одежде, вы служите королеве.

Воин в черном плаще приставил острие своего клинка к горлу Томаса и заставил того вжаться спиной в дерево.

– При тебе должно быть некое письмо.

– Да, указания графа шерифу по поводу налогов. Можешь прочесть.

Рыцарь, конечно же, шутил. Эти воины почти наверняка не умели читать. «А этот Томас малый не промах, – подумалось Мерфину, – коли он смеется над людьми, что собираются его убить».

Второй воин вытянул руку под мечом первого, схватил кошель, висевший на поясе Томаса, и нетерпеливо перерезал пояс своим клинком. Он откинул половинки пояса в сторону и развязал кошель, откуда вытащил маленький мешочек, на вид из промасленного сукна. Из этого мешочка был извлечен пергамент, свернутый в свиток и запечатанный воском.

«Неужели вся стычка из-за какого-то письма, – недоумевал Мерфин. – Что же такого написано в этом свитке? Вряд ли обычные распоряжения насчет налогов. Верно, тут скрывается какая-нибудь страшная тайна».

– Если вы меня убьете, – сказал рыцарь, – те, кто прячется в кустах, всё увидят.

На долю мгновения все замерли. Воин в черном плаще, прижимавший меч к горлу Томаса Лэнгли, оглянуться не решился. Второй помедлил, но затем все же посмотрел на кусты.

Тут завопила Гвенда. Воин в накидке из дешевого сукна крепче стиснул меч и сделал два больших шага в направлении кустов. Девочка вскочила и помчалась прочь, не разбирая дороги. Воин кинулся за нею, намереваясь схватить.

Ральф поднялся, плавным движением вскинул лук и выпустил стрелу. Та вонзилась воину точно в глаз и на несколько дюймов вошла в голову. Раненый вскинул левую руку, будто желая вытащить прут из глазницы, но вдруг обмяк и рухнул наземь, как мешок с зерном. Раздался глухой удар, и земля под ногами Мерфина содрогнулась.

Ральф выбежал из кустов и помчался за Гвендой. Краем глаза Мерфин увидел, что Керис устремилась следом. Он тоже хотел убежать, но словно прирос к земле.

С другого конца поляны донесся крик. Мерфин увидел, что Томас Лэнгли отбил при- ставленный к горлу меч и вытащил откуда-то из-под одежды нож с лезвием длиной в мужскую ладонь. Воин в черном плаще был настороже и сумел увернуться от удара. Он занес клинок, метя рыцарю в голову.

Лэнгли пригнулся, но был недостаточно проворен. Меч опустился на его левое предпле- чье, вспорол кожаную блузу и вонзился в плоть. Рыцарь взревел от боли, но устоял на ногах. Быстрым движением, которое показалось Мерфину необыкновенно изящным, он взметнул правую руку вверх и поразил противника ударом ножа в горло, а затем повел нож по дуге в сторону, рассекая шею.

Кровь хлынула фонтаном из горла воина. Томас пошатнулся и отступил назад, чтобы не запачкаться. Воин в черном упал на землю, его голова болталась, почти отделенная от тела.

Томас выронил нож из правой руки и схватился за раненое предплечье. Потом опустился наземь, будто резко лишившись сил.

Мерфин остался наедине с раненым рыцарем, телами двух воинов и мертвой трехногой собакой. Он знал, что должен бежать следом за остальными детьми, но любопытство удержи- вало на месте. Лэнгли теперь выглядел неопасным, убеждал себя мальчик.

У рыцаря оказался острый глаз.

– Эй, можешь выходить, – позвал он. – В таком состоянии я тебя не изловлю.

Мерфин нерешительно встал и вылез из кустов, пересек поляну и остановился в несколь- ких футах от сидевшего рыцаря.

Томас сказал:

– Если узнают, что вы играли в лесу, вас высекут.

Мерфин кивнул.

– Я сохраню вашу тайну, если вы сохраните мою.

Мерфин вновь кивнул. Соглашаясь на сделку, он ничем не поступался. Все дети будут молчать. Иначе, если кто проговорится, беды не миновать. Сильнее прочих достанется ведь Ральфу, убившему человека королевы.

– Не сможешь перевязать рану? – попросил Томас.

Несмотря на все случившееся, изъяснялся он вежливо. Его самообладание казалось вос- хитительным и вызывало уважение. Мерфин понял, что хочет стать таким же, когда вырастет.

Наконец мальчик проглотил комок в пересохшем горле и выдавил:

– Помогу.

– Подними мой испорченный пояс и перетяни, пожалуйста, мне руку.

Мальчик подчинился. Нижняя рубаха Томаса намочла от крови, а плоть на руке была вспорота, как туша в мясницкой лавке. Мерфина слегка замутило, но он заставил себя затянуть пояс на руке рыцаря так, чтобы концы раны сошлись, а кровотечение ослабло, потом завязал узел, а Лэнгли правой рукой затянул его потуже.

Томас с трудом поднялся и окинул взглядом мертвые тела.

– Вдвоем нам их не похоронить. Я истеку кровью, прежде чем мы выкопаем могилы. – Он покосился на Мерфина и прибавил: – Даже с твоей помощью. – Подумал немного и про-

должил: – С другой стороны, я не хочу, чтобы на них наткнулась какая-нибудь влюбленная парочка, ищущая местечко... где бы уединиться. Давай оттащим обоих в кусты, где вы прятались. Сначала вон того, в зеленом.

Рыцарь и мальчик подошли к телу.

– Ты за одну ногу, я за другую, – велел Томас.

Он схватил мертвеца правой рукой за левую лодыжку, а Мерфин обеими руками взял другую безвольную ногу и потянул. Вдвоем они затащили тело в кусты, где лежал бездыханный Хоп.

– Годится. – Лицо Томаса побелело от боли. Чуть погодя он наклонился и вырвал стрелу из глазницы воина. – Твоя? – Рыцарь вопросительно выгнул бровь.

Мерфин взял стрелу и вытер о траву, избавляясь от крови и мозгов, налипших на древко.

Точно так же перетаскивали второе тело, волоча голову следом за почти обезглавленным туловищем, и бросили подле первого. Лэнгли подобрал вражеские мечи, зашвырнул их в кусты и отыскал свое оружие.

– А теперь окажи мне услугу, хорошо? – Рыцарь протянул мальчику кинжал: – Можешь выкопать ямку в земле?

– Ладно. – Мерфин взял кинжал.

– Прямо здесь, перед дубом.

– Глубоко копать?

Томас показал на кожаный кошель, который снова повесил на пояс.

– Чтобы спрятать вот это на пятьдесят лет.

Призвав все свое мужество, Мерфин спросил:

– Зачем?

– Копай, а я расскажу тебе что смогу.

Мальчик прочертил в траве квадрат и начал ковырять стыльную землю кинжалом, выгребая накопанное руками.

Лэнгли подобрал свиток, положил в промасленный мешочек, а мешочек спрятал в кошель.

– Мне поручили доставить это письмо графу Ширингу. Оно содержит столь опасную тайну, что я понял: подателя письма наверняка убьют, чтобы он никогда ничего и никому не рассказал. Нужно было исчезнуть. Я решил укрыться в монастыре, стать монахом. С меня довольно сражений, пора искупать грехи, которых накопилось достаточно. Меня хватились, люди, которые вручили мне письмо, принялись искать, и вот незадача – угораздило же попасться им на глаза в одной бристольской таверне.

– А почему за тобой гнались люди королевы?

– Она тоже готова на все, лишь бы тайна не вышла наружу.

Когда Мерфин выкопал яму в восемнадцать дюймов глубиной, Томас сказал:

– Достаточно.

Он кинул кошель в яму. Мерфин засыпал ее землей, а Лэнгли набросал поверх свежескопанной земли листьев и мелких веток, и вскоре это место стало неотличимым от остальной поляны.

– Если услышишь, что я умер, пожалуйста, выкопай это письмо и передай священнику. Сделаешь это для меня?

– Хорошо.

– Но до тех пор никому ничего не говори. Пока известно, что письмо у меня, но непонятно, где оно точно, они побоятся лезть на рожон. А вот стоит тебе раскрыть тайну, сначала убьют меня, а потом и тебя.

Мерфин обомлел от страха. Это же несправедливо, что ему угрожает такая опасность только из-за того, что он выкопал ямку по просьбе другого человека!

– Прости, что пугаю тебя, – продолжал Томас. – Но это не только моя вина. В конце концов, я не просил тебя сюда приходить.

– Нет. – Всем сердцем Мерфин сейчас жалел, что наплевал на слова матери и вообще пришел в лес.

– Я вернусь на дорогу, а тебе лучше уйти тем же путем, каким пришел. Полагаю, твои друзья ждут где-нибудь неподалеку.

Мальчик отвернулся и пошел было прочь, но его окликнули.

– Как тебя зовут? – крикнул вдогонку рыцарь.

– Мерфин, сын сэра Джеральда.

– Вот как? – Томас, видимо, знал отца. – Запомни, никому ни слова, даже ему.

Мерфин кивнул и ушел.

Ярдов через пятьдесят его стошнило. После этого стало намного лучше.

Как и предположил Томас, остальные ребята ждали на опушке леса, возле дровяного склада. Мерфина окружили, принялись хлопать по плечам, будто удостоверяться, что он жив. Все испытывали облегчение и явно стыдились, что бросили его. Дети до сих пор боялись, даже Ральф.

– Тот человек, в которого я пустил стрелу... – проговорил брат. – Он тяжело ранен?

– Он умер, – ответил Мерфин и показал Ральфу стрелу, запачканную кровью.

– Ты сам ее вытащил?

Мерфину очень хотелось ответить «да», но он решил сказать правду.

– Не я, а рыцарь.

– А что со вторым воином?

– Рыцарь перерезал ему горло. Потом мы спрятали тела в кустах.

– И он позволил тебе уйти?

– Да. – Мальчик ничего не стал говорить о спрятанном письме.

– Нужно сохранить все в тайне, – твердо проговорила Керис. – Если кто-нибудь узнает, будет беда.

– Я никому не скажу, – пообещал Ральф.

– Мы должны поклясться, – сказала Керис.

Они встали в кружок. Керис вытянула руку, и ее ладонь оказалась в центре круга. Мерфин положил сверху свою – ладонь девочки была мягкой и теплой, – потом Ральф, потом Гвенда. Все поклялись хранить тайну кровью Иисуса, и потом отправились обратно в город.

Состязания в стрельбе из лука закончились, все разошлись обедать. Когда шли по мосту, Мерфин сказал Ральфу:

– Когда я вырасту, то хочу быть, как этот рыцарь, всегда обходительным, ничего не бояться быть беспощадным в бою.

– Я тоже, – ответил Ральф. – Ну, быть беспощадным.

В Старом городе Мерфин поразился тому, что вокруг продолжается обычная жизнь: плакали младенцы, где-то жарили мясо, у таверн мужчины пили эль.

Керис остановилась около большого дома на главной улице, прямо напротив входа во двор аббатства, обняла Гвенду за плечи и сказала:

– Моя собака недавно ошенилась. Хочешь посмотреть на щенков?

Гвенда по-прежнему выглядела напуганной и готовой расплакаться, но охотно закивала.

– Ой, да, хочу, конечно.

«Какая Керис умная и добрая, – подумалось Мерфину. – Щенки утешат маленькую девочку и отвлекут от воспоминаний. По возвращении домой она будет рассказывать про щенков и вряд ли вспомнит о том, что ходила в лес».

Дети попрощались, и девочки зашли в дом. Мерфин вдруг понял, что ему хочется снова увидеть Керис.

Затем мысли обратились к иным заботам. Справится ли отец с этим своим долгом? Мерфин и Ральф направились на двор аббатства, причем Ральф так и шел с луком и подстреленным зайцем. На дворе было тихо.

Госпиталь пустовал, не считая нескольких больных. Монахиня подсказала братьям:

– Ваш отец в соборе с графом Ширингом.

Братья вошли в огромный собор и обнаружили родителей в притворе. Мать сидела у подножия колонны, на уголке каменного выступа, где круглая колонна сходилась с квадратным основанием. В холодном свете, что лился сквозь высокие окна, ее лицо казалось спокойным и ясным, словно выточенным из того же серого камня, что и колонна, на которую она откинула голову. Отец стоял рядом, покорно опустив широкие плечи. Перед родителями прохаживался граф Роланд. Он был старше отца, но черные волосы и порывистость движений придавали ему молоджавости. За спиной графа притаился приор Антоний.

Мальчики задержались было в дверях, но мать поманила их к себе.

– Идите сюда. Граф Роланд помог нам договориться с приором Антонием, все улажено.

Отец хмыкнул, явно давая понять, что, в отличие от жены, не слишком признателен графу.

– Мои земли переходят аббатству, – проворчал он. – Я ничего не оставлю вам двоим в наследство.

– Мы переедем сюда, в Кингсбридж, – бодро продолжала Мод, – станем жить на монастырском иждивении.

– Как это? – спросил Мерфин.

– Монахи предоставят нам дом и будут кормить дважды в день всю нашу жизнь. Разве не чудесно?

Мерфин видел, что на самом деле мать вовсе не считала положение иждивенцев аббатства столь уж чудесным. Только притворялась, что рада. А сэру Джеральду было очень стыдно расставаться со своими владениями. Мальчик догадывался, что для отца подобное соглашение – настоящий позор.

– Что будет с моими сыновьями? – спросил рыцарь у графа.

Тот обернулся и посмотрел на мальчиков.

– Высокий вроде ничего. Это ты убил зайца, паренек?

– Да, милорд, – с гордостью ответил Ральф. – Всадил в него стрелу.

– Через несколько лет возьму его оруженосцем, – отрывисто произнес Роланд. – Сделаем из него рыцаря.

Отец остался доволен.

Мерфин растерялся. Важные решения принимались как-то слишком быстро. Еще злило, что на младшего брата свалилась такая удача, а про него будто забыли.

– Это нечестно! – вырвалось у Мерфина. – Я тоже хочу быть рыцарем!

– Нет! – воскликнула мать.

– Но это я сделал лук!

Отец издал раздраженный вздох и поморщился.

– Значит, ты сделал лук, парень? – Граф презрительно скривился. – В таком случае станешь подмастерьем плотника.

3

Керис жила в роскошном деревянном доме, где очаг и полы были каменными. На первом этаже располагалось целых три отдельных помещения: зал, в котором стоял большой стол, малая приемная, где отец лично беседовал с покупателями, и кухня. Едва войдя в дом, девочки почувствовали запах вареного окорока, от которого потекли слюнки.

Керис повела Гвенду через зал к внутренней лестнице.

– А где щенки? – спросила Гвенда.

– Я сперва к маме зайду. Она болеет.

Девочки вошли в первую спальню, где на резной деревянной кровати лежала маленькая хрупкая женщина. Казалось, они с Керис одного роста. Сегодня матушка выглядела для Керис бледнее обычного, ее неприбранные волосы прилипли к влажным щекам.

– Как ты себя чувствуешь, мама?

– Что-то мне нехорошо, дочка. – Эти несколько слов будто лишили женщину на кровати всяких сил.

Керис ощутила знакомую горечь тревоги и беспомощности. Болезнь длилась уже с год. Сначала заболели суставы, потом во рту появились язвочки, по телу расплзлись непонятные бесчисленные кровоподтеки. От слабости она ничего не могла делать, а на прошлой неделе еще и простудилась. Теперь она мучилась от жара и едва дышала.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо.

Обычный вопрос и обычный ответ, но всякий раз, слыша эти слова, Керис сходила с ума от ощущения собственного бессилия.

– Может, позвать мать Сесилию?

Настоятельница Кингсбриджа единственная приносила матери хоть какое-то утешение. Маковый настой, который она смешивала с медом и теплым вином, на некоторое время унимал боль. Для девочки мать Сесилия была настоящим ангелом.

– Нет, доченька. Как прошла служба?

Керис заметила, что губы матери побелели.

– Страшно было.

Мать помолчала, отдыхая, затем спросила:

– Что ты делала потом?

– Смотрела, как стреляют из лука. – Керис затаила дыхание, испугавшись, что мать, как обычно, догадается о ее тайной вине. Но та посмотрела на Гвенду.

– Кто твоя маленькая подруга?

– Гвенда. Я привела ее посмотреть щенков.

– Это хорошо.

Мать устало закрыла глаза и отвернулась. Девочки тихонько вышли. Гвенда была в ужасе.

– Что с ней такое?

– Истощение сил.

Керис терпеть не могла говорить об этом. Из-за болезни матери ей чудилось, что мир сделался невыразимо зыбким, случиться может все, что угодно, и нельзя быть уверенным ни в чем. Это пугало даже больше, чем схватка в лесу, очевидцами которой детям довелось стать. Когда она воображала, что может произойти, что мама может умереть, ей хотелось кричать от страха, чтобы избавиться от сосущего ощущения внутри.

Среднюю спальню в летние месяцы занимали итальянские торговцы шерстью из Флоренции и Прато, приезжавшие по делам к отцу, но теперь она пустовала. Щенки находились в задней спальне, которую Керис делила со своей сестрой Элис. Щенкам было уже семь недель –

пора отнимать от матери, которой малыши изрядно надоели. Гвенда радостно ахнула и опустилась на пол возле корзины.

Керис взяла на руки самого крохотного щенка из помета, шуструю девочку, отличавшуюся неумной любознательностью.

– Вот эту я хочу оставить себе. Ее зовут Скрэп.

Держать щенка в руках было очень приятно, и вскоре она выбросила из головы все дурные мысли.

Остальные четверо щенков ползали по Гвенде, обнюхивали ее, жевали подол платья. Гвенда подхватила уродливого коричневого щенка с длинной мордочкой и близко посаженными глазами.

– А мне нравится этот.

Щенок свернулся клубком в ее руках.

– Хочешь взять?

У Гвенды слезы навернулись на глаза.

– А можно?

– Нам разрешили их раздавать.

– Правда?

– Папа больше не хочет собак. Если он тебе нравится, бери.

– О да, – прошептала девочка. – Еще как хочу!

– Как ты его назовешь?

– Чтобы о Хопе напоминало. Может, Скип?

– Хорошее имя.

Скип уютно задремал на руках новой хозяйки.

Девочки мирно сидели с собаками. Керис думала о мальчиках, которых они повстречали утром, о невысоком рыжеволосом, с золотистыми карими глазами, и его высоком и красивом младшем брате. Что побудило ее позвать их с собой в лес? Она далеко не в первый раз поддавалась глупому порыву. Обычно такое случалось, когда ей что-нибудь запрещали. Особенно любила распоряжаться тетка Петранилла: «Не подкармливай эту кошку, не то мы никогда от нее не избавимся. Не играй дома в мяч. Держись подальше от этого мальчишки, он из деревни». Правила, которые ограничивали ее свободу, будто сводили Керис с ума.

Но никогда раньше она не выкидывала такой глупости. Вспомнив о том, что случилось в лесу, девочка поежилась. Погибли двое мужчин, но могло быть еще хуже – могли погибнуть и четверо детей.

Из-за чего все произошло? Почему воины гнались за рыцарем, что они не поделили? Это нисколько не похоже на обычное ограбление. Они говорили о каком-то письме. Но Мерфин не проронил о нем ни слова. Наверное, ничего больше не узнал. Еще одна тайна взрослой жизни.

Мерфин понравился Керис. Его скучный брат Ральф походил на всех остальных мальчишек в Кингсбридже – хвастун, забияка и дурак, а вот Мерфин казался другим. Он сразу ее заинтересовал.

«Два новых друга за один день, – подумала она, косясь на Гвенду. – Малышку никто не назвал бы красавицей. Темно-карие глаза близко посажены над клювиком носа. Забавно, что она выбрала щенка, похожего на себя. Одежда старая – должно быть, донашивает после многих других». Гвенда успокоилась, уже не казалось, что она вот-вот разрыдается. Как и на Керис, встреча со щенками подействовала на нее благотворно.

По залу внизу простучали знакомые шаги, донесся зычный голос:

– Принесите мне кувшин эля, ради всего святого, я хочу пить, как ломовая лошадь.

– Это мой отец, – сказала Керис. – Пойдем его встретим. – Она заметила, что Гвенда вся подобралась, и прибавила: – Не бойся, он всегда так кричит, но на самом деле очень-очень хороший.

Девочки спустились вниз вместе со щенками.

– Что случилось со всеми моими слугами? – рычал отец. – Неужто удрали в Волшебную страну?⁵ – Тяжелыми шагами, припадая, как обычно, на ссохшуюся правую ногу, он вышел из кухни с большой деревянной кружкой, из которой выплескивался эль. – Привет, мой маленький лютик, – поздоровался он с дочерью куда тише, сел на большой стул во главе стола и хорошенько приложился к кружке. – Так-то лучше. – Он вытер рукавом косматую бороду и заметил Гвенду: – А это что за ромашка с моим лютиком? Как тебя зовут?

– Гвенда из Уигли, милорд, – смущенно ответила девочка.

– Я подарила ей щенка, – объяснила Керис.

– Прекрасная мысль! – обрадовался отец. – Щенкам нужна любовь, а больше всех их любят маленькие девочки.

На табурете возле стола Керис увидела алый плащ явно не местного производства, привезенный издалека, – английские красильщики не умели добиваться такого сочного красного цвета. Проследив за ее взглядом, отец пояснил:

– Это для твоей мамы. Она давно хотела итальянский красный плащ. Надеюсь, вещь придаст ей сил, она встанет с постели и будет его носить.

Девочка потрогала плащ. Такое мягкое плотное сукно умели делать только итальянцы.

– Красивый, – проговорила Керис.

С улицы вошла тетка. Петранилла была похожа на отца, но тот отличался добродушием, а она вечно ходила поджав губы. Больше сходства наблюдалось у Петраниллы с другим ее братом, приором Кингсбриджа Антониом: оба были высокого роста и внушительного вида, тогда как коренастый отец выделялся широкой грудью и хромотой.

Керис не любила Петраниллу. Той было не отказать в уме, однако весь свой ум она обращала на злые дела – роковое сочетание у взрослых. Керис никак не удавалось ее перехитрить. Гвенда ощутила неприязнь Керис к тетке и недружелюбно уставилась на вошедшую. Лишь отец обрадовался Петранилле:

– Входи, сестра. Где все мои слуги?

– С чего ты взял, что я должна это знать, если только что вышла из своего дома на другом конце улицы? Впрочем, если подумать, Эдмунд, я бы сказала, что твоя кухарка в курятнике, ищет яйцо, чтобы приготовить тебе пудинг, а служанка наверху, помогает твоей жене сходить по-большому, – помнишь ведь, что обычно она облегчается около полудня. Что до твоих подмастерьев, надеюсь, они оба, как им и полагается, стерегут твой склад у реки, чтобы никому не взбрело на пьяную голову спалить на радостях твой запас шерсти.

Петранилла часто рассуждала таким вот образом, выдавая проповеди в ответ на простые вопросы. Держалась она всегда высокомерно, но отец этого не замечал либо делал вид, что не замечает.

– Моя дражайшая сестрица, ты унаследовала всю мудрость нашего отца! – воскликнул он.

Петранилла повернулась к девочкам.

– Предком нашего отца был Том Строитель, отчим и учитель Джека Строителя, зодчего Кингсбриджского собора. Отец дал обет посвятить первенца Богу, но, к сожалению, первой родилась девочка, то есть я. Он назвал меня в честь святой Петраниллы, дочери святого Петра, как вам, конечно же, известно, и молился, чтобы следующим на свет появился мальчик. Но старший его сын уродился калекой, а отец не хотел вручать Богу подпорченный дар и потому растил Эдмунда наследником своего суконного дела. По счастью, третьим оказался наш брат Антоний, благочестивый и богобоязненный ребенок, который мальчиком поступил в монастырь и теперь сделался его настоятелем, чем мы все гордимся.

⁵ Согласно преданиям и сказкам обычный человек, которому случится попасть в Волшебную страну, пропадал безвозвратно.

Петранилле самой следовало стать священником, будь она мужчиной, зато, словно восполняя это упущение, тетка вырастила монахом своего сына Годвина – как и дед-суконщик, посвятила ребенка Богу. Керис всегда жалела старшего двоюродного брата, из-за того что у него такая мать.

Тетка заметила красный плащ:

– Чье это? Это же самое дорогое итальянское сукно!

– Я купил для Розы.

Сестра пристально посмотрела на брата. Керис готова была поклясться: она думает, что глупо покупать такой плащ женщине, которая уже год не выходит из дома. Но тетка лишь сказала:

– Ты очень добр к ней. – Это могло быть и похвалой, и упреком.

Отец и бровью не повел.

– Поднимись к ней, – попросил он. – Ободри, как ты умеешь.

Керис сомневалась в том, что Петранилла способна хоть кого-то ободрить, но тетка, несколько не терзаясь подобными сомнениями, отправилась наверх.

С улицы вошла сестра Керис. Одиннадцатилетняя Элис была на год старше Керис. Она уставилась на Гвенду.

– Это кто?

– Моя новая подруга Гвенда. Пришла выбрать щенка.

– Она выбрала себе моего! – возмутилась Элис.

Ничего такого Керис раньше не слышала.

– Да неужели? Ты вообще никого не выбирала. Говоришь просто из вредности.

– С какой стати она забирает нашего щенка?

Отец поспешил вмешаться:

– Ну-ну. У нас больше щенков, чем нужно.

– Керис могла бы сначала спросить меня!

– Да, могла бы, – кивнул отец, прекрасно зная, что Элис вредничает. – Не делай так больше, Керис.

– Хорошо, папа.

С кухни вышла кухарка с кувшинами и кружками. Когда Керис научилась говорить, она прозвала кухарку Татти. Никто не знал почему, но прозвище прилипло. Отец поблагодарил:

– Спасибо, Татти. Садитесь за стол, девочки.

Гвенда замешкалась, не понимая, пригласили ее или нет, но Керис уверенно кивнула: приглашение распространялось на всех, ведь обычно отец звал к столу каждого, кто попадался ему на глаза.

Татти долила отцу эля в кружку, затем подала девочкам эль, разбавленный водой. Гвенда залпом опустошила кружку, и Керис поняла, что ее новая подруга пьет эль нечасто: бедняки довольствовались сидром из диких яблок.

Затем кухарка положила перед каждым за столом по толстому куску ржаного хлеба величиной в квадратный фут. Гвенда взяла свой кусок и начала есть. Керис догадалась, что малышка никогда прежде не обедала за общим столом.

– Подожди, – мягко сказала она, и девочка положила хлеб на стол.

Татти внесла окорок на доске и блюдо с капустой. Отец взял большой нож и принялся резать окорок, раскладывая куски на хлеб. Гвенда большими глазами смотрела на огромную порцию мяса. Керис ложкой положила на мясо капусту.

С лестницы торопливо спустилась служанка Илейн.

– Мистрис⁶, кажется, хуже. Мистрис Петранилла говорит, что нужно послать за матерью Сесилией.

– Так беги в аббатство и попроси ее прийти, – отозвался отец.

Служанка заторопилась прочь.

– Ешьте, дети. – Эдмунд наколот на нож кусок горячего окорока, но Керис видела, что обед не доставляет отцу удовольствия, что его мысли заняты чем-то иным.

Гвенда съела немного капусты и прошептала:

– Еда с небес!

Керис положила в рот капусту, сваренную с имбирем. Ее новая подруга из Уигли, наверное, ни разу в жизни не пробовала имбирь – эту пряность могли позволить себе лишь богатые.

Спустилась Петранилла. Положила кусок окорока на деревянную тарелку, отнесла наверх, жене Эдмунда, но быстро вернулась с нетронутой едой и села за стол, поставив тарелку перед собой, а кухарка принесла ей хлеба.

– В моем детстве у нас в Кингсбридже ежедневно обедала всего одна семья – наша, – проговорила она. – Кроме постных дней, конечно, ведь мой отец был очень набожным. Он первым стал торговать шерстью с итальянцами напрямую. Теперь все так делают. Хотя мой брат Эдмунд до сих пор лучше всех.

Керис не ощущала голода, и ей пришлось очень долго жевать, прежде чем удалось проглотить хотя бы кусочек. Наконец пришла мать Сесилия, маленькая, бодрая, успокоительно деловитая, и с нею сестра Юлиана, простоватая женщина с добрым сердцем. Девочке стало легче, когда она увидела, как обе монахини поднимаются по лестнице: этакий чирикающий воробышек, а за ним вперевалку – курица. Чтобы снять жар, они обмоют маму розовой водой, и запах поднимет ей настроение.

Татти внесла яблоки и сыр. Отец рассеянно срезал ножом яблочную кожуру. Керис вспомнилось, что раньше он всегда отдавал ей ломтики, а сам съедал кожуру.

Сверху спустилась сестра Юлиана, ее пухлое лицо выражало озабоченность.

– Настоятельница хочет, чтобы мистрис Розу осмотрел брат Иосиф. – Этот монах считался лучшим врачом монастыря, поскольку обучался в Оксфорде. – Я схожу за ним.

Монахиня вышла на улицу. Отец отложил очищенное яблоко, так и не притронувшись к плоду.

Керис спросила:

– Что же будет?

– Не знаю, лютик. Пойдет ли дождь? Сколько мешков шерсти понадобится флорентийцам? Подхватят ли овцы ящур? Родится девочка или мальчик со скрюченной ногой? Никто не знает, милая. Потому-то... – Отец отвернулся. – Потому-то так тяжело.

Он протянул дочери яблоко. Керис передала плод Гвенде, и та съела яблоко целиком, с сердцевинкой и косточками.

Спустя несколько минут пришел брат Иосиф с молодым помощником. В последнем Керис узнала Савла Белую Голову: монаха прозвали так из-за пепельно-белых волос – тех, что остались после монашеского пострижения.

Сесилия и Юлиана сошли вниз, оставив монахов наедине с больной. Настоятельница села за стол, но есть ничего не стала. У нее были заостренные черты лица, маленький носик и торчащий вперед подбородок, ясные глаза смотрели пристально. Монахиня с любопытством поглядела на Гвенду.

– Так-так. Кто эта маленькая девочка и любит ли она Иисуса и его Святую Матерь?

– Я Гвенда, подруга Керис. – Малышка опасливо покосилась на Керис, будто испугавшись, что выдала желаемое за действительность.

⁶ Старинная форма обращения прислуги к хозяйке дома.

– Дева Мария поможет моей маме? – спросила Керис.

Сесилия приподняла брови.

– Сразу к делу, да? Вижу, ты и вправду дочь Эдмунда.

– Все за нее молятся, но никто не может помочь.

– А знаешь, почему?

– Быть может, Дева никому не помогает, просто сильные сами справляются, а у слабых не выходит.

– Дочка, не глупи, – вмешался Эдмунд. – Всем известно, что Святая Матерь нам помогает.

– Все в порядке, – успокоила торговца Сесилия. – Дети, особенно смысленные, всегда задают вопросы. Керис, знай: святые наделены могуществом, вот только одни молитвы действеннее других, понимаешь?

Девочка неохотно кивнула. Опять ее не столько убедили, сколько перехитрили.

– Она должна ходить в нашу школу, – задумчиво произнесла Сесилия. Монахини содержали школу для девочек из знатных и богатых городских семейств. При мужском монастыре была такая же школа для мальчиков.

Отец недовольно скривился.

– Роза научила девочек азбуке. А считать Керис умеет не хуже меня, помогает мне в делах.

– Она сможет узнать гораздо больше. Вы же не хотите, чтобы она всю жизнь вам прислуживала?

– Нечего ей в книжки пялиться, – встряла Петранилла. – Она будет завидной невестой. За обеими сестрами женихи в очередь выстроятся. Сыновья торговцев и даже сыновья рыцарей совсем не прочь породниться с нами. Но Керис – очень своенравное дитя, за нею нужен глаз да глаз, чтобы не сбежала с каким-нибудь нищим бездельником.

Керис мысленно отметила, что тетка нисколько не беспокоилась о послушной Элис. Еще бы, сестра наверняка послушно выйдет замуж за того, кого ей подберут.

– А может, Господь желает, чтобы Керис ему послужила, – возразила мать Сесилия.

– Двое из нашей семьи стали монахами – мой брат и племянник, – проворчал отец. – Думаю, этого вполне достаточно.

Настоятельница посмотрела на девочку.

– Сама-то ты что думаешь? Кем хочешь стать – торговкой шерстью, женой рыцаря или монахиней?

Одна лишь мысль о монашестве приводила Керис в ужас. Ведь тогда придется день напролет подчиняться чьим-то приказам. Все равно что остаться на всю жизнь ребенком, имея в матерях Петраниллу. А стать женою рыцаря или кого-то еще – тоже скверно, потому что женщины должны слушаться своих мужей. Помогать отцу, а потом, когда он постареет, пережить, быть может, его дело – подобный исход сулил меньше всего волнений, но и его вряд ли можно было назвать мечтою всей жизни.

– Не хочу вообще ничего такого.

– А чего же ты хочешь? – не отступалась мать Сесилия.

У Керис имелось затаенное желание, о котором она никому еще не говорила. Более того, она сама вдруг осознала это желание лишь сейчас – и ясно поняла, что такова ее судьба.

– Я хочу стать врачом.

Наступила тишина, затем все рассмеялись.

Девочка зарделась, не понимая, что смешного сказала.

Отец сжалился над нею.

– Врачами могут быть только мужчины. Разве ты не знала этого, лютик?

Керис растерянно посмотрела на мать Сесилию.

– А как же вы?

– Я не врач, – ответила настоятельница. – Мы, монахини, конечно, ухаживаем за больными, но всегда следуем наставлениям ученых мужей. Братья обучаются у достойных наставников, им ведомы течения жизненных соков, они знают, как нарушается равновесие гуморов при болезни и как восстановить верное их соотношение для доброго здоровья. Им ведомо, из какой жилы пускать кровь при головной боли, проказе или одышке, где именно резать и где прижигать, кому ставить компресс, а кому прописать целебную ванну.

– Разве женщина не может научиться всему этому?

– Наверное, может, но Господь распорядился иначе.

Всякий раз, слыша эти слова, за которыми взрослые прятали нежелание толком отвечать на вопрос, Керис впадала в отчаяние. Прежде чем она придумала, как возразить, сверху спустился брат Савл с тазиком крови и прошел через кухню на задний двор. От вида крови Керис захотелось плакать. Все доктора пускают кровь в лечебных целях, значит, это надежный способ, – но до чего же мерзко наблюдать, как выливают на землю жизненную силу матушки.

Савл вернулся к больной и вскоре снова спустился, уже вместе с Иосифом.

– Я сделал все, что мог, – напыщенно произнес Иосиф. – Она исповедалась в своих грехах.

Исповедалась в грехах! Керис хорошо знала, что это означает, и все-таки заплакала.

Отец достал из кошелька шесть серебряных пенни и вручил монаху.

– Спасибо, брат. – Голос его был хриплым.

Когда Иосиф и Савл ушли, монахини вновь поднялись наверх.

Элис села к отцу на колени и спрятала лицо у него на груди. Керис плакала, прижимая к себе Скрэпа. Петранилла велела Татти убрать со стола. Гвенда смотрела на них широко раскрытыми глазами. За столом царил молчаливое ожидание.

4

Брат Годвин проголодался. Он отобедал похлебкой из печеной репы с соленой рыбой, и этого не хватило, чтобы утолить голод. Монахам на стол почти всегда ставили соленую рыбу и слабый эль, даже не в постные дни.

Конечно, некоторые братья были на особом положении, и приор Антоний питался куда лучше. А сегодня у приора и вовсе пиршество, поскольку он ждет мать-настоятельницу Сесилию. Та привыкла к обильному угощению. Сестры, у которых почему-то вечно денег было больше, чем у братьев, раз в несколько дней забивали свинью или овцу и запивали мясо гасконским вином.

Годвину полагалось проследить за устройством пира, что было нелегкой задачей, когда у тебя самого урчит в животе. Он поговорил с монастырским поваром, проверил жирного гуся в печи и горшок с яблочным соусом на огне. Попросил у келаря кувшин сидра из бочки и взял из пекарни буханку ржаного хлеба, уже зачерствевшего, ведь по воскресеньям хлеб не пекли. Затем достал из запиравшегося на замок сундука серебряные блюда и кубки и расставил посуду на столе в зале дома приора.

Настоятель обедал с настоятельницей раз в месяц. Мужской и женский монастыри существовали по отдельности, каждый имел собственные владения и источники доходов. Приор и настоятельница подчинялись епископу Кингсбриджа, но не друг другу, однако совместно пользовались собором и некоторыми другими строениями, включая госпиталь, где братья исполняли обязанности врачей, а сестры были сиделками. Поэтому общие темы для разговоров неизменно находились, будь то соборные службы, больные и приезжие в госпитале, события в городе... Антоний частенько пытался переложить на Сесилию расходы, которые, строго говоря, следовало делить пополам: на стеклянные окна в здании капитула, на кровати для госпиталя, на починку внутреннего убранства собора, – и настоятельница, как правило, соглашалась.

Однако сегодня скорее всего будут говорить о политике. Вчера Антоний вернулся из Глостера, куда ездил на две недели хоронить короля Эдуарда II, потерявшего в январе трон, а в сентябре – жизнь. Мать Сесилия наверняка пожелает узнать придворные сплетни, сколько бы ни притворялась, что выше этого.

Сам Годвин размышлял о собственных заботах. Ему хотелось поговорить с настоятелем о своем будущем. Он выжидал удобный момент с самого возвращения Антония и уже мысленно приготовил речь, но пока ему не представилось возможности эту речь произнести. Он надеялся, что сможет заручиться вниманием приора сегодня днем.

Антоний вошел в зал в то мгновение, когда Годвин ставил на буфет сыр и чашу с грушами. Приор выглядел таким постаревшим Годвином. Оба рослые, с правильными чертами лица, светло-русыми волосами и – как все в их роду – с зеленоватыми глазами, в которых проблескивали золотые пятнышки. Антоний встал у очага – в зале было холодно, а по старому дому гуляли сквозняки. Годвин налил дяде кружку сидра.

– Отец-настоятель, у меня сегодня день рождения, – проговорил Годвин, когда приор сделал глоток. – Мне исполнился двадцать один год.

– Верно. Я хорошо помню, как ты родился. Мне было четырнадцать. Производя тебя на свет, моя сестра Петранилла визжала, как кабан, которому в кишки угодила стрела. – Антоний поднял кубок за здоровье Годвина и одобрительно оглядел племянника. – А теперь ты уже мужчина.

Годвин решил, что подходящий миг настал.

– Я провел в аббатстве десять лет.

– Неужели так много?

– Да, сначала в школе, потом послушником, потом монахом.

– Подумать только...

– Смею надеяться, я не опозорил свою мать и вас.

– Мы оба гордимся тобою.

– Благодарю. – Годвин сглотнул. – Дело в том, что мне хотелось бы поехать в Оксфорд.

Город Оксфорд уже давно являлся средоточием наук – богословия, медицины, права. Священники и монахи ездили туда обучаться знаниям и искусству ведения диспутов с преподавателями и друг с другом. В прошлом столетии ученые объединились в университет, и король пожаловал этому заведению право проводить экзамены и присваивать ученые степени. Кингсбриджское аббатство имело в Оксфорде свою обитель – Кингсбриджский колледж, где одновременно могли учиться восемь человек, ведя при этом жизнь, подобающую монахам.

– В Оксфорд! – повторил Антоний, и на его лице проступило беспокойство, даже отвращение. – Зачем?

– Учиться. Ведь монахам положено учиться.

– Я никогда не был в Оксфорде, но, как видишь, стал настоятелем.

С этим было не поспорить, но Антоний порою заметно проигрывал в сравнении с другими старшими братьями аббатства. Ризничий, казначей и некоторые другие братья-обедиентиарии⁷ являлись выпускниками университета, как и те, которые врачевали. Они выделялись смекалкой и за годы обучения поднаторели в диспутах, а приор иногда выглядел рядом с ними не лучшим образом, особенно на заседаниях в здании капитула, куда ежедневно сходились все монахи. Годвин жаждал научиться той отточенной логике мышления и тому несокрушимому превосходству, какие выказывали оксфордцы, и не хотел становиться таким, как дядя.

Но сказать этого вслух он, разумеется, не мог.

– Я хочу учиться.

– Зачем учиться ереси? – презрительно справился Антоний. – Оксфордские студенты подвергают сомнению учение Церкви!

– Чтобы лучше понимать.

– Бессмысленно и опасно.

Годвин задумался, почему приор настроен столь сурово. Настоятель никогда прежде не выражал озабоченности по поводу ереси, да и сам Годвин ни в малейшей степени не собирался опровергать принятые доктрины.

– Думал, вы с матерью имеете на меня виды. – Монах нахмурился. – Разве вы не хотите, чтобы я достойно нес послушание и когда-нибудь, возможно, сделался настоятелем?

– Хотим, конечно. Но для этого тебе вовсе не обязательно уезжать из Кингсбриджа.

Годвина словно осенило: дядя попросту не желает, чтобы он слишком быстро вырос и обошел его, а если он уедет из Кингсбриджа, то вырвется из-под влияния приора. Жаль, что он раньше не подумал о возможных препятствиях для своих намерений.

– Я не собираюсь изучать богословие.

– Что же тогда?

– Медицину. Нам здесь часто приходится заниматься целительством.

Антоний надул губы. Годвину подумалось, что он нередко замечал схожее выражение лица у матери.

– Монастырь не сможет за тебя заплатить, – произнес приор. – Ты понимаешь, что всего одна книга, бывает, стоит целых четырнадцать шиллингов?

⁷ В средневековых монастырях так называли монахов, которые исполняли какие-либо хозяйственные обязанности. К числу обедиентиариев (*лат. Obedientiarius*) относились келарь, ризничий и другие монастырские чины.

Годвин откровенно растерялся. Он знал, что студенты могут брать книги на время и нанимать при надобности переписчиков, готовых скопировать нужные страницы... Ну да ладно, это не главное.

– А нынешние наши студенты? – спросил он. – Кто платит за них?

– Двоим помогают семьи, одному – сестры-монахини. Мы платим за троих, но это предел наших возможностей. Если хочешь знать, два места в колледже пустуют из-за отсутствия средств.

Годвин знал, что у аббатства имеются денежные затруднения. С другой стороны, аббатство располагало немалыми владениями, куда входили тысячи акров земли, мельницы, рыбные садки и леса, также оно получало изрядную прибыль с кингсбриджского рынка. Трудно было смириться с мыслью, что родной дядя отказывает Годвину в деньгах на учебу. Возникло чувство, будто его предали. Антоний был не просто наставником, но родственником, и всегда выделял Годвина среди прочих молодых монахов. Теперь же приор внезапно превратился из покровителя в противника.

– Врачи приносят аббатству деньги, – заспорил Годвин. – Если не обучать молодых, то, когда старики умрут, аббатство может обеднеть.

– Божьим попущением этого не случится.

Антоний часто спасался от неудобных вопросов такими доводившими до бешенства словами. На протяжении нескольких лет сокращались доходы аббатства от ежегодной шерстяной ярмарки. Горожане просили Антония дать денег на благоустройство, на строительство палаток, отхожих мест, отдельного здания для заключения сделок, но настоятель неизменно отказывал, ссылаясь на бедность аббатства. А когда родной брат Эдмунд предупредил, что ярмарка может захиреть, он ответил: «Господь все устроит».

– Ладно, тогда, может, Господь даст денег, чтобы я поехал в Оксфорд.

– Все может быть.

Годвину было очень обидно. Ему отчаянно хотелось уехать из родного города, подышать другим воздухом. В Кингсбриджском колледже, конечно, придется подчиняться все той же монастырской дисциплине, но все-таки он будет далеко от матери и дяди, и это было весьма заманчиво.

Монах решил не сдаваться:

– Мама очень огорчится, если я не поеду.

Антоний заметно смутился. Он не хотел навлекать на себя гнев грозной сестры.

– Тогда пусть молится, чтобы деньги нашлись.

– Может, мне удастся их найти.

– И как же ты намерен это сделать?

Годвин судорожно подыскивал ответ, и вдруг его озарило.

– Я могу взять пример с вас и попросить мать Сесилию.

Прозвучало вполне правдоподобно. Сесилия заставляла Годвина робеть, бывала ничуть не менее грозной, чем Петранилла, однако не исключено, что на настоятельницу подействует его юношеское обаяние. Глядишь, и вправду удастся убедить ее дать деньги на обучение подающего надежды молодого монаха.

Антоний явно растерялся. Годвин видел, как дядя ищет повод возразить. Но приор сам уже загнал себя в ловушку, сведя разговор к деньгам, и теперь ему было сложно найти иные обоснования.

Пока приор раздумывал, в зал вошла Сесилия.

На ней была плотная накидка из добротного сукна, единственная роскошь в облачении, и то вынужденная – настоятельница всегда мерзла. Поздоровавшись с приором, она повернулась к Годвину.

– Твоя тетка Роза сильно заболела. – У монахини был напевный и чистый голос. – Она может не дожить до утра.

– Да пребудет с нею Господь. – Годвина кольнула жалость. В семье, где все только и делали, что командовали, Роза единственная слушалась. Этот цветок казался тем более хрупким, что его со всех сторон окружали шипы. – Я знал, что ей нездоровится, но не ведал, что настолько. Жаль моих двоюродных сестер, Элис и Керис.

– По счастью, твоя мать сможет их утешить.

– Верно. – Годвину подумалось, что умение утешать не самая сильная сторона Петра-нилы. Куда лучше она умеет подпереть человека, чтобы тот не рухнул навзничь. Но он не стал поправлять Сесилию, а вместо того налил ей кружку сидра. – Вам не холодно, мать-настоятельница?

– Зубы стучат, – без обиняков ответила та.

– Я подкину дров.

– Мой племянник Годвин столь обходителен, поскольку хочет попросить у вас денег на обучение в Оксфорде, – съязвил Антоний.

Годвин смерил дядю бешеным взглядом. Он уже приготовил осторожную речь и опять выжидал нужного мгновения, а дядя ляпнул как нельзя грубее.

– Вряд ли мы сможем оплатить учебу еще двоим, – ответила Сесилия.

Теперь настала очередь Антония удивляться.

– Кто-то уже просил у вас денег на Оксфорд?

– Наверное, мне не стоило упоминать об этом, – отозвалась Сесилия. – Не хочу, чтобы у кого-то возникли неприятности.

– Никаких последствий, уверяю вас, – снисходительно заметил Антоний, затем одумался и добавил: – Мы всегда признательны за вашу щедрость.

Годвин подложил дров в очаг и вышел из зала. Дом приора стоял к северу от собора, крытая аркада и остальные строения аббатства располагались с южной стороны. Шагая по лужайке к монастырской кухне, молодой монах дрожал от холода и негодования.

Он предполагал, что приор может не сразу согласиться на его отъезд в Оксфорд: мол, потерпеть, повзрослеть, подождать, пока кто-нибудь из нынешних студентов не получит степень... Антоний юлил всегда, таким уж он был человеком. Однако, привыкнув к дядиному покровительству, Годвин не сомневался, что в конечном счете приор его поддержит. Непоколебимость дяди стала для Годвина неприятным потрясением.

Интересно, кто еще обращался к настоятельнице? Из двадцати шести монахов шестеро были ровесниками Годвина – значит, это скорее всего один из них. На кухне помощник келаря Теодорик трудился подручным у повара. Может, это он заручился деньгами Сесилии? Годвин смотрел, как Теодорик выкладывает гуся на большую деревянную тарелку, где уже стояла миска с яблочным соусом. У этого брата светлая голова. Он вполне может оказаться его соперником.

Годвин понес угощение в дом настоятеля, изнывая от беспокойства. Он не знал, что делать, если Сесилия и вправду решила помочь Теодорику. Плана на подобный случай у него попросту не было.

В будущем Годвин хотел стать приором Кингсбриджа. Он не сомневался, что более Антония достоин этого сана. А успешный настоятель способен подняться выше: до епископа, архиепископа, а то и до придворного или королевского советника. Годвин лишь смутно представлял, как распорядиться такой властью, но чувствовал свое высокое предназначение. Однако к этим высотам вели всего две дороги: аристократическое происхождение и образование. Он происходил из семьи торговцев шерстью; его единственной надеждой оставался университет. А для того ему нужны деньги Сесилии.

Монах поставил блюдо на стол.

– Но отчего умер король? – спрашивала Сесилия.

– Удар, – ответил Антоний.

Годвин надрезал гуся.

– Могу я положить вам немного грудки, мать-настоятельница?

– Да, пожалуйста. Удар? – недоверчиво переспросила Сесилия. – Вы говорите так, словно король был дряхлым стариком. А ведь ему было всего сорок три!

– Я лишь повторяю слова его тюремщиков. – Когда короля свергли с престола, он томился в заключении в замке Беркли, в нескольких днях пути от Кингсбриджа.

– Ах да, тюремщики, – повторила Сесилия. – Люди Мортимера. – Аббатиса не любила Роджера Мортимера, графа Марча. Он не только поднял мятеж против Эдуарда II, но и соблазнил жену Эдуарда, королеву Изабеллу.

Настоятель и настоятельница приступили к обеду. Годвин надеялся, что ему что-нибудь да останется от угощения.

– Вы говорите так, словно что-то подозреваете, – произнес Антоний.

– Ну что вы! Правда, кое-кто подозревает. Ходят слухи...

– Что его убили? Знаю. Но я видел тело, раздетое донага. Никаких следов насилия.

Годвин знал, что нельзя вступать в разговор, но не удержался:

– Молва уверяет, что, когда король умирал, его предсмертные крики слышала вся деревня Беркли.

Приор посуровел.

– Когда умирает король, слухов всегда предостаточно.

– Король не просто умер, – возразила Сесилия. – Сначала его свергнул парламент⁸. Такого прежде не случалось.

Антоний понизил голос:

– На то были серьезные причины. Совершен гнусный грех.

Это прозвучало загадочно, но Годвин знал, что имеется в виду. У Эдуарда имелись любимчики – молодые люди, к которым он, как утверждали, питал противоестественную привязанность. Один из них, Питер Гавестон, добился такой власти и положения, что возбудил зависть и недовольство баронов и, в конце концов, был казнен за измену. Но ему на смену пришли другие. Неудивительно, говорили люди, что королева завела любовника.

– Я в это не верю, – покачала головой Сесилия, истовая сторонница короны. – Может, разбойники в лесах предаются этим порокам, но особа королевской крови не может пасть столь низко. А есть еще гусь?

– Да, – ответил Годвин, пряча досаду, и, срезав последний кусок мяса, положил настоятельница.

Антоний продолжил:

– Во всяком случае, новому королю ничто не угрожает.

Сын Эдуарда II и Изабеллы был коронован под именем Эдуарда III.

– Ему четырнадцать лет, его посадил на трон Мортимер, – откликнулась настоятельница. – Кто же станет истинным правителем?

– Нобили рады обрести спокойствие.

– Особенно дружки Мортимера.

– Вы хотите сказать – граф Роланд Ширинг?

– Он сегодня выглядел очень довольным.

– Но ведь граф не...

– ... связан как-то с «ударом» короля? Разумеется, нет. – Настоятельница доела мясо. – Об этом опасно говорить, даже с друзьями.

⁸ Имеется в виду собрание баронов и прелатов, в январе 1327 г. признавшее Эдуарда отрешившимся в пользу сына.

– Воистину так.

В дверь постучали, и вошел Савл Белая Голова. Еще один ровесник Годвина. Может, это и есть соперник? Умный, способный, обладавший вдобавок существенным преимуществом – дальним родством с графом Ширингом. Но Годвин сомневался, что Белая Голова настолько честолюбив и желает отправиться в Оксфорд. Савл был набожен и робок, принадлежал к тем, кому смирение не вменяется в добродетель, поскольку подобное поведение для них естественно. Впрочем, как известно, возможно все.

– В госпиталь прибыл раненый рыцарь, – поведаль Савл.

– Интересно, – отозвался Антоний, – но вряд ли настолько важно, чтобы позволять себе врываться в зал, где обедают настоятель и настоятельница.

Монах, похоже, испугался.

– Прошу меня простить, отец-настоятель, – пролепетал он. – Но возникли разногласия по поводу того, как его лечить.

– Ладно, гусь все равно кончился. – Приор со вздохом встал.

Сесилия пошла вместе с ним, следом двинулись Годвин и Савл. Они вступили в северный трансепт собора, миновали средокрестие и по южному трансепту добрались до внутреннего двора, за которым располагался госпиталь. Раненый рыцарь лежал на ближайшей к алтарю кровати, как и полагалось по его знатности.

Антоний невольно издал возглас изумления, и на мгновение в его взгляде промелькнул страх, но он быстро взял себя в руки, и лицо приняло прежнее бесстрастное выражение.

Однако от Сесилии смятение приора не укрылось.

– Вы его знаете?

– Кажется, это сэр Томас Лэнгли, один из людей графа Монмута⁹.

Раненый, красавец лет двадцати с небольшим, был широк в плечах и длинноног. Его успели раздеть до пояса, и на мускулистом теле виднелись шрамы, полученные во многих схватках. Рыцарь был бледен, черты его лица заострились от изнеможения.

– На него напали на дороге, – объяснил Савл. – Ему удалось отбиться, но затем пришлось идти пешком больше мили до города. Он потерял много крови.

Левая рука рыцаря была вспорота от локтя до кисти – судя по всему, столь чистую рану нанес острый меч.

Возле раненого стоял старший врач монастыря, брат Иосиф, невысокий мужчина за тридцать с большим носом и плохими зубами.

– Рану следует оставить открытой, – сказал он, – и обработать мазью, чтобы появился гной. Тогда скверные гуморы выйдут и рана заживет изнутри.

Антоний кивнул.

– Так в чем же спор?

– Цирюльник Мэтью придерживается иного мнения.

Мэтью, низенький, худой, с ярко-голубыми глазами и очень серьезный, был городским хирургом и цирюльником. До сих пор он почтительно держался позади, но теперь вышел вперед с кожаной сумкой, в которой хранил дорогостоящие острые ножи.

Антоний, невысоко ценивший Мэтью, спросил у Иосифа:

– Что он здесь делает?

– Они знакомы, рыцарь послал за ним.

Антоний обратился к Томасу:

– Если хотите, чтобы вас лечил мясник, почему пришли в госпиталь аббатства?

⁹ Авторский анахронизм; этот титул появился лишь в XVII в., а само графство Монмут (на территории Уэльса) было образовано веком ранее и объединило несколько регионов так называемой «валлийской марки».

На белом лице рыцаря мелькнуло подобие улыбки, но сил ответить у него, судя по всему, не было.

Мэтью, очевидно, несколько не испугали презрительные слова Антония.

– На полях сражений я видел много подобных ран, отец-настоятель, – уверенно произнес цирюльник. – Лучшее лечение самое простое. Рану нужно промыть теплым вином, затем туго перевязать. – Похоже, он только с виду казался почтительным, а на самом деле был готов отстаивать свое мнение.

– Интересно, а что скажут двое наших молодых монахов? – спросила мать Сесилия.

Антоний криво усмехнулся, но Годвин был уверен, что правильно истолковал замечание настоятельницы. Это проверка. Выходит, все-таки его соперник в борьбе за деньги – Савл.

Ответ лежал на поверхности, и Годвин выступил первым:

– Брат Иосиф изучал труды древних и, несомненно, знает больше других. Сдается мне, Мэтью даже не умеет читать.

– Еще как умею, брат Годвин, – возмутился цирюльник. – У меня есть книга!

Антоний рассмеялся. Цирюльник с книгой – все равно что лошадь в шляпе.

– Что за книга?

– «Канон» Авиценны, великого мусульманского врача. Перевод с арабского на латынь. Я ее прочел всю, медленно.

– И твое лекарство предлагает Авиценна?

– Нет, но...

– Так чего же ты хочешь?

– Я многому научился в военных походах, когда лечил раненых, даже больше, чем из книги, – упорствовал Мэтью.

– Савл, а ты что думаешь? – спросила мать Сесилия.

Годвин был уверен, что Белая Голова даст такой же ответ, что и он сам, и спор будет исчерпан. Савл замялся, робея, но все же высказался:

– Может, цирюльник и прав. – Годвин возликовал: Савл ввязался в спор и занял противоположную сторону. – Предложение брата Иосифа больше годится для повреждений от защемлений или ударов. Такое случается у нас на строительстве. Тогда кожа и мышцы вокруг раны повреждаются, и если преждевременно закрыть рану, дурные соки могут остаться в теле. А тут чистый разрез, и чем скорее он закроется, тем быстрее раненый выздоровеет.

– Глупости, – бросил приор. – Разве городской цирюльник может быть прав, а ученый монах – нет?

Годвин поспешил спрятать торжествующую ухмылку.

Вдруг дверь распахнулась, и вошел молодой человек в облачении священника. Годвин узнал Ричарда Ширинга, младшего сына графа Роланда. Юноша небрежно, почти невежливо кивнул настоятелю и настоятельнице, подошел прямо к кровати и обратился к рыцарю:

– Что, черт подери, произошло?

Лэнгли с усилием приподнял руку, побуждая Ричарда наклониться, и зашептал ему в ухо.

Ричард потрясенно отпрянул:

– Не может быть!

Томас вновь жестом попросил его нагнуться и снова что-то зашептал. Опять Ричард вскинулся и спросил:

– Но зачем?

Раненый молчал.

Ричард хмыкнул.

– Ты просишь о том, что вне наших сил.

Томас кивнул в подтверждение этих слов.

– И не оставляешь нам выбора.

Рыцарь слабо покачал головой из стороны в сторону.

Ширинг обратился к приору Антонию:

– Сэр Томас желает стать монахом этого аббатства.

Наступило недоуменное молчание. Сесилия оправилась первой:

– Но ведь он творил насилие!

– Да ладно вам, такое и раньше случалось, – нетерпеливо отмахнулся Ричард. – Бывает, что воины покидают поле брани ради избавления от своих грехов.

– На старости лет – охотно верю, – отозвалась Сесилия. – Но этому человеку нет и двадцати пяти. Он бежит от какой-то угрозы. – Мать-настоятельница твердо посмотрела на Ширинга. – Его жизни что-то угрожает?

– Умерьте свое любопытство, – грубо ответил Ричард. – Томас хочет стать монахом, а не монахиней, так что прекратим расспросы. – Это была неслыханная дерзость по отношению к настоятельнице, но отпрыски графов позволяли себе и не такое. Ричард повернулся к Антонию. – Примите его.

– Аббатство бедствует, мы лишены возможности принимать новых братьев... Вот если бы кто-то внес дар, который покрыл бы расходы...

– Можем обсудить.

– Он должен соответствовать нуждам...

– Можем обсудить!

– Прекрасно.

Сесилия настороженно спросила у Антония:

– Вы знаете об этом человеке что-то такое, чего не говорите мне?

– Не вижу причин ему отказывать.

– Почему вы решили, что он искренне раскаивается?

Все посмотрели на Томаса. Тот лежал с закрытыми глазами.

Антоний вздохнул.

– Он докажет свою искренность, став послушником, как и все прочие.

Сесилия не скрывала недовольства, но поскольку приор не просил у нее денег, ничего поделать не могла.

– Наверное, пора обработать рану, – заметила она.

– Он отказался от лечения брата Иосифа, потому мы и пригласили отца-настоятеля, – объяснил Савл.

Антоний наклонился к раненому и громко, словно обращался к глухому, проговорил:

– Вы должны согласиться на лечение, предписанное братом Иосифом. Ему лучше знать.

Рыцарь, судя по всему, потерял сознание.

Антоний повернулся к Иосифу:

– Он больше не возражает.

Цирюльник воскликнул:

– Человек может потерять руку!

– Вам лучше уйти, – бросил ему Антоний.

Рассерженный Мэтью удалился.

Настоятель обратился к Ричарду:

– Позвольте угостить вас стаканчиком сидра в доме приора?

– Благодарю.

Уходя, приор велел Годвину:

– Останься, помоги матери-настоятельнице. Зайди ко мне перед вечерней сообщить, как дела у рыцаря.

Обычно Антоний не беспокоился о больных. Несомненно, к Томасу Лэнгли он испытывал особый интерес.

Годвин смотрел, как брат Иосиф накладывает мазь на руку рыцарю, так и не пришедшему в сознание. Оставалось надеяться, что он заручился поддержкой Сесилии, дав правильный ответ на медицинский вопрос, вот только было бы неплохо удостовериться в этом. Когда брат Иосиф закончил и аббатиса принялась обмывать руку Томаса розовой водой, Годвин проговорил:

– Я рассчитываю, что вы согласитесь на мою просьбу.

Настоятельница пристально на него посмотрела.

– Могу тебе сказать, что решила дать деньги Савлу.

Годвин был потрясен.

– Но я же ответил правильно!

– Вот как?

– Вы что, согласны с цирюльником?

Сесилия выгнула бровь.

– Не собираюсь отвечать на твои вопросы, брат Годвин.

– Простите, – тут же поправился он. – Я, должно быть, не понимаю.

– Вижу.

Если уж настоятельница пустилась изъясняться загадками, нет смысла расспрашивать дальше. Годвин отвернулся, раздираемый недоумением и обидой. Она дает деньги Савлу! Может, потому, что тот приходится родней графу? Нет, вряд ли, настоятельница всегда отличалась независимостью в суждениях и поступках. Наверное, чашу весов перевесила показная набожность Савла. Пустая трата денег. Белая Голова никогда и никого за собой не поведет. Как лучше сообщить новость матери. Та придет в бешенство, но кого она станет винить? Антония? Самого Годвина? Знакомый страх сковал его члены, когда он вообразил себе гнев Петраниллы.

В этот миг, словно подслушав его мысли, Петранилла вошла в госпиталь через дальнюю дверь – высокая женщина с пышной, могучей грудью. Мать перехватила взгляд сына и остановилась у двери, ожидая, пока Годвин приблизится. Монах направился к ней, медленно переставляя ноги и обдумывая, что сказать.

– Твоя тетка Роза умирает, – произнесла Петранилла, стоило Годвину подойти.

– Да благословит Господь ее душу. Мать Сесилия говорила мне.

– Ты выглядишь потрясенным. Разве ты не знал, насколько она плоха?

– Это не из-за тетушки Розы. У меня другие дурные вести. – Годвин сглотнул. – Я не еду в Оксфорд. Дядя Антоний не хочет платить за учебу, и мать Сесилия тоже мне отказала.

К его огромному облегчению, Петранилла не расшумелась прямо тут, хотя ее губы плотно сжались.

– В чем причина?

– У него нет денег, а она оплачивает поездку Савла.

– Белой Головы? Из него ничего путного не выйдет.

– Ну, по меньшей мере он собирается стать врачом.

Петранилла заглянула сыну в глаза, и Годвин вздрогнул.

– Полагаю, ты сам виноват. Тебе следовало прежде поговорить со мной.

Опасения Годвина оправдывались: мать и вправду нашла виноватого.

– Почему это я все испортил? – возмутился он.

– Сперва мне следовало поговорить с Антонием. Я бы сумела его расположить.

– Он все равно отказал бы.

– А прежде чем говорить с Сесилией, нужно было узнать, обращались ли к ней другие.

Тогда до разговора с нею ты мог бы копнуть под Савла.

– Но как?

– Должны же у него быть недостатки. Узнал бы, какие, и указал на них Сесилии. А уже потом, когда у нее открылись бы глаза, подошел к ней сам.

Годвин оценил справедливость этого довода.

– Я не подумал об этом, – признал он, опустив голову.

Подавляя раздражение, Петранилла продолжила:

– Нужно готовиться к подобному, как графы готовятся к сражениям.

– Теперь-то я понимаю, – ответил Годвин, пряча глаза. – Никогда больше не допущу такой ошибки.

– Надеюсь.

– Что мне делать, мама?

– Я не собираюсь сдаваться. – На ее лице появилась знакомая решимость. – Я достану деньги.

Годвин испытал прилив надежды, однако не мог себе представить, как мать сможет выполнить это обещание.

– Но где?

– Продам дом и перееду к брату Эдмунду.

– А он согласится?

Суконщик был щедрым и добросердечным человеком, но иногда брат с сестрой крепко ругались.

– Думаю, да. Он скоро овдовеет, и ему понадобится хозяйка. Не то чтобы Роза, кстати, хорошо с этим справлялась.

Годвин покачал головой:

– Но тебе самой понадобятся деньги.

– Зачем? Эдмунд обеспечит кров и стол, а много ли мне надо сверх того? За гостеприимство я буду держать в узде его слуг и воспитывать дочерей. А тебе перейдут деньги, унаследованные мною от твоего отца.

Мать говорила твердо, но Годвин заметил горькие складки вокруг ее губ. Он сознавал, на какую жертву готова пойти Петранилла. Она гордилась своей самостоятельностью. Будучи одной из наиболее видных женщин города, дочерью богача и сестрой первого городского торговца шерстью, она очень ценила свое положение, любила приглашать на обед знатных горожан Кингсбриджа и угощала их лучшим вином. А теперь ей придется переехать к брату на правах бедной родственницы, чуть ли не служанки, зависимой от него во всем. Это была поистине великая жертва.

– Слишком от многого надо будет отказаться, мама. Ты не справишься.

Ее лицо окаменело, она повела плечами, будто готовясь принять на них тяжкий груз.

– Почему же нет? Еще как справлюсь.

5

Гвенда все рассказала отцу.

Она поклялась кровью Иисуса сохранить тайну, и теперь ей предстояло отправиться в ад, но отца девочка боялась больше мук преисподней.

Папаша начал расспрашивать, откуда взялся щенок Скип, и пришлось объяснять, как погиб Хоп, а потом и признаваться в остальном.

Как ни странно, ее не выпороли. Отец даже повеселел и заставил Гвенду отвести его на лесную поляну, где случилось убийство. Отыскать нужное место оказалось нелегко, но в конце концов они нашли тела двух воинов в желто-зеленых блузах.

Сначала отец развязал их кошельки, и в каждом оказалось по три десятка пенни, но еще больше он обрадовался мечам, которые стоили намного дороже. Он принялся раздевать мертвецов, с трудом управляясь одной рукой, и Гвенде пришлось ему помогать. Было так непривычно дотрагиваться до нескладных и тяжелых безжизненных тел. Отец заставил ее снять с мертвецов одежду, даже грязные штаны-чулки и потные подштанники.

Потом он завернул оружие в одежду, будто это мешок с тряпьем, и они с Гвендой отволокли голые тела обратно в кусты.

Обратно отец шел в прекрасном расположении духа. По дороге заглянули в большую, правда, грязную таверну «Белая лошадь», что стояла на улице Слотерхаус-дич возле реки; там отец купил Гвенде кружку эля, а сам исчез в задней части дома вместе с хозяином, которого называл «друг Дэви». Уже второй раз за этот день Гвенда пила эль. Через несколько минут отец вернулся без тряпичного узла.

Выйдя на главную улицу, у постоялого двора «Колокол» возле ворот аббатства они нашли мамашу с младенцем и Филемона. Отец весело подмигнул жене и передал целую пригоршню монет, чтобы та спрятала их в детском одеяльце.

Дело было после полудня, и почти все посетители разбрелись, желая вернуться домой из Кингсбриджа до темноты, но до Уигли сегодня было уже не добраться, и семейство решило заночевать на постоялом дворе. Как все время повторял отец, теперь они могли себе это позволить, хотя мать встревоженно твердила:

– Не нужно, чтобы видели, что у тебя есть деньги!

Гвенда устала. Она рано встала и много ходила. Девочка прилегла на скамью и быстро заснула.

Вскоре ее разбудил громкий стук в дверь. Гвенда испуганно вскочила и увидела двух вооруженных мужчин. Сначала девочка приняла их за призраков убитых и на мгновение застыла в ужасе, но затем поняла, что это другие люди, хотя тоже в желто-зеленых блузах. Воин, выглядевший моложе товарища, держал в руках знакомый узел с тряпьем.

Тот воин, что постарше, обратился прямо к отцу:

– Ты Джоби из Уигли, верно?

Гвенда испугалась. В голосе мужчины слышалась неприкрытая угроза. Он не кричал, не топал ногами, но сразу чувствовалось, что этот человек готов на все, чтобы добиться своего.

– Нет, – по привычке соврал отец. – Вы ошибаетесь.

Второй воин, словно не расслышав ответа, положил узел на стол и развязал. Внутри лежали желто-зеленые блузы, в которые были замотаны два меча и два кинжала. Воин посмотрел на отца и спросил:

– Откуда это?

– Впервые вижу, клянусь распятием.

«Глупо отрицать, папаша», – со страхом подумала Гвенда; воины рано или поздно вытащат из него правду – точно так же, как он сам всегда вытаскивал правду из нее.

Старший воин проговорил:

– Дэви, владелец «Белой лошади», сказал, что купил это у Джоби из Уигли.

Он говорил более сурово, чем раньше, и все, кто был в зале постоянного двора, поднялись с мест и торопливо ушли; остались лишь Гвенда, ее мать и братья.

– Джоби был тут, но ушел, – с отчаяния брякнул отец.

Воин кивнул.

– Ага. С женой, двумя детьми и младенцем.

– Да.

Дальше все произошло очень быстро. Воин сильной рукой схватил отца за шиворот и отбросил к стене. Мать закричала, младенец заплакал. Гвенда заметила на правой руке воина побитую перчатку, обтянутую кольчужной сеткой. Воин замахнулся и ударил Джоби в живот.

– Помогите! Убивают! – завопила мать.

Филемон зарыдал.

Побелев от боли, отец обмяк, но воин подхватил его, припер к стене и ударил снова, на сей раз в лицо. Кровь брызнула у отца из носа и рта.

Гвенде хотелось кричать, она широко разинула рот, но не могла издать ни звука. Девочка считала отца всесильным – пускай он часто хитрил, притворяясь слабым или покорным, чтобы расположить людей к себе или отвести от себя их гнев. Ей страшно было видеть его сейчас столь беспомощным.

Из дверей, что вели в заднюю часть дома, показался хозяин постоянного двора, крупный мужчина лет тридцати с небольшим. Из-за его спины выглядывала пухленькая маленькая девочка.

– Что это значит? – властно спросил трактирщик.

Воин даже не взглянул в его сторону.

– Убирайся, – бросил он через плечо и вновь ударил отца в живот.

Тот захаркал кровью.

– Прекратите! – потребовал трактирщик.

Воин спросил:

– А ты кто такой, чтобы мне приказывать?

– Я Пол Белл, и это мой дом.

– Знаешь что, Пол Белл, займись-ка своими делами, если не хочешь неприятностей.

– Вы, кажется, думаете, будто можете творить что угодно в этих одеждах? – В голосе Пола звучало презрение.

– Именно так, приятель.

– И чьи же это цвета?

– Королевы.

Пол обернулся к дочери:

– Бесси, сбегай за констеблем Джоном. Если в моей таверне убьют человека, я хочу, чтобы констебль был свидетелем.

Девочка исчезла.

– Никого здесь не убьют, – пояснил воин. – Джоби передумал. Он решил отвести нас туда, где ограбил двух мертвецов, правда, старина?

Отец не мог говорить, но кивнул. Воин отпустил его, и он упал на колени, кашляя и плюясь.

Воин посмотрел на остальных.

– А ребенок, который видел драку?..

Гвенда взвизгнула.

– Нет!

Мужчина довольно кивнул:

– Ну да, девчонка с крысиной мордахой.

Гвенда бросилась к матери.

– Мария, Матерь Божья, спаси моего ребенка! – вырвалось у той.

Воин схватил Гвенду за руку и грубо оттащил от матери. Девочка заплакала. Воин прикрикнул:

– Заткнись, или тебе достанется, как и твоему жалкому папаше.

Гвенда стиснула зубы, чтобы не закричать.

– Вставай, Джоби. – Мужчина поднял отца на ноги. – Давай очухивайся, придется прогуляться.

Второй воин прихватил одежду и оружие.

Когда мужчины выходили из таверны, мать громко крикнула вслед:

– Делайте все, что они говорят!

Люди королевы были верхом. Гвенду старший посадил перед собой, а отец сел перед вторым воином. Джоби не переставая стонал, поэтому дорогу показывала Гвенда; теперь она не путалась – ведь этот путь ей пришлось проделать дважды. Ехали быстро, но все-таки, когда добрались до поляны, уже стало темнеть.

Младший воин держал Гвенду и отца, а старший вытаскивал тела товарищей из кустов.

– Этот Томас неплохо дерется, если убил и Гарри с Альфредом, – проворчал воин, осматривая мертвецов.

Гвенда поняла, что люди королевы ничего не знают о других детях. Она призналась бы, что была не одна и что одного мечника убил Ральф, но от страха не могла говорить.

– Он почти отрезал Альфреду голову. – Старший повернулся и посмотрел на Гвенду. – А о письме они говорили?

– Не знаю! – с трудом выдавила девочка. – Я зажмурилась, потому что мне было очень страшно, и не слышала, о чем говорили! Это правда, я бы сказала, если бы знала.

– Все равно, даже если они отняли письмо, Лэнгли потом его забрал, – сказал старший товарищу. Он оглядел деревья вокруг поляны, как будто письмо могло висеть между жухлыми листьями. – Наверное, письмо сейчас при нем, в аббатстве, где мы до него не доберемся. В святое место нам с оружием прохода нет.

Второй воин откликнулся:

– По крайней мере, теперь мы сможем рассказать, как было дело, и забрать тела для христианского погребения.

Вдруг отец вырвался из рук державшего его мужчины и бросился бежать. Воин кинулся было за ним, но старший его остановил:

– Пусть удирает, на кой он нам нужен?

Гвенда тихонько заплакала.

– А девчонка? – спросил младший.

Гвенда была уверена, что ее убьют. Сквозь слезы она ничего не видела, а из-за рыданий не могла даже попросить пощады. Она умрет и попадет в ад. Вот и все.

– Отпусти ее, – махнул рукой старший. – Мать родила меня не для того, чтобы убивать маленьких девочек.

Младший воин оттолкнул Гвенду. Она споткнулась, упала, затем встала, вытерла глаза и побрела прочь.

– Давай беги, – крикнул вслед младший. – Тебе сегодня повезло!

* * *

Керис не спалось. В конце концов она встала с постели и прошла в мамину комнату. Отец сидел на табурете, неотрывно глядя на неподвижную фигуру на кровати.

Глаза больной были закрыты, влажное от нездорового пота лицо блестело при свечах. Девочка взяла матушку обеими руками за белую, холодную-холодную ладонь, пытаясь ее согреть, и спросила:

– Зачем у нее брали кровь?

– Считается, что болезнь иногда происходит от избытка одного из жизненных соков, и заразу надеются выгнать вместе с кровью.

– Но маме лучше не стало.

– Нет, стало хуже.

На глаза Керис навернулись слезы.

– Тогда зачем ты разрешил им это сделать?

– Священники и монахи изучают труды древних мудрецов. Они знают лучше, чем я.

– Не верю.

– Очень трудно решить, во что верить, лютик.

– Если бы я была врачом, делала бы только то, что помогает.

Эдмунд, не слушая, пристальнее всмотрелся в жену, подался вперед, сунул руку под одеяло и положил ладонь Розе на грудь, прямо под сердце. Его большая кисть образовала на одеяле бугорок. Он негромко хмыкнул, затем прижал руку крепче. Несколько мгновений отец не шевелился, потом закрыл глаза.

Не отнимая руки, он стал заваливаться вперед, пока не очутился на коленях, словно погруженный в молитву, пока не уперся высоким лбом в бедро мамы.

Керис поняла, что он плачет. Ничего страшнее девочка в жизни не видела; это было куда хуже, чем убийство того человека в лесу. Дети плачут, женщины плачут, могут плакать даже слабые и беспомощные мужчины, но отец не плакал никогда. У нее было такое чувство, что миру пришел конец.

Нужно чем-то помочь. Девочка выпустила мамину холодную неподвижную руку на одеяло, вернулась к себе и потрясла за плечо спящую Элис.

– Вставай! – Сестра не двинулась. – Вставай, папа плачет.

Сестра села в кровати.

– Не может быть.

– Вставай же!

Элис слезла с кровати. Керис взяла сестру за руку, и обе девочки пошли в мамину комнату. Отец стоял, глядя на застывшее лицо на подушке, лицо его было мокрым от слез. Элис в ужасе уставилась на него. Керис прошептала:

– Я же тебе говорила.

С другой стороны кровати стояла тетка Петранилла. Эдмунд заметил девочек, отступил от кровати, подошел к ним, обнял и притянул к себе.

– Ваша мама отошла к ангелам. Молитесь за ее душу.

– Будьте славными девочками, – добавила Петранилла. – Отныне я буду вашей мамой.

Керис утерла слезы и, вскинув голову, посмотрела на тетку.

– Нет, не будешь.

Часть II. 8–14 июня 1337 года

6

В тот год, когда Мерфину исполнился двадцать один, на Духов день¹⁰ Кингсбриджский собор заливали потоки дождя.

Крупные капли стучали по шиферной кровле¹¹; по водоотводам текли ручьи; в пастях горгулий пенилась и клокотала вода; с контрфорсов словно свисали дождевые завесы; вода омывала арки и колонны, заливая статуи святых. Небо, огромный собор и весь город отливали всеми оттенками мокрого серого цвета.

В Духов день праздновали снисхождение Святого Духа на учеников Иисуса. Седьмое воскресенье после Пасхи приходилось обычно на май или июнь, то есть по всей Англии незадолго до этого стригли овец, так что в этот день всегда открывалась кингсбриджская шерстяная ярмарка.

Мерфин, шлепая по глубоким лужам и бурливым потокам, пробирался к собору на утреннюю службу. Пришлось набросить капюшон в тщетной попытке не намочить лицо и пройти через ярмарку. На просторной лужайке к западу от собора сотни торговцев выставили лотки, а затем были вынуждены поспешно накрывать их промасленной мешковиной или войлоком, чтобы уберечь товар от дождя. Главными на ярмарке были купцы, торговавшие шерстью, – от мелких торговцев, скупавших товар у немногочисленных крестьян, до крупных дельцов, таких как Эдмунд, у которого склады ломились от запасов шерсти. Вокруг их лотков россыпью располагались прочие, с которых продавали все, что можно купить за деньги: сладкое рейнское вино, шелковую с золотом парчу из Лукки, стеклянные венецианские кубки, имбирь и перец из таких восточных краев, чьи названия под силу было выговорить лишь немногим. И конечно, повсюду сновали те, кто предлагал посетителям и торговцам самое необходимое: пекари, пивовары, кондитеры, предсказатели и уличные девки.

Когда хлынул дождь, торговцы храбрились, перешучивались, пытались устроить нечто вроде карнавала, но непогода сказывалась на прибылях. Некоторым деваться некуда. Дождь или солнце, но итальянские и фламандские закупщики не могли уехать без мягкой английской шерсти, потребной для безостановочной работы тысяч ткацких станков во Флоренции и Брюгге. А вот обычные покупатели сидели по домам: супруга рыцаря решала обойтись без муската и корицы; зажиточный крестьянин был согласен пронести старый плащ еще одну зиму; законник рассуждал, что его любовнице не так уж и нужен золотой браслет.

Мерфин не собирался ничего покупать. У него не было денег. Будучи подмастерьем, он жил у своего мастера, Элфрика Строителя, столовался с хозяевами, спал на кухонном полу и носил поношенную одежду главы дома, но жалованья не получал. Долгими зимними вечерами он вырезал и потом продавал за несколько пенни хитроумные игрушки – шкатулки для драгоценностей с потайными отделениями, петушков, которые высывали язык, когда их дергали за хвост, – но летом свободного времени не оставалось: ремесленники работали до темноты.

Впрочем, пора ученичества скоро заканчивалась. Меньше чем через полгода, в первый день декабря, он станет полноправным членом Кингсбриджской гильдии плотников – в двадцать один-то год! Он изнывал от нетерпения в ожидании этого события.

¹⁰ Иначе праздник Сошествия Святого Духа; отмечается на 50-й день после Пасхи, одновременно с Пятидесятницей и непременно в воскресенье.

¹¹ Имеется в виду кровля из глинистого сланца, или природного шифера.

Высокие западные двери собора открылись для тысячи горожан и приезжих, желавших присутствовать на службе. Мерфин зашел в храм, отряхивая с одежды дождевые капли. Каменный пол стал скользким от воды и грязи. В погожий день внутреннее убранство собора освещали яркие лучи солнца, но сейчас внутри царил полумрак, витражи словно потускнели, а паства рядилась в темные и мокрые одежды.

Куда девается дождевая вода? Ведь вокруг собора нет канав для ее стока. Вода – тысячи и тысячи галлонов¹² воды – просто уходила в землю. Может, впитывается в грунт, все глубже и глубже, пока не заливают наконец преисподнюю? Вряд ли. Собор построен на склоне. Вода уходит под землю, в холм, движется с севера на юг. Фундаменты больших каменных зданий задумывались так, чтобы пропускать воду сквозь себя, поскольку скопление воды таило опасность. Значит, вся эта влага в конечном счете попадает в реку на южной оконечности аббатских земель.

Мерфину даже показалось, что он чувствует подошвами башмаков, как под землей с глухим гулом течет вода, и рев ее могучего потока заставляет содрогаться каменный пол и фундамент.

Виляя хвостом, к нему радостно подбежала маленькая черная собачка.

– Привет, Скрэп. – Он потрепал псину по загривку.

Юноша огляделся, высматривая хозяйку собаки, и сердце его на секунду остановилось.

Керис надела ярко-красный плащ, доставшийся ей от матери. Это было единственное яркое пятно в царившем кругом полумраке. Мерфин широко улыбнулся, радуясь встрече. Красоту этой девушки он затруднился бы объяснить. Круглое личико с точеными, правильными чертами обрамляли темно-русые волосы, а в зеленых глазах сверкали золотистые искорки. Керис не сильно отличалась от сотен остальных девушек Кингсбриджа, но сейчас она задорно заломила шапку, в умном взгляде проскальзывала насмешка, а на Мерфина она смотрела с озорной улыбкой, обещавшей смутные, соблазнительные удовольствия. Мерфин знал ее десять лет, но лишь в последние несколько месяцев понял, что любит.

Керис затащила его за колонну и поцеловала, кончиком языка шаловливо пробежавшись по губам.

Они целовались где только могли: в соборе, на рыночной площади, на улице, – но лучше всего было, когда он приходил к ней домой и молодые люди оставались одни. Мерфин жил ради этих мгновений и мечтал о том, как будет целовать ее, засыпая и просыпаясь.

Он навещал ее дома два-три раза в неделю. Гостеприимный Эдмунд, в отличие от тетки Петраниллы, любил юношу и, сам не чураясь мирских развлечений, часто приглашал на ужин. Мерфин с радостью соглашался, зная, что стол будет всяко лучше, чем у Элфрика. Потом они с Керис играли в шахматы или шашки, а то и просто болтали. Ему нравилось смотреть на нее: когда она что-нибудь рассказывала или объясняла, ее руки словно чертили в воздухе, на лице отражалась увлеченность или удивление, будто девушка каждое событие проживала внутри себя. С особым нетерпением Мерфин ждал мгновения, чтобы сорвать поцелуй.

Он украдкой огляделся: никто не смотрел в их сторону, – просунул руку под плащ Керис, коснулся мягкого платья, согретого ее телом, и обхватил ладонью грудь, маленькую и крепкую. Приятно было ощущать, как та слегка проминается под кончиками его пальцев. Он никогда не видел Керис обнаженной, зато с ее грудью успел свести близкое знакомство.

В своих мечтах юноша заходил намного дальше, видел, как они с возлюбленной оставались одни где-нибудь на поляне в лесу или в большой спальне какого-то замка. Оба были нагишом. Как ни странно, фантазии всегда обрывались на миг раньше, чем он погружался в нее. Мерфин приходил в себя, испытывая нешуточное раздражение.

¹² Старинная английская мера объема, имевшая разное значение при измерении количества жидкости (вино, пиво) и сыпучих (пшеница и другие зерновые) тел. Только в 1824 г. был принят единый имперский галлон.

Оставалось утешаться тем, что однажды все произойдет наяву.

Они пока не заговаривали о свадьбе. Подмастерья не могли жениться, так что приходилось ждать. Керис, конечно, должна была спрашивать себя, что они станут делать, когда закончится срок его ученичества, но никогда не делилась с ним своими мыслями. Она как будто довольствовалась тем, что воспринимала жизнь поступательно, день за днем. А сам Мерфин суеверно опасался говорить вслух о совместном будущем. Недаром ходило присловье, что паломникам не следует слишком подробно и усердно заранее прокладывать путь: чего доброго, они узнают про такие напасти, что вообще решат остаться дома.

Мимо прошла монахиня, и юноша виновато отдернул руку от груди Керис, но монахиня их не заметила. На самом деле в огромном соборе чего только ни вытворяли. В прошлом году Мерфин видел, как возле стены в южном крыле в темноте рождественской вечерни совокуплялась какая-то пара; правда, их в итоге выгнали. Может, получится простоять здесь с Керис всю службу, милюясь потихоньку?

Но девушка решила иначе:

– Пойдем вперед.

Она взяла его за руку и повела через толпу. Он знал многих, кто пришел в собор, хотя и не всех: в Кингсбридже проживали семь тысяч человек, это был один из крупнейших городов Англии, и каждого горожанина в лицо не мог знать никто. Следом за Керис Мерфин добрался до средокрестия, где боковые трансепты сходились с нефом. Там стояла деревянная ограда, преграждавшая путь в восточную, алтарную часть собора, куда дозволялось заходить только священнослужителям.

Мерфин обнаружил, что стоит рядом с важным итальянским купцом Буонавентурой Кароли, коренастым и дородным мужчиной в богато вышитом плаще из плотного сукна. Буонавентура был родом из Флоренции – как он утверждал, самого большого города христианского мира, в десять раз больше Кингсбриджа, – но теперь жил в Лондоне, управляя поставками шерсти от английских суконщиков. Семейство Кароли было настолько богатым, что давало в долг королям, но Буонавентура держался дружелюбно и просто, хотя говорили, что в делах итальянец беспощаден.

Керис непринужденно кивнула ему, как хорошему знакомому, ведь Кароли остановился у них дома. Купец приветливо поздоровался с Мерфином, хотя наверняка сообразил, по возрасту юноши и по одежде с чужого плеча, что перед ним простой подмастерье.

Флорентиец осматривал собор.

– Я приезжаю в Кингсбридж вот уже пятый год, – завел он вежливую беседу, – но до сегодняшнего дня не обращал внимания, что окна в трансептах больше всех прочих в соборе. – Кароли говорил по-французски, иногда вставляя тосканские словечки.

Мерфин понимал его без труда. Подобно большинству отпрысков английского рыцарства, он говорил с родителями на нормандском наречии, с приятелями общался по-английски, а о значении многих итальянских слов просто догадывался, поскольку изучал латынь в монастырской школе.

– Могу объяснить, почему окна именно такие.

Буонавентура приподнял брови, очевидно удивленный тем, что подмастерье обладает подобными познаниями.

– Собор возвели двести лет назад, когда узкие стрельчатые окна нефа и алтарь были неслыханным новшеством, а сто лет спустя епископ захотел башню повыше, перестроил трансепты и прорубил в них большие окна, как было модно в то время.

Итальянец одобрительно кивнул.

– Откуда тебе это известно?

– В монастырской библиотеке хранится история аббатства, Книга Тимофея, и в ней подробно рассказывается о строительстве собора. Основная часть написана при великом приоре Филиппе¹³, но кое-что добавляли позже. Я читал ее, когда учился в монастырской школе.

С минуту Буонавентура пристально смотрел на Мерфина, будто стараясь запомнить лицо юноши, затем скупой бросил:

– Красивый собор.

– А итальянские другие? – Любознательный Мерфин обожал слушать про дальние страны, про жизнь вообще и архитектуру в частности.

Буонавентура задумался.

– Мне кажется, строительные принципы везде одни и те же. Но в Англии я не видел соборов с куполами.

– А что такое купол?

– Это такая круглая крыша, как половина мяча.

Мерфин изумился:

– Никогда ничего подобного не слыхал! А как их строить?

Кароли рассмеялся:

– Молодой человек, я торгую шерстью. Пошупав ее, без труда отвечу тебе, откуда она – из Котсуолда или из Линкольна, но не знаю, как построить даже курятник, не говоря уже о соборах.

Подошел мастер Мерфина Элфрик. Человек преуспевающий, он всегда носил дорогую одежду, которая смотрелась на нем так, словно ее шили для кого-то еще. Он вечно заискивал перед знатыми и богатыми; вот и сейчас не обратил внимания на Керис и Мерфина, зато низко поклонился Буонавентуре.

– Великая честь снова видеть вас в нашем городе, сэр.

Мерфин отвернулся.

– Как ты думаешь, сколько всего на свете языков? – спросила Керис, любившая задавать всякие странные вопросы.

– Пять, – не задумываясь ответил Мерфин.

– Нет, серьезно. Английский, французский, латынь – это три. Флорентийцы и венецианцы говорят по-разному, хотя у них есть общие слова.

– Верно. – Мерфин включился в игру. – Это уже пять. Еще есть фламандский.

Лишь немногие понимали язык торговцев, приезжавших в Кингсбридж из фламандских городов ткачей – Ипра, Брюгге, Гента.

– И датский.

– У арабов тоже свой язык, и пишут они по-своему, даже буквы у них другие.

– А мать Сесилия говорила мне, что у всех варваров свои языки и никто даже не знает, как на них писать, – это и скотты, и валлийцы, и ирландцы, а может, и еще кто. Уже одиннадцать выходит, а вдруг есть народы, о которых мы даже не слышали?

Мерфин улыбнулся. Только с Керис он мог рассуждать о подобном. Остальные сверстники ничуть не разделяли их страсть к познанию других народов и другого образа жизни. Но Керис время от времени огорошивала вопросами: каково жить на краю света? Правы ли священники в своих рассказах о Боге? Откуда ты знаешь, что не спишь, вот прямо сейчас? А еще они любили отправляться в воображаемые путешествия, соревнуясь, кто придумает больше диковинок.

¹³ В русском переводе первой части трилогии о Кингсбридже имя приора Филиппа писалось с одним «п», по англосаксонскому типу, однако из текста данного романа следует, что большинство персонажей-монахов носит латинизированные и «библизированные» имена, поэтому логично передавать имя Филипп с двумя «п».

Гул разговоров в соборе внезапно стих, и Мерфин увидел, что монахи и монахини усаживаются на скамьи. Появился регент хора, Карл Слепой. Он ничего не видел, однако по собору и по монастырю передвигался без посторонней помощи. Шагал медленно, но уверенно, как зрячий, досконально изучив местоположение каждой колонны и каждой плиты на полу. Своим звучным баритоном он задал тональность, и хор запел гимн.

Мерфин относился к духовенству сдержанно и, случалось, ставил под сомнение обоснованность притязаний клириков на всеведение. Бывало, что власть, которой обладали священнослужители, не соответствовала их познаниям, точно так же, как в случае с его наставником в плотницком деле Элфриком. Но он любил ходить в церковь. Службы погружали его в подобие сонного оцепенения. Музыка, архитектура, латинские гимны приводили в восторг: он словно засыпал с открытыми глазами.

Вдруг снова возникло то странное ощущение, будто он чувствует течение подземных вод под ногами.

Мерфин обвел глазами три яруса нефа – аркаду, галерею, ряд верхних окон. Он знал, что при сооружении колонн камни кладут друг на друга, но при беглой взгляде создавалось совсем другое впечатление. Каменные блоки обтесывались таким образом, что каждая колонна выглядела этаким скоплением древков. Мерфин проследил взором высоту одной из четырех гигантских колонн средокрестия – от массивного квадратного основания вверх, туда, где одно из «древков» устремлялось к северу, выгибаясь аркой над боковым приделом, и дальше, на средний ярус, где еще одно «древко» отходило на запад, образуя аркаду галереи, потом на западную оконечность арки ряда верхних окон и, наконец, туда, где остальные «древки» разделялись подобно соцветию, превращаясь в выгнутые ребра высокого потолочного свода. От рельефного изображения в самой высокой точке свода взгляд Мерфина заскользил по ребру вниз, к противоположной колонне средокрестия.

Внезапно что-то изменилось. Зрение Мерфина как будто на мгновение затуманилось. Ему почудилось, что западный трансепт стронулся с места.

Раскатился тихий гул, настолько низкий, что его едва можно было различить. Пол под ногами дрогнул, как если бы где-то рядом упало дерево.

Хор запнулся.

По южной стене алтарной части, по соседству с колонной, которую разглядывал Мерфин, зазмеилась трещина.

Юноша понял, что поворачивается к Керис. Краем глаза он заметил, что на хоры и на средокрестие валяются камни. Затем начался суший ад: завизжали женщины, завопили мужчины, оглушительно загрохотали огромные камни, падая на пол. Это безумие длилось словно целую вечность. Когда наступила тишина, Мерфин понял, что левой рукой обнимает Керис за плечи, прижимая к себе, а правой прикрывает девушке голову, телом же пытается заслонить от нее то место, где лежала в руинах немалая часть собора.

* * *

Было поистине чудом, что никто не погиб.

Наихудшие разрушения пришлись на южную сторону алтарной части собора, где людей во время службы не было. Прихожан в алтарную часть не пускали, а клирики все находились на хорах. Правда, несколько монахов все-таки чуть не простились с жизнью, отчего разговоры о чудесах только усилились, а прочие отделались ссадинами и порезами от осколков камней. В пастве разве что некоторым досталось по царапине. Люди не сомневались в том, что их сверхъестественным образом уберег святой Адольф, мощи которого хранились под главным алтарем. Недаром в его житии рассказывалось о множестве исцелений и спасений от верной

гибели. Впрочем, все соглашались, что Господь послал Кингсбриджу предупреждение; оставалось выяснить, насчет чего именно.

Часом позже четверо мужчин принялись осматривать разрушения. Годвин, двоюродный брат Керис, занимал пост ризничего, а значит, отвечал за состояние собора и всех его сокровищ. В помощники-матрикулярии, то есть по строительным и восстановительным работам, ему назначили брата Томаса, который десять лет назад звался сэром Томасом Лэнгли. Плотник и строитель Элфрик имел с аббатством договор, обязывавший мастера следить за состоянием собора. Мерфин же пришел в качестве подмастерья Элфрика.

Колонны делили восточную часть храма на четыре «помещения», именуемых травеями¹⁴. Обрушение затронуло две травеи, ближайшие к средокрестию. Каменный свод над южным приделом полностью обрушился в первой травее и частично осыпался во второй. Средний ярус пошел трещинами, каменные средники окон верхнего ряда повывпадали.

Элфрик предположил:

– Должно быть, допустили в свое время промашку со строительным раствором, вот свод и раскрошился, а оттого появились трещины выше.

Мерфин усомнился в правдоподобности такого объяснения, но иных предположений у него не было.

Он ненавидел своего мастера. Учиться он начинал у отца Элфрика, весьма опытного Йоакима, которому довелось строить церкви и мосты в Лондоне и Париже. Старик охотно растолковывал Мерфину премудрости мастеров-каменщиков, те хитрости, которые мастера называли тайнами и которые сводились в основном к арифметическим формулам строительства, например к пропорции между высотой здания и глубиной фундамента. Цифры Мерфину всегда нравились, и он жадно впитывал все, чему мог его научить старый Йоаким.

Потом Йоаким умер, и ему наследовал Элфрик. Тот был искренне убежден, что главное для подмастерья – это научиться послушанию. Мерфина такое отношение злило, а Элфрик вразумлял его, кормя впроголодь и заставляя трудиться на морозе в скудной одежонке. Для пущего назидания строптивому юнцу круглолицую хозяйскую дочь Гризельду, ровесницу Мерфина, кормили сытно и одевали тепло.

Три года назад жена Элфрика умерла, и мастер женился заново – на Элис, старшей сестре Керис. Молва уверяла, что из двух сестер Элис будет попригожее: у нее и вправду были более правильные черты лица, зато ей недоставало обаяния Керис, а Мерфин и вовсе считал Элис дурой. Ей самой Мерфин, похоже, нравился ничуть не меньше, чем ее сестре, и потому юноша надеялся, что она заставит Элфрика обращаться с ним получше. Но случилось обратное. Элис как будто сочла своим супружеским долгом изводить Мерфина заодно с Элфриком.

Мерфин знал, что подобного обращения удостаивалось множество подмастерьев, и все терпели, поскольку без обучения у мастера доходной работы было не получить. Ремесленные гильдии сурово расправлялись с самозванцами. Никто в городе не мог начать своего дела, не вступив в какую-либо гильдию. Даже священнику, монаху или женщине, которым захотелось бы поторговать шерстью или сварить эль на продажу, пришлось бы идти на поклон к той или иной гильдии. А за городскими стенами работы почти не было, ибо крестьяне сами строили себе дома и сами шили одежду.

По завершении ученичества большинство подмастерьев оставались у своих бывших наставников и трудились как поденные работники, за плату. Немногим удавалось заручиться расположением мастеров и перенять дела после их кончины. Этот путь для Мерфина был закрыт. Юноша слишком уж ненавидел Элфрика и намеревался сбежать от того при первой же возможности.

¹⁴ Травеи – в романской и готической архитектуре пространственная ячейка нефа, ограниченная четырьмя устоями, несущими свод.

– Давайте взглянем сверху, – сказал Годвин.

Все четверо двинулись к восточной части собора.

– Хорошо, что ты вернулся из Оксфорда, брат Годвин, – обронил Элфрик. – Но тебе, верно, не хватает ученого общества.

Ризничий кивнул.

– Тамошние учителя воистину поразительны.

– А студенты, должно быть, выдающиеся молодые люди. Хотя ходят слухи, конечно, об их дурном поведении.

Годвин скроил покаянную мину.

– Боюсь, отчасти эти слухи правдивы. Когда молодой священник или монах впервые покидает родные места, ему легко впасть в искушение.

– Но все же нам повезло, что у нас в Кингсбридже есть люди, обучавшиеся в университете.

– Очень любезно с вашей стороны.

– О, это чистая правда.

Мерфину хотелось крикнуть: «Да заткнись ты, подлиза!» Но таков уж был Элфрик: не слишком умелый строитель, работавший кое-как и мысливший убого, он отлично знал, как себя вести с другими. Мерфин видел собственными глазами, снова и снова, как мастер проявлял обходительность к людям, от которых ему что-то было нужно, и как он грубил тем, от кого ему ничего не требовалось.

Куда больше юношу удивлял Годвин. Неужто столь умный и ученый человек не видит Элфрика насквозь? Может, все дело в том, что человеку, которому льстят, лесть затмевает взор?

Годвин открыл дверцу в стене и начал подниматься по узкой винтовой лестнице. Мерфин испытал прилив воодушевления. Он любил блуждать по собору тайными ходами. Вдобавок ему действительно хотелось выяснить, отчего обрушился каменный свод.

Приделы представляли собой одноярусные пристройки по обеим сторонам центрального нефа. Над ними нависали сводчатые потолки с выступающими каменными ребрами. Над этими потолками лежала покатая крыша, что поднималась к основанию ряда верхних окон. Между верхушкой свода и крышей находился этакий треугольник пустого пространства, неразличимый снаружи. Именно туда и направились монахи со строителями, желая осмотреть разрушения сверху.

Через окна внутри собора сочился тусклый свет, а Томас предусмотрительно захватил с собою масляный фонарь. Мерфину сразу бросилось в глаза, что, если смотреть сверху, своды над травеями немного различались. Крайний восточный свод был менее выпуклым, чем соседний, а следующий, частично разрушенный, тоже казался каким-то не таким, как остальные.

Проверяющие двигались по тыльной стороне, держась ближе к краю, где свод был прочнее, и подобрались, насколько было возможно, к разрушенной части. Свод строился точно так же, как и собор в целом, его камни скреплялись раствором, разве что потолочные плиты были тоньше и легче нижних. От основания свод шел почти вертикально, однако по мере подъема загибался внутрь и в определенной точке смыкался с кладкой, что тянулась от противоположной стены.

– Очевидно, перво-наперво следует восстановить своды над первыми двумя травеями, – высказался Элфрик.

– Свод с ребрами в Кингсбридже уже давно никто не возводил. – Брат Томас обернулся к Мерфину: – Ты сделаешь опалубку?

Подмастерье понял, что имеет в виду монах. У края свода, где кладка стояла почти торчком, камни держались на месте за счет собственного веса, зато выше, где свод начинал переходить в плоскость, требовалась какая-то подпорка, чтобы камни не выпали, пока будет сохнуть

строительный раствор. Само собою напрашивалось изготовление деревянного каркаса, то есть опалубки, поверх которой станут выкладывать камни.

Это была непростая задача для плотника, ведь каркас следовало расположить предельно точно. Брат Томас имел представление о качестве работы Мерфина, благо уже несколько лет внимательно наблюдал за тем, как Элфрик с подмастерьем трудятся в соборе. Впрочем, со стороны монаха обращаться к подмастерью, минуя мастера, было не очень-то вежливо, и Элфрик не замедлил вмешаться:

– Под моим руководством он справится.

– Да, я смогу сделать опалубку, – отозвался Мерфин, уже размышляя о том, где поставить строительные леса, чтобы они подпирали опалубку, и площадку для каменщиков. – Но эти своды возведены без опалубки.

– Не мели ерунды, парень, – пробурчал Элфрик. – Как же иначе? Ты просто ничего не понимаешь.

Мерфин прекрасно осознавал, что спорить с мастером глупо. Но через полгода Элфрик окажется его соперником, и нужно, чтобы люди вроде брата Годвина заранее убедились в его умениях. Кроме того, юношу уязвило презрение в голосе мастера, и он испытал непреодолимое желание выставить мастера на посмешище.

– Да посмотрите же сюда, на тыльную сторону свода, – процедил Мерфин. – Работай каменщики с опалубкой, они бы наверняка перемещали ее от травеи к травее. Тогда все своды имели бы одинаковую кривизну. Но сами видите, что она разная.

– Значит, они использовали опалубку по разу в каждой травее, – брюзгливо возразил Элфрик.

– Зачем? Неужто им некуда было девать дерево? Да и плотникам пришлось бы платить больше, не забывайте.

– Как ни крути, перебросить свод без опалубки невозможно.

– Да, верно, хотя есть один способ...

– Хватит, – перебил Элфрик. – Ты здесь, чтобы учиться, а не чтобы учить.

В спор вмешался Годвин:

– Погодите, Элфрик. Если парень прав, аббатство сэкономит кучу денег. – Монах посмотрел на Мерфина: – Что ты хотел сказать?

Мерфин уже почти жалел, что затеял этот разговор, который наверняка дорого ему обойдется. Но придется продолжать, раз уж начал. Иначе все решат, что он и вправду лишь попусту мелет языком, а на самом деле ничего в строительстве не смыслит.

– Этот способ описан в книге из монастырской библиотеки. Он очень простой. Сначала кладут камень, потом протягивают над ним веревку. Один конец веревки крепится к стене, а на другой конец вешают бревно. Веревка образует прямой угол и не позволяет камню выпасть из раствора и свалиться вниз.

Некоторое время все пытались вообразить эту конструкцию. Наконец Томас кивнул:

– Разумно.

Элфрик выглядел разъяренным.

– Что за книга? – поинтересовался Годвин.

– Она называется «Книга Тимофея», – ответил Мерфин.

– Я слышал о ней, но никогда не заглядывал внутрь. Обязательно поищу. – Монах повернулся к остальным: – Мы все посмотрели?

Элфрик и Томас кивнули. Когда стали спускаться, мастер негромко спросил юношу:

– Ты понимаешь, что сам отказался от нескольких недель работы? В жизни не поверю, чтобы ты так поступил, будь договор твоим.

Мастер был прав: Мерфину это и в голову не пришло. Доказав, что опалубка не обязательна, он сам лишил себя работы. Правда, в доводах Элфрика крылось что-то очень нехоро-

шее. Нечестно потворствовать ненужным тратам только потому, что люди платят тебе за бесполезный труд. Мерфин не хотел зарабатывать, обманывая других.

По винтовой лестнице спустились в алтарную часть, и Элфрик сказал Годвину:

– Я зайду завтра с расчетами.

– Хорошо.

Мастер повернулся к Мерфину:

– Ты останешься здесь и посчитаешь камни в своде придела. Потом найди меня дома и сообщи.

– Ладно.

Элфрик и Годвин ушли, но брат Томас задержался.

– Похоже, я втравил тебя в неприятности.

– Ну, вы же меня похвалили.

Монах пожал плечами и махнул правой рукой – дескать, что поделаешь. Левую руку ему отрезали по локоть десять лет назад, после воспаления раны, полученной в той схватке, очевидцем которой выпало стать Мерфину.

Юноша теперь лишь изредка вспоминал ту странную стычку в лесу. Он привык видеть Томаса в монашеском облачении. Но сейчас вдруг все встало перед мысленным взором: воины, дети, прячущиеся в кустах, лук, стрелы, прикопанное письмо. Томас всегда был добр к нему, и Мерфин догадывался, что обязан этим именно событиям того дня.

– Я никому ничего не говорил о письме, – тихо сказал он.

– Знаю, – ответил Томас. – Иначе тебя бы не было в живых.

* * *

Большинством крупных городов управляли торговые гильдии, состоявшие из наиболее видных горожан. Этой гильдии подчинялись многочисленные ремесленные цехи – каменщиков, плотников, дубильщиков, ткачей, портных. Еще имелись небольшие приходские гильдии, малые компании ремесленников при местных церквях, собиравшие деньги на священнические облачения и церковную утварь, а также помогавшие вдовам и сиротам.

Города с епископскими кафедрами управлялись иначе. Владельцем Кингсбриджа, как Сент-Олбанса и Бери-Сент-Эдмундса, был монастырь, которому принадлежала почти вся земля в городе и окрестностях. Приоры обыкновенно отказывали в разрешении учредить торговую гильдию; впрочем, в Кингсбридже самые крупные купцы и видные ремесленники входили в состав приходской гильдии Святого Адольфа. Эта гильдия сложилась сама собою давным-давно, когда группа благочестивых горожан собирала деньги на строительство собора, но теперь она стала важнейшим сообществом города. Гильдия устанавливала правила ведения дел, выбирала олдермена и шестерых урден¹⁵, следивших за соблюдением этих правил. В здании гильдейского собрания хранились образцы мер и весов – мешок с шерстью, рулон сукна и бушель, – обязательные для всех кингсбриджских торговцев. Но гильдия не могла вершить правосудие, как это было в боро¹⁶; такие полномочия сохранялись за приором Кингсбриджа.

В Духов день приходская гильдия в своем здании давала пир для наиболее важных приезжих покупателей. Суконщик Эдмунд являлся олдерменом, Керис пошла с ним на правах хозяйки, так что Мерфину пришлось скучать в одиночестве.

¹⁵ Олдермен – глава совета или гильдии, избиравшийся ее членами; урдены (букв. «надзирающие») – члены гильдии, наделенные особыми полномочиями.

¹⁶ Боро – поселение, обладающее начатками самоуправления и имеющее право избирать своего представителя в парламент.

К счастью, Элфрик с Элис тоже отправились на пир, поэтому юноша сидел на кухонной скамье, прислушиваясь к стуку дождя по крыше и размышляя. Было не то чтобы холодно, но в очаге развели огонь для готовки, и красноватое мерцание пламени радовало душу.

Юноша слышал, как наверху бродит дочь Элфрика Гризельда. У Элфрика был хороший дом, пусть и уступавший размерами дому Эдмунда. На первом этаже находилась кухня и общий зал; лестница вела на открытую площадку, где спала Гризельда, а за дверью наверху располагалась спальня хозяина и его жены. Сам Мерфин спал на кухне.

Года три-четыре назад Мерфина одолевали соблазны: он воображал по ночам, как крадется по лестнице и забирается под одеяло к теплой пухлой Гризельде. Но дочь мастера мнила себя намного выше подмастерья, обращалась с ним как с прислугой и ни разу не дала ему ни малейшего повода воплотить грезы наяву.

Мерфин смотрел в огонь и представлял себе деревянные леса для каменщиков, которые станут восстанавливать обрушившиеся своды собора. Дерево стоило дорого, длинные стволы попадались редко, ибо владельцы лесов чаще всего поддавались искушению продать строевой лес, не дожидаясь, пока деревья вырастут, поэтому при строительстве старались обходиться наивозможно малыми подпорками. Вместо того чтобы возводить леса с пола, подпорки обычно подвешивали на стенах – это позволяло сберечь драгоценную древесину.

Прервав размышления юноши, на кухню вошла Гризельда и налила себе из бочки кружку эля.

– Хочешь?

Мерфин кивнул, подивившись такой любезности. А девушка удивила его еще сильнее, сев на табурет напротив.

Три недели назад куда-то запропал ухажер Гризельды Терстан. Конечно, ей стало одиноко, потому-то она, должно быть, и решила посидеть с Мерфином. Эль согрел желудок и настроил юношу на благодушный лад. Прикидывая, как завязать разговор, он спросил:

– Что стряслось с Терстаном?

Гризельда мотнула головой, как игривая лошадка.

– Я сказала ему, что не выйду за него замуж.

– Почему?

– Он слишком молодой.

Мерфина ее слова не убедили. Терстану было семнадцать, Гризельде – двадцать, но она еще толком не созрела. «Скорее, – подумалось юноше, – Терстан для нее родом не вышел. Он приехал в Кингсбридж из какой-то глуши пару лет назад и трудился батраком у нескольких городских ремесленников. Может, ему надоела Гризельда или обрыдло в городе, вот он и удрал».

– Куда он делся, не знаешь?

– Нет, мне все равно. Я хочу выйти замуж за своего ровесника, за того, кто ощущает ответственность. Может быть, за мужчину, который однажды примет дело моего отца.

Неужто она имеет в виду его, Мерфина? Вряд ли; она же всегда смотрела на него сверху вниз.

Гризельда встала с табурета и пересела на скамью, поближе к юноше.

– Мой отец тебя несправедливо изводит. Я всегда так считала.

Мерфин в который раз удивился.

– Что-то ты долгонько собиралась это сказать. Я ведь живу у вас уже шесть с половиной лет.

– Мне трудно идти против семьи.

– Почему он так жесток со мною?

– Потому что ты думаешь, будто знаешь все лучше его, и не скрываешь этого.

– Возможно, так оно и есть.

– Вот видишь.

Юноша рассмеялся. Впервые в жизни он рассмеялся над словами Гризельды.

Девушка придвинулась еще ближе, ее бедро под суконным платьем прижалось к его ноге. Мерфин сидел в поношенной полотняной рубаше, что ниспадала почти до колен, и в подштанниках, какие носили все мужчины. Даже через одежду он ощутил тепло ее тела. Хорошо бы все-таки понять, что движет Гризельдой. Он недоверчиво покосился на девушку. Из-под блестящих темных волос смотрели карие глаза, лицо было пухловатым, но привлекательным, а хорошенькие губки наверняка приятно целовать.

Гризельда не умолкала:

– Люблю сидеть дома в дождь. Так уютно.

Юноша почувствовал возбуждение в паху и отвернулся. «Что бы подумала Керис, – спросил он себя, – зайди она сюда сейчас?» Он постарался подавить возбуждение, но стало только хуже.

Мерфин вновь посмотрел на Гризельду. Ее влажные губы чуть приоткрылись. Она подавалась вперед, и Мерфин ее поцеловал. Она тут же всунула язык ему в рот. Это было настолько неожиданно, настолько ошеломительно, что он ответил тем же. Поцелуи Керис были совсем другими.

Эта мысль остановила Мерфина. Он отодвинулся от Гризельды и встал.

– Что случилось?

Мерфин вовсе не хотел говорить правду и потому ответил:

– Я никогда тебе не нравился.

Девушка понурилась.

– Говорю же, я не могу идти против отца.

– Как-то больно резко ты переменялась.

Гризельда поднялась и двинулась на него. Он пятился, пока не уперся спиной в стену. Девушка взяла его руку и прижала к своей груди. Та оказалась круглой и увесистой, и Мерфин не смог совладать с искушением и не отнял руки.

– Ты когда-нибудь это делал... ну, то самое... с девушкой?

Язык не слушался, поэтому Мерфин просто кивнул.

– А обо мне думал?

– Да, – выдавил он.

– Если хочешь, можешь взять меня сейчас, пока никого нет. Пошли наверх, ко мне в постель.

– Нет.

Гризельда прильнула к нему.

– От твоих поцелуев я горю и вся мокрая внутри.

Юноша оттолкнул ее. Вышло сильнее, чем он рассчитывал, и девушка плюхнулась на пухлые ягодицы.

– Оставь меня в покое.

Мерфин сам не знал, хочет он того или нет, однако Гризельда приняла его слова за чистую монету.

– Тогда проваливай к дьяволу.

Она поднялась и, тяжело ступая, ушла наверх.

Мерфин стоял, переводя дух. Теперь, отвергнув Гризельду, он жалел об этом.

Для молодых женщин, не желавших годами дожидаться замужества, подмастерья были неподходящей парой. Но все же Мерфин ухлестывал за несколькими кингсбриджскими девицами. Кейт Браун настолько в него влюбилась, что однажды, год назад, теплым летним днем в плодовом саду своего отца позволила ему все. Потом ее отец внезапно умер, и вдова с детьми

перебралась в Портсмут. Это был единственный раз, когда Мерфин возлегал с женщиной. Он что, спятил, раз отверг Гризельду?

Юноша старался убедить себя, что сумел избежать неприятностей. Гризельда всегда строила козни, и он по-настоящему ей никогда не нравился. Надо гордиться тем, что он преодолел искушение. Не пошел на поводу у своего тела, как тупое животное, а принял решение, как подобает человеку.

Тут Гризельда зарыдала.

Она плакала негромко, но слышно было хорошо. Мерфин поплелся к задней двери. Как во всех городских домах, на заднем дворе Элфрика имелся длинный и узкий участок земли с отхожим местом и мусорной кучей. Большинство хозяев держали там цыплят и свиней, выращивали овощи и фрукты, но Элфрик завалил двор поленьями и камнями, мотками веревки, корзинами, тачками и обломками приставных лестниц. Юноша смотрел, как струи дождя заливают все это барахло, и невольно прислушивался к рыданиям Гризельды.

Он решил уйти и подошел было к двери, но сообразил, что ему некуда податься. У Керис дома только Петранилла, которая ему явно не обрадуется. Пойти к родителям? Нет, уж их-то он сейчас хотел увидеть в последнюю очередь. Можно было бы потолковать с братом, но Ральф вернется в Кингсбридж лишь через несколько дней. Кроме того, нельзя выходить на улицу без плаща – и вовсе не из-за дождя, Мерфин отнюдь не боялся намокнуть, – но из-за выпуклости в штанах, которая никак не опадала.

Он попытался думать о Керис. Та сейчас потягивает вино и ест жареное мясо с пшеничным хлебом. Интересно, во что она одета. Ее лучшее платье было бледно-красного цвета и имело квадратный вырез, открывавший нежную белую шейку. Плач Гризельды не позволял сосредоточиться на этих мыслях. Хотелось утешить девушку, сказать, как ему жаль, что из-за него она почувствовала себя брошенной, объяснить, что она красивая, просто они друг другу не подходят.

Мерфин сел, потом опять встал. Как больно слышать женский плач. Он больше не мог думать о строительных лесах, пока рыдания заполняют дом. Ни уйти, ни остаться, ни усидеть...

Он поднялся по лестнице.

Гризельда лежала лицом вниз на соломенном тюфяке, служившем ей постелью. Платье на круглых бедрах задралось, кожа на тыльной поверхности бедер была очень белой и мягкой на вид.

– Прости.

– Убирайся.

– Не плачь.

– Я тебя ненавижу.

Он встал на колени и погладил девушку по спине.

– Не могу сидеть на кухне и слушать, как ты плачешь.

Гризельда перевернулась и уставилась на него. Ее лицо было мокрым от слез.

– Я страшная и толстая, и ты меня ненавидишь.

– Ерунда. Не придумывай то, чего нет.

Мерфин вытер ее мокрые щеки тыльной стороной ладони.

Она схватила его за запястье и потянула к себе.

– Правда?

– Правда. Но...

Гризельда обхватила ладонью его голову, притянула к себе и поцеловала. Мерфин застонал, ощущая возбуждение острее прежнего, и лег рядом с девушкой на тюфяк. «Сейчас встану и уйду, – твердил он себе, – вот прямо сейчас утешу ее, а затем встану и спущусь по лестнице».

Девушка положила его руку себе под подол, между ног. Он ощутил колючие волоски, нежную кожу и влажную щель – и понял, что погиб. Неловко приласкал ее, завел палец внутрь. Ему казалось, что он сейчас лопнет.

– Я не могу остановиться.

– Быстрее, – тяжело дыша, проговорила Гризельда, стащила с него рубашку, стянула вниз подштанники, и он взобрался на нее.

Когда она направила его член в себя, Мерфин почувствовал, что не в силах больше сдерживаться. Угрызения совести пришли раньше, чем все закончилось.

– Нет, – выдавил он. Извержение началось с первым же движением, и спустя мгновение все закончилось. Он рухнул на Гризельду и зажмурился. – О господи! Лучше бы я умер.

7

Буонавентура Кароли произнес страшные слова за завтраком в понедельник, на следующий день после большого пиршества в здании собрания гильдии.

Керис чувствовала себя не очень хорошо, садясь за дубовый стол в зале отцовского дома. Болела голова, и слегка подташнивало. Она съела немного теплого молока с хлебом, чтобы унять урчание в животе, вспомнила количество выпитого на пиру и подумала, что, наверное, перебрала с вином. Может, это и есть то самое похмелье, на которое жалуются мальчишки и мужчины, когда хвастаются, сколько крепкого употребили?

Отец и Буонавентура ели холодную ягнятину, а Петранилла рассказывала:

– Когда мне было пятнадцать лет, меня помолвили с племянником графа Ширинга. Это посчитали хорошей партией: его отец был захудалым рыцарем, а мой – зажиточным торговцем шерстью. Потом граф и его единственный сын погибли в Шотландии, в битве при Лаудон-Хилле¹⁷. Мой жених Роланд стал графом и расторг нашу помолвку. Он и теперь граф. Выйди я замуж за Роланда до сражения, была бы сегодня графиней Ширинг.

Она отхлебнула эля.

– Может, Господь не попустил. – Буонавентура бросил косточку Скрэп, которая набросилась на добычу столь жадно, будто неделю ничего не ела, и обратился к Эдмунду: – Друг мой, я бы хотел кое-что вам сказать, прежде чем мы займемся повседневными делами.

Керис поняла по тону, что новости окажутся плохими. Отец, должно быть, решил так же.

– Звучит как-то зловеще.

– Наши обороты в последние годы сокращаются, – продолжал Буонавентура. – С каждым годом моя семья продает все меньше сукна, каждый год мы покупаем в Англии все меньше шерсти.

– В торговле всегда так, – ответил Эдмунд. – Вверх, потом вниз, и никто не знает почему.

– Но теперь вмешался ваш король.

Он не преувеличивал. Король Эдуард оценил, сколько денег можно зарабатывать на шерсти, и решил, что львиная доля доходов от этой торговли полагается короне. Он ввел новый налог – фунт за мешок шерсти. Обычный мешок весил триста шестьдесят четыре мерных фунта и продавался в среднем за четыре фунта; дополнительный налог отбирал четверть цены, и это было немало, мягко говоря.

– Хуже того, он распорядился затруднить вывоз шерсти из Англии, – прибавил Кароли. – Мне пришлось изрядно потратиться на подкуп.

– Запрет на вывоз скоро будет снят, – откликнулся Эдмунд. – Торговцы Шерстяной компании Лондона ведут переговоры с королевскими чиновниками...

– Надеюсь, вы правы. Но в нынешних обстоятельствах моя семья полагает, что нет смысла посещать сразу две шерстяные ярмарки в одной части страны.

– Они совершенно правы! Оставайтесь здесь и забудьте про Ширинг.

Город Ширинг располагался от Кингсбриджа в двух днях пути. Он не уступал соседу размерами, не имел ни собора, ни монастыря, зато мог похвастаться замком шерифа и судом графства. Раз в год там проводилась шерстяная ярмарка, которая соперничала с кингсбриджской.

– Боюсь, здесь скудный выбор шерсти. Понимаете, кингсбриджская ярмарка, судя по всему, угасает. Все больше торговцев перебираются в Ширинг. На тамошней ярмарке куда больше разнообразного товара.

¹⁷ По преданию, при этом холме шотландский национальный герой Уильям Уоллес в 1296 г. разгромил отряд англичан, а в 1307 г. почти на том же самом месте Роберт Брюс нанес англичанам новое поражение и вынудил их бежать.

Керис расстроилась, поскольку понимала, что для отца такой исход может стать гибельным.

– А почему торговцы предпочитают Ширинг? – спросила девушка.

Буонавентура пожал плечами.

– Тамошняя торговая гильдия благоустроила ярмарку. Теперь нет очередей на въезд перед городскими воротами, можно брать займы лотки и палатки, есть здание, где можно торговать, когда идет дождь, как сейчас...

– Мы тоже можем все это обеспечить, – сказала Керис.

Отец фыркнул.

– Если бы.

– Почему нет, папа?

– Ширинг – независимый борю с королевской хартией. Их торговая гильдия обладает властью действовать на благо суконщиков, удовлетворять нужды. А Кингсбридж принадлежит аббатству...

– Во славу Божью, – вставила Петранилла.

– Разумеется, – отозвался Эдмунд. – Наша приходская гильдия ничего не может сделать без разрешения аббатства, а настоятели обычно осторожничают и бережливы до скупости. Мой брат отнюдь не исключение. В итоге едва ли не любые предложения отвергаются.

Буонавентура продолжил:

– Ради многолетних связей моей семьи с вами, Эдмунд, а до вас с вашим отцом, мы приезжали в Кингсбридж, но в трудные времена мы не можем позволить себе жить чувствами.

– Ради этих многолетних связей позвольте попросить вас о небольшом одолжении, – ответил Эдмунд. – Повремените с окончательным решением. Не идите на поводу у предубеждений.

«Умно», – подумала Керис. Девушка не уставала поражаться тому, как ловко отец ведет переговоры. Эдмунд не стал спорить с Кароли, не пытался уговорить того передумать, иначе флорентиец наверняка бы уперся. На предложение не принимать окончательного решения согласиться куда проще. Это согласие никого ни к чему не обязывает, но оставляет толику надежды.

Буонавентура не устоял.

– Хорошо, но каков ваш интерес?

– Я хочу попытаться благоустроить нашу ярмарку, прежде всего мост. Если нам удастся превзойти Ширинг удобствами, привлечь больше торговцев, вы ведь не уедете отсюда, не так ли?

– Разумеется.

– Тогда вот что. – Эдмунд встал. – Я иду к брату. Керис, пойдем со мной. Мы покажем ему очередь на мосту. Хотя погодите. Дочка, приведи-ка того юного умника Мерфина. Нам может пригодиться его опыт.

– Он может быть занят.

– Так скажи мастеру, что это просьба олдермена приходской гильдии, – бросила Петранилла.

Тетка гордилась тем, что ее брата выбрали олдерменом, и напоминала об этом при любой возможности.

Но она была права: Элфрику придется отпустить Мерфина.

– Уже иду.

Керис закуталась в накидку с капюшоном и вышла наружу. По-прежнему лил дождь, пусть и не такой сильный, как вчера. Элфрик, подобно большинству видных горожан, жил на главной улице, что тянулась от моста к воротам аббатства. Широкая улица была запружена повозками и людьми, которые направлялись на ярмарку, шлепая по лужам под струями дождя.

Как обычно, девушке самой хотелось повидать Мерфина. Он нравился ей с того Дня Всех Святых десять лет назад, когда явился на стрельбище с самодельным луком. Он был умным и веселым, знал, как знала и она, что мир намного больше и диковиннее, чем могло себе представить большинство обитателей Кингсбриджа. А полгода назад они с Мерфином открыли для себя, что есть особая прелесть в том, чтобы быть не просто друзьями.

Керис целовалась с мальчиками до Мерфина, пускай нечасто, но прежде толком не понимала, что в этом такого. С ним же все было иначе: восхитительно, возбуждающе. В нем бурлило озорство, и оттого все, что бы он ни делал, выходило как бы с душком. Ей нравилось, когда он прикасался к ее телу. Хотелось даже большего, но об этом она старалась не думать. «Большее» означало замужество, а жена должна подчиняться мужу, своему господину; эта мысль была Керис ненавистна. К счастью, никакой необходимости принимать решение немедленно не было, поскольку Мерфин не мог жениться, пока не закончится срок ученичества. То есть впереди было полгода.

Девушка достигла дома Элфрика и зашла внутрь. Ее сестра Элис сидела за столом в передней вместе с приемной дочерью Гризельдой и ела хлеб с медом. Элис сильно изменилась за три года замужества. Сызмальства склонная к властности, как Петранилла, под влиянием мужа она сделалась подозрительной, злопамятной и скупой.

Впрочем, сегодня она была настроена довольно благодушно.

– Садись, сестра. Отведай свежего утреннего хлеба.

– Мне некогда. Я ищу Мерфина.

Элис неодобрительно качнула головой.

– В такую рань?

– Он нужен отцу.

Керис прошла к задней двери и выглянула во двор. Потоки дождя заливали груды строительного мусора. Один из работников Элфрика складывал в тачку мокрые камни. Мерфина не было видно. Керис вернулась в комнату.

– Наверное, он в соборе, – предположила Элис. – С дверью возится.

Действительно, Мерфин что-то такое говорил. Сгнила створка северных ворот, и юноше поручили изготовить новую.

Гризельда добавила:

– Вырезает дев. – Она ухмыльнулась и сунула в рот кусок хлеба, намазанный медом.

Это Керис тоже знала. Старую дверь украшала резьба, живописавшая притчу Иисуса о мудрых и неразумных девах, рассказанную на Елеонской горе¹⁸. Мерфин согласился вырезать фигурки заново. Однако в ухмылке Гризельды было что-то неприятное, словно она потешалась над Керис – мол, ты, оказывается, до сих пор девственница.

– Схожу в собор. – Девушка кивнула, прощаясь, и вышла.

Она поднялась по главной улице в направлении храма. Когда проходила сквозь ряды ярмарочных лотков, ей почудилось в этой картине некое ощущение упадка и запустения. Может, виной всему те слова Буонавентуры? Нет, они тут ни при чем. Просто в детстве, насколько ей помнилось, шерстяные ярмарки были куда многолюднее и пестрее. Тогда монастырские уголья были меньше и не могли вместить ярмарку, поэтому окрестные городские улицы загромождали самовольно расставленные лотки, зачастую просто-напросто маленькие столики со всякими безделушками, а вокруг сновали разносчики с подносами, жонглеры, предсказатели, музыканты и странствующие монахи, призывавшие грешников к покаянию. Сейчас же казалось, что на ярмарке вполне поместились бы лишние лотки. Буонавентура прав, ярмарка умирает. Один торговец пристально посмотрел на нее, и девушка сообразила, что, должно быть, думает вслух. Вредная привычка: еще решат, будто она разговаривает с духами.

¹⁸ Мф. 25:1–13.

Керис пыталась отучить себя от этой повадки, но порою забывалась, особенно когда сильно о чем-то беспокоилась.

Она обошла собор и вступила под своды северного входа.

Мерфин трудился в обширном привратном пространстве, где часто назначали встречи. Дверь стояла в крепкой деревянной раме, которая не давала ей упасть и позволяла юноше работать в удобном положении. Позади, в дверном косяке, виднелась старая дверь, потрескавшаяся и ветхая. Мерфин стоял спиной к улице, так чтобы дневной свет освещал резьбу. Он не мог видеть Керис или различить ее шаги из-за шума дождя, поэтому девушка некоторое время беспрепятственно разглядывала своего друга.

Ростом невысок, чуть выше ее самой. Голова крупная, как положено умному человеку, тело гибкое, жилистое. Тонкие пальцы ловко скользили по резьбе, острый нож снимал завитки деревянной стружки. Кожа белая, густые рыжие волосы вечно встрепаны. «Не сказать, чтобы красавец», – скривилась Элис, когда Керис призналась, что влюбилась в Мерфина. Юноша и вправду не обладал смазливостью своего брата Ральфа, но Керис считала, что у него удивительное лицо: неправильное, необычное, мудрое и смешливое – прямо как он сам.

– Привет! – Мерфин подпрыгнул от неожиданности, и девушка рассмеялась: – С каких это пор ты такой пугливый?

– Ты застала меня врасплох. – Юноша помедлил, затем поцеловал ее, но как-то неловко. Подобное случалось, когда он с головой уходил в работу.

Керис бросила взгляд на резьбу. На двери представляли девы, по пять с каждой стороны: мудрые веселились на брачном пиру, юродивые томились снаружи, перевернув светильники, дабы показать, что те пусты. Мерфин воспроизвел украшение старой двери, но дерзнул внести кое-какие изменения. Девы стояли в два ряда – пять с одной стороны и пять с другой, как арки в соборе, но теперь они отличались друг от друга. Юноша придал им особые черты. Одна пленяла красотой, другая как бы потряхивала кудрявыми волосами, третья плакала, четвертая озорно подмигивала. Словно он наделил их жизнью, и старая резьба в сравнении с новой выглядела застывшей и омертвелой.

– Как здорово! – воскликнула Керис. – Вот только что скажут монахи?

– Брату Томасу нравится, – ответил Мерфин.

– А приору Антонию?

– Он еще не видел, но примет он работу: не платить же дважды.

«Точно», – подумала девушка. Дядюшка Антоний отличался осторожностью и рачительностью. Стоило подумать о приоре, как Керис вспомнила, зачем, собственно, пришла.

– Отец просит тебя подойти к мосту. Приор тоже там будет.

– Он не сказал зачем?

– По-моему, он хочет убедить Антония построить новый мост.

Мерфин сложил инструменты в кожаную сумку и быстро смел с пола опилки и стружку. Вдвоем с Керис они под дождем направились по главной улице к деревянному мосту. Керис рассказала о разговоре с Буонавентурой за завтраком. Мерфин согласился, что ярмарки последних лет не такие шумные и многолюдные, как бывало в их детстве.

Впрочем, разрешения въехать в Кингсбридж все равно дожидалась длинная очередь из людей и повозок. У городского конца моста имелась сторожка, где сидел монах, взимавший по пенни с каждого торговца, что являлся в город с товарами на продажу. Мост был узким, миновать очередь было невозможно, а потому даже тем, кого освободили от уплаты мостовщины – прежде всего городским жителям, – тоже приходилось ждать. Вдобавок кое-где доски полотна просели и расщепились, вследствие чего повозки двигались через реку крайне медленно. Сегодня очередь растянулась по дороге между лачугами предместья и затерялась за пеленой дождя.

Помимо всего прочего мост оказался слишком коротким. Когда-то он, несомненно, обоими концами выходил на сушу, но то ли река стала шире, то ли, что скорее, повозки и людские ноги за десятилетия и столетия разбили берег, так что теперь приходилось брести к мосту и сходить с него в липкую грязь.

Керис заметила, что Мерфин изучает конструкцию моста. Она знала этот его взгляд: он размышлял о том, почему мост не падает. Девушка часто подмечала, как Мерфин пристально смотрит на что-то, будь то какая-то часть собора, незнакомый дом или творение Божье: скажем, терновник в цвету или парящий в небе ястреб. В такие мгновения юноша замолкал, его острый взор устремлялся в никуда, будто он всматривался во мрак, пытаясь разгадать, что там таится. Если она спрашивала, куда он смотрит, он отвечал, что старается постичь суть вещей.

Проследив теперь его взгляд, Керис попробовала догадаться, что именно заинтересовало Мерфина в конструкции старого моста. Тот имел шестьдесят ярдов в длину, моста длиннее девушка еще не видала. Настил подпирала два ряда могучих дубовых быков, похожих на колонны, что выстроились по обе стороны главного нефа собора. Из пяти пар опор береговые устои на отмелях были довольно короткими, а три пары основных быков взмывали на пятнадцать футов над уровнем воды.

Каждая опора состояла из четырех скрепленных вместе бревен, которые обжимал каркас из деревянных реек. По преданию, для этих трех пар быков король подарил Кингсбриджскому аббатству двадцать четыре лучших английских дуба. Между собой опоры соединялись положенными в два ряда балками. Более короткие бревна лежали поперек, образуя настил, а сверху на них настелили продольные доски – полотно моста. По обе стороны вдоль полотна тянулись деревянные поручни – мнимая преграда от падения в реку. Раз в несколько лет какой-нибудь пьяный крестьянин сваливался с моста на повозке и тонул вместе с лошадыо.

– Что ты там рассматриваешь? – спросила Керис.

– Трещины.

– Я не вижу никаких трещин.

– Балки по обе стороны основного быка потрескались. Недаром Элфрик укрепил их железными скобами.

Теперь и Керис заметила плоские металлические крепы, прибитые поверх трещин.

– Ну и что?

– Я не понимаю, отчего появились трещины.

– А это важно?

– Конечно.

Мерфин был не особенно разговорчив этим утром. Девушка хотела было узнать, что стряслось, но не успела.

– Твой отец идет, – сказал Мерфин.

Керис обернулась к улице. Два брата являли собой странную картину. Высокий Антоний, безгловливо подобрав полы облачения, старательно обходил лужи, его бледное лицо человека, непривычного к нахождению вне стен дома, искажала гримаса отвращения. Эдмунд, старший по возрасту, но более крепкий на вид, краснолицый и с длинной косматой седой бородой, шагал по грязи, приволакивая увечную ногу, что-то настойчиво внушал приору и оживленно жестикулировал. Глядя на отца издали, как смотрел бы незнакомец, Керис всегда остро ощущала, как она его любит.

Подойдя к мосту, братья не подумали оборвать спор.

– Ты только посмотри на эту очередь! – воскликнул Эдмунд. – Сотни людей до сих пор не попали на ярмарку и не торгуют на ней! Уверяю тебя, половина из них найдет продавцов и покупателей прямо в очереди, они совершат сделку и отправятся домой, даже не въехав в город!

– Это запрещено законом, – возмутился Антоний.

– Пойди и скажи это им, если сможешь перейти мост. Только ты не сможешь, он слишком узкий! Послушай, Антоний, если флорентийцы уедут, ярмарка умрет. Наше с тобою благосостояние зависит от этой ярмарки. Нельзя допустить, чтобы она совсем захирела!

– Мы не можем заставить Буонавентуру приезжать сюда.

– Зато можем сделать нашу ярмарку привлекательнее ширингской. Нужно объявить о намерениях прямо сейчас, на этой неделе, убедить всех, что наша шерстяная ярмарка жива. Нужно сказать, что мы снесем этот старый мост и построим новый, в два раза шире. – Эдмунд резко повернулся к Мерфину: – Сколько времени понадобится на строительство, паренек?

Мерфин слегка смутился, но ответил:

– Труднее всего будет найти дерево. Нужны очень длинные стволы, хорошо просушенные. Дальше начнется установка быков на дне реки. Это не так-то просто, потому что работать придется в проточной воде. Потом плотницкие работы. Может быть, к Рождеству справимся.

– Ты ведь не можешь обещать, что Кароли изменят свое решение, если мы построим новый мост, – заметил Антоний.

– Они изменят, – с силой сказал Эдмунд. – Это я обещаю.

– Все равно не могу помочь, у меня нет денег.

– Ты не можешь не построить мост! – крикнул суконщик. – Иначе разоришься сам и погубишь весь город.

– Хватит споров, брат. Я даже не знаю, где найти средства для восстановительных работ в южном приделе.

– Так что же ты собираешься делать?

– Положусь на Господа.

– Пожинает плоды тот, кто полагается на Господа и сеет. А ты не сеешь.

Антоний явно разозлился.

– Я знаю, тебе трудно это понять, Эдмунд, но Кингсбриджское аббатство не купеческая лавка. Мы славим Бога, а не зарабатываем деньги.

– Тебе недолго останется славить Бога, если кушать будет нечего.

– Господь не попустит.

Красное лицо олдермена побагровело от гнева, сделалось даже отчасти лиловым.

– Когда ты был маленьким, дело нашего отца кормило тебя и одевало, обеспечивало средствами на учебу. Когда ты подался в монахи, твоими кормильцами стали жители этого города и окрестные крестьяне, которые несут повинности, платят десятину, налоги на рыночные лотки, мостовщину и невесть еще какие подати. Всю жизнь ты жил, как блоха, на спинах тружеников. А теперь у тебя хватает духу говорить нам, что Господь все устроит.

– Не забывайся, брат, ты близок к святотатству.

– Это ты не забывай, что я знаю тебя с рождения, Антоний. Ты всегда обладал особым даром увливать от труда. – Эдмунд, столь часто срывавшийся на крик, теперь говорил очень тихо. Керис знала: это верный знак того, что отец в бешенстве. – Когда требовалось выгребать отхожее место, ты шел спать, чтобы отдохнуть перед учебой. Дар нашего отца Богу! У тебя всегда было все лучшее, хоть ты и пальцем не пошевелил ради этого. Сытная еда, теплая комната, лучшая одежда – я был единственным мальчишкой, который донашивал вещи младшего брата!

– А ты до сих пор мне этого не простил.

Керис увидела долгожданную возможность остановить ссору.

– Послушайте, наверняка же есть какое-то решение. – Оба брата уставились на нее, пораженные тем, что она позволила себе их перебить. – Скажем, мост могут построить горожане.

– Глупость какая, – отозвался Антоний. – Город принадлежит аббатству. Слуга не благоустривает дом хозяина.

– Но если они попросят вашего разрешения, у вас нет причин отказать.

Приор возразил не сразу, и Керис было воспрянула духом, но Эдмунд покачал головой.

– Не думаю, что смогу убедить горожан вложить деньги. В конечном счете новый мост, конечно, в их интересах, но люди очень неохотно думают наперед, когда им предлагают расстаться с деньгами.

– Ага! – вскричал Антоний. – А меня-то ты призываешь думать наперед.

– Ты ведь у нас имеешь дело с вечной жизнью. Как никто другой, ты обязан уметь смотреть не только на неделю вперед. Кроме того, с каждого, кто пересекает мост, аббатство получает пенни. Ты вернешь свои деньги, а когда ярмарка оживет, даже получишь прибыль.

– Дядя Антоний ведает духовными делами, поэтому, наверное, считает, что это не его дело, – вставила Керис.

– Но он хозяин города! – отрезал Эдмунд. – Только он может это сделать! – Тут суконщик спохватился, сообразив, что дочь не стала бы возражать ему без причины. – А ты, собственно, что задумала?

– Допустим, горожане оплатят строительство моста, а мостовщина пойдет на оплату займа?

Олдермен открыл рот, но не нашел, что ответить.

Керис посмотрела на Антония.

– Когда аббатство возникло, – изрек приор, – единственным источником его доходов был мост. Я не могу отказаться от этих денег.

– Но подумайте, сколько вы получите, если шерстяная ярмарка и воскресный рынок начнут возрождаться! Это ведь не только мостовщина, но и налоги с лотков, и доля с каждой сделки, заключенной на ярмарке, и пожертвования собору.

– А еще продажа твоих же товаров – шерсти, зерна, кожи, книг, статуй святых... – добавил Эдмунд.

– Ты все подстроил! – Антоний устремил обвиняющий перст в сторону брата. – Ты подучил дочь, что нужно говорить, и вон того парня уболтал. Сам он ни за что не выдумал бы такую хитрость, а твоя дочь всего лишь женщина. Да, это твоих рук дело. Обычный заговор, чтобы лишить меня мостовщины. Что ж, он провалился. Слава богу, я не дурак!

Приор развернулся и пошлепал прочь по грязи.

– Не понимаю, как мой отец мог породить на свет такого безмозглого упрямца. – С этими словами Эдмунд тоже заковылял прочь.

Керис повернулась к Мерфину:

– Что скажешь?

– Не знаю. – Юноша усердно прятал глаза. – Пожалуй, пойду работать.

Он ушел, не поцеловав ее на прощание.

– Ну и ну, – проговорила Керис, когда юноша уже не мог ее услышать. – Что с ним такое?

8

Граф Ширинг приехал в Кингсбридж во вторник ярмарочной недели. Его сопровождали сыновья, другие родичи и свита из рыцарей и оруженосцев-сквайров. Высланные вперед люди заблаговременно расчистили подступы к мосту, и уже за час до прибытия графа мост перекрыли, чтобы Ширингу не пришлось ронять достоинство, дожидаясь права пересечь реку вместе с простолюдинами. Свита носила черно-красные цвета и проскакала через город под развевающимися знаменами, а из-под лошадиных копыт на горожан летела вода и грязь. Граф Роланд сильно преуспел за последние десять лет: при королеве Изабелле и ее сыне Эдуарде III – и он хотел, чтобы все об этом знали, как свойственно сильным мира сего.

В свите графа был и Ральф, отпрыск сэра Джеральда и брат Мерфина. Когда Мерфин подался в подмастерья к отцу Элфрика, Ральф сделался сквайром при графе Роланде и с тех самых пор радовался жизни. Его кормили и одевали, учили ездить верхом и драться на мечах, он много времени проводил на охоте, за играми и развлечениями. За шесть с половиной лет никто ни разу не попросил его что-либо прочитать или написать хотя бы словечко. Следуя за графом мимо скученных лотков шерстяной ярмарки, ловя одновременно завистливые и испуганные взгляды горожан, он жалел торговцев, которым приходилось возиться в грязи ради каких-то жалких пенни.

Граф спешил к дому приора, с северной стороны собора. Его младший сын Ричард тоже соскочил с коня. Ричард был епископом Кингсбриджа, и вообще-то собор являлся его храмом, однако епископский дворец находился в графском городе Ширинг, в двух днях пути от Кингсбриджа. Это вполне устраивало епископа, чьи обязанности были не только религиозными, но и политическими, да и монахи ничуть не возражали, довольные тем, что за ними надзирают не слишком строго.

Ричарду исполнилось всего двадцать восемь лет, но его отец был близок к королю, так что возраст епископа не имел никакого значения.

Остальная свита направилась к южной части соборного двора. Старший сын графа Уильям, лорд Кастер, велел сквайрам поставить лошадей на конюшню, а с полдюжины рыцарей разместились в госпитале. Ральф поспешил помочь сойти с лошади жене Уильяма, леди Филиппе. Он пестовал в сердце безнадежную любовь к этой высокой красивой женщине с длинными ногами и пышной грудью.

Когда о лошадях позаботились, Ральф отправился навестить отца с матерью. Те проживали на иждивении монастыря в наемном домике у реки в юго-западной части города, где постоянно витала вонь дубилен. Подходя к дому, Ральф вдруг понял, что ежится от стыда под красно-черным нарядом. Хорошо, что леди Филиппа не видит, как низко пали его родители.

Он не навещал родителей с год и теперь сразу заметил, как они постарели. Материнские волосы серебрились обильной сединой, а отец постепенно терял зрение. Ральфа угостили монастырским сидром и земляникой, которую мать сама собрала в лесу. Отец пришел в восторг от ливрейных цветов.

– Граф еще не сделал тебя рыцарем? – нетерпеливо спросил он.

Каждый сквайр стремился стать рыцарем, но Ральф жаждал этого повышения особенно сильно. Отец не смирился с унижением десятилетней давности, когда обстоятельства вынудили его согласиться на иждивение монахов. В тот день в сердце Ральфа словно вошла заноза, и боль не утихнет до тех пор, пока он не восстановит семейную честь. Впрочем, не все сквайры становились рыцарями, и тем не менее, отец всегда рассуждал так, будто для Ральфа рыцарство было лишь вопросом времени.

– Пока нет, – ответил Ральф. – Но, похоже, мы скоро двинемся воевать с французами, и будет повод себя проявить. – Он старался говорить небрежно, чтобы родители не догадались, сколь отчаянно он мечтает отличиться в сражении.

Мать пришла в ужас.

– Почему короли всегда воюют?

Отец засмеялся.

– Мужчины созданы для битв.

– Неправда, – резко ответила леди Мод. – Я в муках рожала Ральфа вовсе не для того, чтобы он сложил голову под французским мечом или пал от арбалетного болта в сердце.

Отец пренебрежительно махнул рукой и спросил у сына:

– Почему ты считаешь, что будет война?

– Король Филипп Французский отнял Гасконь.

– Вот оно что. Этого мы, конечно, потерпеть не можем.

Английские короли на протяжении нескольких поколений правили областью Гасконь на западе Франции. Они даровали торговые привилегии купцам Бордо и Байонны, и те вели дела не столько с Парижем, сколько с Лондоном. Но все равно в тех краях было беспокойно.

Ральф прибавил:

– Король Эдуард отправил посольство во Фландрию, желая заключить союз.

– Союзники могут захотеть денег.

– Потому-то граф Роланд и приехал в Кингсбридж. Король хочет взять в долг у наших купцов.

– Сколько?

– Поговаривают о двухстах тысячах фунтов со всей страны, в счет будущих налогов на шерсть.

Мать ровно произнесла:

– Как бы король своими налогами не уморил торговцев шерстью до смерти.

– У торгашей куча денег, – возразил отец. – Только погляди на их наряды.

В голосе сэра Джеральда сквозила горечь. Ральф обратил внимание, что сам рыцарь одет в поношенную полотняную рубаху, а обут в старые башмаки.

– В любом случае, им нужно, чтобы французский флот перестал мешать торговле.

Весь прошлый год французские корабли устраивали набеги на южное побережье Англии: грабили порты и сжигали суда в гаванях.

– Французы нападают на нас, мы нападаем на них, – проговорила мать. – Ради чего?

– Женщинам этого не понять! – бросил рыцарь.

– Чистая правда, – едко отозвалась леди Мод.

Ральф сменил тему:

– Как там мой брат?

– Стал хорошим ремесленником, – ответил отец.

Ральфу подумалось, что таким тоном барышник убеждает, будто малорослый пони – как раз то, что нужно женщине.

Мать добавила:

– Он положил глаз на дочь Эдмунда-суконщика.

– На Керис? – Ральф улыбнулся. – Да, она всегда ему нравилась. Детьми мы играли вместе. Она всегда норовила командовать и глазки строила, а Мерфин ей вечно потакал. Он собирается жениться?

– Думаю, да, – ответила Мод. – Когда закончится срок ученичества.

– Ну, нахлебается. – Ральф встал. – Где он сейчас?

– Работает в северной части собора, – ответил отец. – Хотя время обеденное...

– Я поищу его.

Ральф расцеловал родителей и вышел.

Он вернулся в аббатство и прошелся по ярмарке. Дождь прекратился, сквозь тучи пробивалось солнце, лужи посверкивали бликами, от мокрых навесов поднимался пар. Сквайр углядел знакомый профиль, и ровное биение его сердца на мгновение прервалось. Прямой нос и сильный подбородок леди Филиппы он узнал бы всегда и везде. Она была старше Ральфа – по его догадкам, лет двадцати пяти. Супруга лорда стояла у лотка с мерами итальянского шелка, и Ральф позволил себе насладиться видом ее округлых бедер, обтянутых легким летним платьем, потом отвесил чрезмерно вычурный поклон.

Филиппа покосилась на него и слегка кивнула.

– Красивая ткань, – выдавил он, пытаясь завязать разговор.

– Да, красивая.

В это мгновение появился невысокий юноша с нечесаными волосами цвета моркови – Мерфин. Ральф страшно ему обрадовался.

– Это мой умный старший брат, – представил сквайр.

Мерфин сказал леди Филиппе:

– Купите бледно-зеленый. Он подходит к вашим глазам.

Сквайр моргнул. Мерфину не следовало столь вольно обращаться к леди.

Однако Филиппа, кажется, не оскорбилась, хотя в ее голосе прозвучал мягкий упрек:

– Если мне понадобится мнение мальчика, я спрошу своего сына.

Но свои слова она сопроводила улыбкой, которую вполне можно было счесть почти игривой.

– Это же леди Филиппа, дурак! – укорил Ральф. – Прошу прощения за дерзость брата, миледи.

– Как зовут твоего брата?

– Я Мерфин Фицджеральд¹⁹. К вашим услугам в любое время, когда потребуется совет насчет шелка.

Ральф схватил брата за руку и поволок прочь, пока Мерфин не ляпнул еще какую-нибудь глупость.

– Не знаю, как тебе это удастся, – проворчал он раздраженно и вместе с тем с завистью. – Шелк подходит к ее глазам, говоришь? Брякни я что-либо подобное, она велела бы меня высечь.

Ральф несколько преувеличивал, но Филиппа и вправду имела склонность карать даже за намеки на дерзость. Сквайр не знал, радоваться или сердиться тому, что леди столь мягко отнеслась к Мерфину.

– Но это же я, – ответил брат. – Мечта любой женщины.

Ральф уловил горечь в его словах и уточнил:

– Что-то не так? С Керис поцапался?

– Я выкинул глупость. Потом расскажу. Пошли погуляем, пока солнце не скрылось.

Ральф заметил лоток, с которого монах с пепельно-белыми волосами продавал сыр.

– Гляди-ка. – Он подошел к лотку: – Выглядит вкусно, брат. Откуда сыр?

– Мы сами делаем его в обители Святого Иоанна-в-Лесу. Это скит Кингсбриджского аббатства. Я тамошний настоятель, меня зовут Савл Белая Голова.

– Прямо слюнки потекли. Обязательно купил бы, но граф не дает сквайрам денег.

Монах отрезал от сырной головы кусок и передал Ральфу.

– Прими бесплатно, во имя Иисуса.

– Спасибо, брат Савл.

¹⁹ В данном случае это не фамилия, а указание на родство по отцовской линии – «сын Джеральда» (от *старофр. fitz*: «сын такого-то» – и имени отца).

Уже отойдя, Ральф усмехнулся:

– Видишь? Это так же просто, как отобрать яблоко у ребенка.

– Ага, и почти так же достойно восхищения, – ответил Мерфин.

– Вот глупец – раздает сыр всем, кому достанет ума сочинить слезливую историю!

– Наверное, считает, что лучше прослыть глупцом, чем отказать в еде голодному.

– Ты сегодня прямо язва. Почему тебе можно дерзить леди, а мне не позволено выпросить у глупого монаха кусок сыра?

Мерфин усмехнулся, удивив Ральфа:

– Прямо как в детстве, а?

– Точно!

Сквайр не знал, злиться на брата или махнуть рукой. Тут к ним подошла красotka с яйцами на подносе: стройная, с маленькой грудью под домотканым платьем, – и Ральфу сразу представилось, что груди у нее белые и круглые, как эти яйца. Он улыбнулся девушке, хотя не собирался ничего покупать.

– Сколько?

– Пенни за дюжину.

– Хорошие?

Девушка кивнула на соседний лоток:

– Вон от тех куриц.

– А петух у курочек был что надо?

Мерфин в притворном отчаянии от выходки брата закатил глаза, но девушка усмехнулась и включилась в игру:

– Еще бы, сэр.

– Значит, курочкам повезло?

– Не знаю.

– Ну конечно, откуда же. Девушки в этом ничего не смыслят.

Ральф окинул торговку оценивающим взглядом: светлые волосы, вздернутый носик, на вид лет восемнадцать.

Девушка хлопнула ресницами.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так.

Ее позвал крестьянин, стоявший у лотка, – несомненно, отец:

– Аннет! Иди сюда.

– Так тебя зовут Аннет, – подхватил Ральф.

Девушка сделала вид, что не слышит отца.

– Кто твой отец?

– Перкин из Уигли.

– Правда? Мой друг Стивен – лорд Уигли. Он тебя не обижает?

– Лорд Стивен справедлив и добр, – ответила девушка как положено.

– Аннет! Ты мне нужна, – вновь позвал отец.

Ральф понимал, почему Перкин зовет дочь. Он, конечно, не против, чтобы графский сквайр женился на Аннет: для девушки это неплохая партия, – но опасается, что сквайр просто позабавится с ней, а потом бросит. Что ж, он прав.

– Не уходи, Аннет из Уигли.

– Не уйду, пока не купите то, что я продаю.

– Что одна, что другой, – проворчал Мерфин.

– Да брось ты яйца, – посоветовал Ральф, – идем со мною. Прогуляемся по бережку.

Между рекой и стеной аббатства тянулся широкий берег, в это время года усеянный полевыми цветами и поросший кустарником, и там часто прогуливались влюбленные парочки.

Но Аннет оказалась не такой уж простушкой.

– Отцу не понравится.

– Да брось ты.

Крестьянину непросто возражать сквайру, особенно если сквайр носит ливрею могущественного графа. Поднять руку на одного из графских слуг означало оскорбить самого вельможу. Перкин, конечно, попытается отговорить дочь от безрассудств, но удерживать силой не станет – это чревато неприятностями.

Но у Перкина нашелся спаситель. Молодой голос произнес:

– Привет, Аннет, все в порядке?

Ральф обернулся на этот голос и увидел перед собою паренька лет шестнадцати, ростом почти с себя, широкоплечего и с крупными кулаками. Этот негаданный избавитель Аннет был воистину хорош обликом, с правильными чертами лица, словно высеченными из камня соборным ваятелем. Густые рыжеватые волосы сочетались с наметками бороды того же оттенка.

Сквайр спросил:

– Ты кто, черт подери?

– Вулфрик из Уигли, сэр. – Юноша был почтителен, но не робок. Он вновь повернулся к Аннет: – Я пришел помочь тебе продавать яйца.

Крепкое плечо юнца вдруг очутилось между Ральфом и Аннет, и Вулфрик недвусмысленно дал понять, что намерен оберегать девушку и оттеснить Ральфа. Вышло довольно дерзко, и Ральф начал злиться.

– Отойди, Вулфрик из Уигли. Тебя сюда не звали.

Вулфрик бесстрастно посмотрел на сквайра.

– Я помолвлен с этой женщиной, сэр. – Опять в его почтительном тоне не сыскалось и тени робости.

– Истинная правда, сэр, они собираются пожениться, – вставил Перкин.

– Не лезь ты ко мне со своими крестьянскими бреднями, – презрительно бросил Ральф, раздосадованный дерзостью простолюдинов. – Плевать я хотел, жена она этому чурбану или нет.

Еще не хватало, чтобы всякая шваль указывала, что ему делать.

– Пойдем, Ральф, – вмешался Мерфин. – Я есть хочу, а Бетти Бакстер вон там торгует горячими пирогами.

– Пирогами? – переспросил брат. – Я больше люблю яйца.

Он взял с подноса Аннет яйцо, с намеком его погладил, затем положил обратно и дотронулся до левой груди девушки. Та была твердой на ощупь и вправду имела форму яйца.

– Что вы делаете? – возмущенно воскликнула Аннет, но даже не подумала отодвинуться.

Ральф легонько сдвинул ее грудь.

– Проверяю товар, который ты продаешь.

– Уберите руки.

– Потерпи, красотка.

В этот миг Вулфрик пихнул сквайра.

Ральфа застали врасплох. Он никак не ожидал, что крестьянин посмеет прикоснуться к нему. Сквайр пошатнулся, оступился и грохнулся наземь. Услышав, как в толпе зрителей кто-то рассмеялся, удивление сквайра сменилось осознанием унижения. Он вскочил вне себя от бешенства.

Меча при нем не было, но на поясе висел длинный кинжал. Однако недостойно нападать с клинком на безоружного крестьянина, этак можно лишиться уважения рыцарей графа и других сквайров. Придется наказать Вулфрика кулаками.

Вышедший из-за прилавка Перкин быстро заговорил:

– Это нелепое недоразумение, сэр, он не хотел, ему очень жаль, уверяю вас...

А вот Аннет ничуть не испугалась: похоже, все происходящее ей очень нравилось, – и воскликнула:

– Ах, мальчишки!

Ральф пропустил эти возгласы мимо ушей. Он сделал шаг навстречу Вулфрику и занес правый кулак. Когда противник вскинул руки, прикрывая лицо, Ральф вонзил левый кулак ему в живот.

Вопреки ожиданиям, мышцы у крестьянского парня оказались крепкими. Правда, Вулфрик все же скрючился, морщась от боли, и обе его руки легли на живот. Правым кулаком Ральф от души врезал крестьянину по лицу, угодив в скулу. Удар отдался болью в пальцах, зато сердцу стало намного приятнее.

К изумлению сквайра, Вулфрик ударил в ответ.

Вместо того чтобы повалиться на землю и замереть в ожидании пинков, крестьянин изо всех сил врезал Ральфу правой рукой. Сквайру почудилось, будто его нос взорвался кровью и болью. Ральф взревел от гнева.

Вулфрик попятился, словно сообразив, что натворил, опустил руки и выставил вперед ладони в просительном жесте.

Но просить пощады было поздно. Ральф обрушил на него град ударов, бил по лицу и телу, удары сыпались один за другим, а Вулфрик лишь неуклюже защищался, то подставляя руку, то пригибая голову. Продолжая колотить крестьянина, Ральф мимолетно подивился, почему тот не убегает: верно, рассчитывал отделаться наказанием сейчас и избежать худшей участи впоследствии. А парень-то с норовом, и оттого Ральф разозлился пуще прежнего и принялся бить крестьянина с удвоенной силой. Его душила ярость и одновременно переполнял восторг.

– Ради бога, хватит! – Мерфин попытался успокоить брата, положил руку ему на плечо, но Ральф отмахнулся.

Наконец руки Вулфрика бессильно обвисли, он зашатался; красивое лицо заливала кровь, глаза заплывали. Когда он упал, Ральф принялся пинать его ногами. Тут объявился коренастый мужчина в кожаных штанах, который властно распорядился:

– Довольно, юный Ральф, не убивай юношу.

Узнав городского констебля Джона, Ральф процедил:

– Он напал на меня!

– Но больше ведь не нападает, не так ли, сэр? Гляньте-ка, он валяется на земле с закрытыми глазами. – Джон встал перед Ральфом. – Я бы на вашем месте обошелся без расследования коронера²⁰.

Вулфрика окружили люди: Перкин, раскрасневшаяся от возбуждения Аннет, леди Филиппа и несколько зевак.

Упоение битвы покинуло Ральфа, нос болел зверски. Дышать он мог только ртом и ощущал привкус крови.

– Эта скотина сломала мне нос, – прогундосил сквайр, и голос у него был как у человека с тяжелой простудой.

– Значит, его накажут, – отозвался констебль.

Подожли двое мужчин, схожих с Вулфриком телосложением. «Отец и старший брат», – догадался Ральф. Бросая сердитые взгляды на сквайра, они помогли Вулфрику встать на ноги.

– Сквайр ударил первым, – заговорил Перкин, толстяк с хитрым лицом.

– Этот крестьянин толкнул меня! – возразил Ральф.

– Сквайр оскорбил невесту Вулфрика.

²⁰ Автор допускает некоторую вольность: первоначально чиновник-коронер занимался не расследованием как таковым, а отстаиванием интересов короны, прежде всего финансовых, в ходе расследования (отсюда, собственно, и название должности, однокоренное со словом «корона»). Функции дознания перешли к коронерам от шерифов значительно позднее.

– Что бы там сквайр ни сказал, Вулфрику следовало подумать, прежде чем поднимать руку на слугу графа Роланда, – рассудил констебль. – Полагаю, граф потребует сурового наказания.

Отец Вулфрика подал голос:

– Скажи-ка, констебль Джон, разве вышел новый указ, что отныне людям в ливреях закон не писан?

Небольшая толпа зрителей, что уже успела собраться, встретила эти слова одобрительным гулом. Молодые сквайры частенько вели себя вызывающе и нередко избегали наказания, поскольку носили цвета какого-нибудь барона, что глубоко оскорбляло законопослушных торговцев и крестьян.

– Я невестка графа и все видела, – вмешалась леди Филиппа. Она говорила негромко, мелодично, но уверенно, как человек, облеченный властью. Ральф ждал, что она его защитит, но вместо того леди сказала: – Мне грустно это признавать, но вина лежит исключительно на Ральфе. Он распускал руки совершенно недопустимым образом.

– Благодарю вас, миледи, – почтительно отозвался констебль Джон, а потом, обращаясь уже только к ней, понизил голос: – Но думаю, графу не понравится, если крестьянский сын избегнет наказания.

Филиппа задумчиво кивнула:

– Пожалуй, нам ни к чему долгое разбирательство. Посадите парня в колодки на двадцать четыре часа: в его возрасте это не повредит, – но все будут знать, что справедливость восторжествовала. Граф останется доволен, ручаюсь вам.

Джон медлил. Ральф видел, что ему не нравится получать приказы от кого-либо, кроме хозяина города, то бишь приора Кингсбриджа, однако решение Филиппы, несомненно, подходило всем заинтересованным сторонам. Сам бы Ральф, конечно, предпочел, чтобы Вулфрика высекли, но подозревал, что выйдет в глазах других вовсе не героем, а если потребует более сурового наказания, может выйти еще хуже.

Наконец Джон произнес:

– Что ж, леди Филиппа, будь по-вашему, если вы берете на себя эту ответственность.

– Беру.

– Хорошо.

Констебль взял Вулфрика за руку и повел прочь. Крестьянин быстро пришел в себя и шагал твердо. За ним двинулись родичи. Пока он будет сидеть в колодках, они наверняка станут носить ему еду и воду и будут отгонять всех, кому захочется над ним потешиться.

Мерфин спросил у Ральфа:

– Ты как?

Сквайру казалось, будто его лицо вспухло, точно переполненный мочевой пузырь. Глаза заплыли, все болело, говорить получалось лишь гундосо.

– Порядок. Лучше не бывает.

– Пошли найдем монаха, пусть осмотрит твой нос.

– Не надо. – Ральф не боялся драк, но терпеть не мог врачебные штучки: все эти кровопускания, банки, вскрытия нарывов. – Мне нужна лишь бутылка крепкого вина. Отведи меня в ближайшую таверну.

– Ладно, – буркнул Мерфин, но не пошевелился, продолжая коситься на брата.

– Что уставился? – спросил тот.

– А ты не меняешься.

Ральф пожал плечами:

– Разве кто-нибудь меняется?

9

«Книга Тимофея» привела Годвина в восторг. История Кингсбриджского аббатства, как большинство подобных книг, начиналась с сотворения Господом земли и неба. Но основное внимание в книге уделялось эпохе приора Филиппа двухсотлетней давности, когда строили собор. Это время нынешние монахи считали золотым веком аббатства. Автор книги, брат Тимофей, утверждал, что легендарный Филипп поддерживал железную дисциплину, однако не был лишен сострадания. Годвин не совсем понимал, как такое может совмещаться в одном человеке.

В среду ярмарочной недели, перед службой шестого часа, во время, отведенное на обучение, Годвин сидел на высоком табурете в монастырской библиотеке; перед ним на подставке лежала открытая «Книга Тимофея». Это было его любимое место в аббатстве, просторное, очень светлое, с высокими окнами и с почти сотней книг в запертом на ключ шкафу. Обычно здесь было тихо, но сегодня снаружи доносился приглушенный гул ярмарки – тысячи людей продавали, покупали, торговались, ссорились, и к этому примешивались выкрики торговцев и ободряющие возгласы любителей петушинных боев и травли медведей.

В конце книги позднейшие авторы прослеживали родословную потомков строителей собора вплоть до нынешнего дня. Годвин с радостью – и искренним удивлением – нашел подтверждение уверениям матери о том, что ее предками были Том Строитель и его дочь Марта. Интересно, какие черты его семья переняла от Тома? Вообще-то каменщикам положено быть ловкими дельцами, и дед Годвина, а также дядя Эдмунд обладали этим качеством. Да и двоюродная сестра Керис тоже, кажется, не промах. Может, Том смотрел на мир такими же зелеными глазами с золотыми пятнышками, как и все они.

Еще Годвин узнал кое-что о пасынке Тома Строителя Джеке, зодчем Кингсбриджского собора, который женился на леди Алине и стал родоначальником династии графов Ширингов. Он был предком возлюбленного Керис Мерфина Фицджеральда. Похоже на правду: молодого Мерфина уже сейчас можно назвать весьма умелым плотником. В «Книге Тимофея» упоминались даже рыжие волосы Джека, которые унаследовали сэр Джеральд и Мерфин. Вот только Ральф подкачал.

Больше всего Годвина заинтересовала глава, где говорилось о женщинах. Судя по всему, во времена приора Филиппа в Кингсбридже не было монахинь. Женщинам строго-настрого запрещалось входить в монастырские постройки. Автор главы, ссылаясь на Филиппа, уверял, что по возможности монаху вообще не следует взирать на женщин, ради его же блага. Филипп не одобрял совместные монастыри, где мужчины обитали бок о бок с женщинами, считал, что преимущества общего ведения хозяйства меркнут в сравнении с возможностями дьявола искушать людей. В подобных монастырях, добавлял он, разделение братьев и сестер должно быть предельно строгим.

Годвина ободряла эта поддержка его собственного, давно сложившегося мнения. В Оксфорде он наслаждался сугубо мужским обществом Кингсбриджского колледжа. Университетскими преподавателями, как и студентами, были мужчины, исключений не существовало. Годвин почти не заговаривал с женщинами вот уже семь лет, а по городу ходил с опущенной головой, избегая даже беглых взглядов на сосуды греха. Но когда он вернулся в аббатство, монахини стали ему досаждать. У них имелся собственный внутренний дворик, трапезная, кухня и другие строения, но Годвин постоянно сталкивался с ними то в храме, то в госпитале, то еще в каких-либо местах общего пользования. Прямо сейчас хорошенькая молодая монахиня по имени Мэйр, сидя всего в нескольких футах от него, справлялась по иллюстрированной книге насчет каких-то лекарственных трав. Хуже того было встречать городских девушек в

обтягивающих одеждах и с завлекательными прическами: они свободно разгуливали по аббатству с разнообразными поручениями, приносили еду на кухню или наведывались в госпиталь.

Конечно, по сравнению с высокими принципами Филиппа аббатство пало. Вот лишнее доказательство того, что при Антонии монастырскую жизнь охватила всеобщая дряблость. «Но, возможно, – думалось Годвину, – ему удастся это исправить».

Прозвонил колокол на службу шестого часа, и ризничий закрыл книгу. Сестра Мэйр, тоже захлопнув свой труд, премило улыбнулась ему алыми губами. Монах отвернулся и торопливо вышел.

Погода налаживалась, и солнце пробивалось из-за туч в промежутках между ливнями. Витражи собора то вспыхивали, когда небо прояснялось, то опять мрачнели, когда небосклон вновь заволакивали тучи. Мысли Годвина тоже металась, отвлекая от молитвы. Ризничий думал о том, как лучше использовать «Книгу Тимофея», чтобы вдохнуть в аббатство новую жизнь. Пожалуй, стоит это обсудить на ежедневном собрании всех монахов.

Строители изрядно потрудились после обрушения в алтарной части в минувшее воскресенье. Мусор убрали, место восстановительных работ отгородили веревками. В трансепт внесли и сложили штабелем тонкие, не слишком увесистые каменные плиты. Работники продолжали трудиться, и когда монахи запели; впрочем, в течение дня в соборе проводилось столько служб, что строители, прерываясь они всякий раз, никогда бы не закончили своих трудов. Мерфин Фицджеральд, временно отложивший резьбу по двери, соорудил в южном приделе сложную конструкцию из веревок, перекладин и опор. Стоя на них, каменщики будут выкладывать новый потолочный свод. Томас Лэнгли, который надзирал за строителями, беседовал в южном трансепте с Элфриком, указывал своей единственной рукой на обрушившийся потолок и, очевидно, обсуждал работу Мерфина.

Из Томаса вышел очень хороший матрикуларий, решительный и не упускавший из виду ни единой мелочи. Когда строители по утрам не являлись вовремя, что случалось нередко, он разыскивал их и выяснял, куда они запропастились. Пожалуй, в вину ему можно было вменить разве что излишнюю самостоятельность: он редко докладывал Годвину о ходе дел или спрашивал мнение ризничего – напротив, вел себя так, будто был сам себе хозяин, а не подчиненный. Годвина грызло неприятное чувство, словно Томас сомневается в его способностях. В свои тридцать четыре Лэнгли был чуть старше Годвина, которому шел тридцать второй год. Возможно, он считал, что Годвину покровительствует Антоний, уступающий напору Петраниллы. Однако иных проявлений непочтительности Томас не допускал. Просто делал по-своему, и все.

На глазах Годвина, который следил за творившимся вокруг, механически бормоча «аминь» в нужных местах службы, беседу Томаса с Элфриком прервали. В собор быстрым шагом вошел Уильям, лорд Кастер, высокий и чернобородый, очень похожий на своего отца и такой же суровый, пусть и поговаривали, что порой его гнев смягчает жена Филиппа. Он подошел к Томасу и взмахом руки прогнал Элфрика. Томас повернулся к Уильяму, и это его движение напомнило Годвину того рыцаря Томаса Лэнгли, что когда-то явился в аббатство, истекая кровью из раны, исцеление которой стоило ему левой руки по самый локоть.

Очень хотелось услышать, о чем говорит лорд Уильям. Тот, подавшись вперед, втолковывал что-то весьма настойчиво, тыкал пальцем, а Томас, очевидно несколько не напуганный, отвечал столь же уверенно. Вдруг ризничему вспомнилось, что точно так же Томас держался десять лет назад, в день своего появления в аббатстве. Тогда он спорил с младшим братом Уильяма Ричардом, в ту пору священником, а ныне епископом Кингсбриджа. Почему-то Годвин вообразил, что и теперь эти двое спорят о том же самом. Оставалось понять, о чем именно. Что общего у монаха с благородным семейством? Может, какая-то тайна, которая за десять лет ничуть не утратила своей важности?

Лорд Уильям тяжелыми шагами вышел из церкви, явно раздосадованный, а Томас вернулся к беседе с Элфриком.

Десять лет назад спор завершился тем, что Лэнгли стал монахом аббатства. Годвин помнил, что Ричард пообещал некое пожертвование монастырю, дабы братия приняла Томаса. С того разговора никогда больше об этом даре речь не заходила. Любопытно, поступил ли онный?

За все время, которое Томас провел среди братии, никто в аббатстве, похоже, не сумел ничего узнать о прошлом Лэнгли. Это было необычно, ведь монахи любили посплетничать. Проживая совместно и малым числом – сейчас их насчитывалось двадцать шесть, – они знали друг о друге почти все. У кого на службе состоял раньше Лэнгли? Где он жил? Большинство рыцарей имели во владении по несколько деревень, с которых получали подати, позволявшие им покупать лошадей, доспехи и оружие. Были ли у Томаса жена и дети? Если да, что с ними случилось? Никто не ведал.

Если забыть о тайнах прошлого, из Томаса вышел отличный монах, благочестивый и трудолюбивый. Казалось, нынешнее существование устраивало его больше, чем жизнь рыцаря. Пускай прежде он творил насилие, в нем было что-то мягкое, женственное, как и во многих других монахах. Он тесно дружил с братом Матиасом, добросердечным монахом на несколько лет моложе. Даже если между собой они предавались содомскому греху, то блюли тайну, и никому в голову не приходило их подозревать.

Ближе к концу службы Годвин, бросив взгляд в глубокий мрак нефа, увидел мать. Петранилла стояла неподвижно, как колонна, и солнечный луч выхватывал из тьмы гордо вскинутую седую голову. Мать пришла одна. Интересно, давно ли она там стоит и наблюдает? Мирян неохотно допускали на службы в будние дни, и Годвин догадывался, что мать явилась повидать его. Эта догадка его обрадовала, но и заставила встревожиться. Он знал, что мать готова ради него на что угодно. Она продала свой дом и стала экономкой в доме брата Эдмунда, чтобы он, Годвин, мог учиться в Оксфорде; когда он вспоминал об этом ее самопожертвовании, на глаза наворачивались слезы благодарности. Но все же в ее присутствии Годвин всегда беспокоился, как если бы сознавал, что его непременно будут обвинять в каких-то прегрешениях.

Когда монахи и монахини потянулись к выходу, Годвин отделился от них и подошел к матери.

– Доброе утро, мама.

Петранилла поцеловала сына в лоб.

– Ты похудел. – От материнской опеки было куда не деться. – Тебе хватает еды?

– Соленой рыбы и каши у нас в достатке.

– Чем ты озабочен? – Она всегда видела сына насквозь.

Годвин рассказал матери о «Книге Тимофея».

– Хочу зачитать братии главу на общем собрании.

– Думаешь, остальные тебя поддержат?

– Теодорик и молодые монахи – несомненно. Многие из них недовольны тем, что постоянно видят вокруг себя женщин. Ведь они уходили от мира в мужское сообщество.

Мать одобрительно кивнула.

– Это выведет тебя в вожаки. Великолепно.

– Кроме того, меня ценят за горячие камни.

– Какие камни?

– Я ввел новые правила на зиму. В студеные ночи перед утреней каждому выдают горячий, завернутый в тряпку камень. Теперь никто не обморозится.

– Очень умно. Но все же убедись в поддержке, прежде чем выступать.

– Конечно. Знаешь, это все в духе того, чему нас учили в Оксфорде.

– А именно?

– Человек слаб, нельзя полагаться на собственный разум. Мы не можем надеяться понять сей мир, нам суждено лишь изумленно взирать на творение Божье. Истинное знание приходит лишь в откровении. Мы не должны подвергать сомнениям принятую догму.

Петранилла смотрела недоверчиво, как и прочие миряне, которым ученые люди пытались объяснить высокую философию.

– В это вот верят епископы и кардиналы?

– Да. Парижский университет запретил труды Аристотеля и Фомы Аквинского как раз потому, что они основаны не столько на вере, сколько на разуме.

– А такие рассуждения помогут тебе войти в милость к вышестоящим?

Лишь это мать и заботило. Она хотела, чтобы ее сын стал приором, затем епископом, архиепископом, даже кардиналом. Годвин хотел того же, но надеялся, что не столь циничен в своих устремлениях.

– Уверен.

– Хорошо. Но я не за тем к тебе пришла. Твоего дядю Эдмунда постиг тяжелый удар. Флорентийцы грозятся перебраться в Ширинг.

Годвин потрясенно ахнул:

– Дядя же разорится.

Впрочем, он пока не понимал, зачем мать пришла с этим известием к нему.

– Эдмунд надеется, что они останутся, если мы благоустроим шерстяную ярмарку, и прежде всего если снесем старый мост и построим новый, шире прежнего.

– Дай угадаю – дядя Антоний отказал?

– Да, но Эдмунд не сдастся.

– Хочешь, чтобы я поговорил с Антонием?

Петранилла покачала головой:

– Его ты не переубедишь. Но если речь об этом пойдет на вашем общем собрании, ты должен поддержать новый мост.

– Пойти против дяди Антония?

– Всякий раз, когда старики будут отвергать дельные предложения, в тебе должны видеть вожака тех, кто ратует за новизну.

Годвин восхищенно улыбнулся.

– Мама, откуда ты столько знаешь про политику?

– Я тебе объясню. – Петранилла отвернулась и уставилась на большую розетку на восточном торце, перенесясь мыслями в прошлое. – Когда мой отец начал торговать с флорентийцами, видные горожане Кингсбриджа решили, что он выскочка. Они задирали носы перед ним и его родными и делали все, чтобы помешать ему осуществить его затею. Моя мать к тому времени умерла, я была подростком, и отец выбрал меня в наперсницы. – Ее лицо, обычно бесстрастное, словно застывшее, исказили горечь и обида; глаза сощурились, губы искривились, щеки горели от перенесенного некогда стыда. – Он понял, что не избавится от пренебрежительного отношения, если не подомнет под себя приходскую гильдию. И вот как мы решили действовать. – Петранилла перевела дыхание, будто вновь собирала силы для длительной войны. – Мы ссорили вожаков между собою, натравливали одну партию на другую, заключали союзы, затем их разрывали, беспощадно топили противников и использовали сторонников, покуда они были нам удобны, а потом бросали. Потребовалось десять лет, но в конце концов отец стал олдерменом гильдии и самым богатым человеком города.

Мать уже рассказывала Годвину о деде, но никогда еще не была столь откровенной.

– Так ты ему помогала, как Керис помогает Эдмунду?

Петранилла криво усмехнулась:

– Верно. Вот только когда Эдмунд перенял дело, мы уже стали видными горожанами. Мы с отцом поднялись на гору, а брату просто осталось спуститься по противоположному склону.

Их беседу прервал Филемон, вошедший в собор из внутреннего двора. Высокий, с костлявой шеей, вышагивавший птичьей походкой, он нес метлу: в обязанности двадцатидвухлетнего служки входила уборка. Филемон казался взволнованным.

– Я искал тебя, брат Годвин.

Петранилла сделала вид, что не замечает его нетерпения.

– Здравствуй, Филемон. Разве тебя еще не сделали монахом?

– Не могу внести необходимое пожертвование, мистрис Петранилла. Я ведь из скромной семьи.

– Но ради благочестивых послушников аббатство не раз отказывалось от пожертвований.

А ты служишь уже много лет, платят тебе или нет.

– Брат Годвин предлагал меня постричь, но некоторые старшие братья были против.

– Карл Слепой ненавидит Филемона, – вставил ризничий, – уж не знаю почему.

Петранилла пообещала:

– Я поговорю с моим братом Антонием. Он должен переубедить Карла. Ты верный друг моему сыну, и я хочу, чтобы ты стал монахом.

– Спасибо, мистрис.

– Ну что ж, ты, похоже, сгораешь от нетерпения сказать Годвину нечто наедине. Ухожу. – Петранилла поцеловала сына. – Не забудь, о чем мы говорили.

– Не забуду, мама.

Годвин испытал облегчение, как если бы грозовая туча прошла мимо, разразившись ливнем над кем-то другим.

Едва Петранилла отошла, Филемон выпалил:

– Епископ Ричард!

Ризничий поднял брови. Филемон умел вызывать чужие секреты.

– Что ты выяснил?

– Он в госпитале, в одной из отдельных комнат наверху, со своей двоюродной сестрой Марджери!

Хорошенькой Марджери было шестнадцать лет. Ее родители – младший брат графа Роланда и сестра графини Марр – умерли, поэтому девочку взял под опеку Ширинг. Теперь он хотел выдать ее замуж за сына графа Монмута. Этот союз существенно укрепил бы положение Роланда как самого влиятельного аристократа юго-западной Англии.

– И что они там делают? – спросил Годвин, догадываясь об ответе.

Служка понизил голос:

– Целуются!

– Откуда ты знаешь?

– Я покажу.

Филемон двинулся к выходу из собора через южный трансепт. Монахи пересекли внутренний дворик мужского монастыря и поднялись по лестнице в dormitorio²¹, скудно обставленное помещение, где в два ряда стояли простые деревянные лежа с соломенными матрацами. Через стену располагались помещения госпиталя. Филемон подошел к широкому комоду, где хранились одеяла, и с усилием его отодвинул. В стене за комодом обнаружился камень, который, оказывается, легко вынимался. «Любопытно, как служка на него наткнулся», – подумал Годвин и прикинул, что Филемон, наверное, что-то прятал в этом укрытии. Стараясь не шуметь, Филемон вынул камень и прошептал:

– Смотрите, скорее!

Годвин помедлил и тихо спросил:

– За кем еще ты подсматривал отсюда?

– За всеми, – ответил Филемон, явно подивившись вопросу.

Годвин предполагал, что ему предстоит увидеть, и заранее расстраивался. Подглядывать за распутным епископом, быть может, вполне обычно для Филемона, но постыдно и ниже

²¹ Общая спальня в монастыре.

достоинства ризничего. Однако любопытство подстегивало. В конце концов он спросил себя, что посоветовала бы мать, и сразу понял, что она велела бы ему смотреть.

Отверстие в стене располагалось чуть ниже уровня глаз. Годвин пригнулся и припал глазом к дыре.

Перед ним открылась одна из гостевых комнат над госпиталем. В углу перед фреской с изображением Распятия стояла скамеечка для молитвы. Еще в комнате имелись два удобных кресла и несколько табуретов. Когда съезжалось много важных гостей, мужчинам отводили одну комнату, женщинам другую, и сейчас Годвин видел именно женскую половину, так как на столике были раскиданы штучки из женского обихода – гребни, ленты, кувшинчики и флакончики с загадочным содержимым.

На полу валялось два соломенных тюфяка. Ричард и Марджери, возившиеся на одном из них, успели зайти куда дальше поцелуев.

Епископ Ричард был привлекательным мужчиной с волнистыми рыжеватыми волосами и правильными чертами лица. Стройная белокожая Марджери значительно уступала ему в возрасте: была почти вдвое моложе. Они лежали на тюфяке в объятиях друг друга. Епископ целовал Марджери и что-то нашептывал ей на ушко. На полных губах девушки играла довольная улыбка. Из-под задранного до неприличия платья торчали красивые длинные белые ноги, рука опытного Ричарда елозила между бедрами девушки. Пусть сам Годвин не имел опыта познания женщин, но откуда-то знал, что делает епископ. Марджери, приоткрыв рот, влюбленными глазами смотрела на Ричарда и тяжело дышала от возбуждения, ее лицо пылало. Возможно, в Годвине говорило предубеждение, однако он сразу почувствовал, что для Ричарда Марджери не более чем игрушка, а девушка мнит епископа любовью всей своей жизни.

Ризничий в ужасе глядел на это непотребство. Ричард пошевелил рукой, и Годвин вдруг узрел треугольник волосков между бедрами Марджери, такой темный в сравнении с белой кожей, точь-в-точь как ее брови. Монах поспешно отвернулся.

– Можно я посмотрю? – попросил Филемон.

Годвин отодвинулся. Это ужасно, но что же теперь делать? И делать ли вообще что-нибудь?

Служка приник к дырке и возбужденно выдохнул:

– Я вижу ее мохнатку. Он ее гладит.

– Брысь оттуда, – велел Годвин. – Мы видели достаточно. Даже слишком.

Филемон помедлил, явно зачарованный зрелищем, затем неохотно отошел и вернул камень на место.

– Мы должны немедленно поведать о прелюбодеянии епископа!

– Заткнись и дай подумать, – шикнул монах.

Послушав Филемона, он наживет себе врагов: самого Ричарда и его могущественного семейства, – а толку не добьется. Но наверняка есть способ обратить увиденное себе на пользу. Годвин попытался рассуждать, как мать. Если разоблачением Ричарда ничего не выиграть, то, может быть, поставить на молчание? Пожалуй, Ричард будет благодарен, если Годвин сохранит его тайну.

Такой ход виделся более предпочтительным. Но прежде епископ должен знать, что Годвин покрывает его грех.

– Идем со мной, – сказал ризничий Филемону.

Служка придвинул комод обратно к стене. «Интересно, слышно ли в соседней комнате, как двигают мебель за стеной, – подумал ризничий. – Вряд ли; во всяком случае Ричард и Марджери настолько увлеклись друг другом, что им не до постороннего шума».

Спустились вниз и снова пересекли двор. В гостевые комнаты вели две лестницы, одна из госпиталя, другая же снаружи, что позволяло важным гостям приходить и уходить, минуя помещения для простолюдинов. Годвин быстро поднялся по наружной лестнице.

Перед комнатой, где миловались Ричард и Марджери, он замедлил шаг и тихо велел Филемону:

– Иди следом. Ничего не предпринимай. Молчи. Уйдешь вместе со мной.

Служка было положил метлу.

– Нет, – возразил Годвин. – Возьми с собой.

– Хорошо.

Монах распахнул дверь и вступил внутрь.

– Нужно хорошенько прибраться в этой комнате, – громко распорядился он. – Вымести все углы... О, простите! Я думал, здесь никого нет.

Время, которое потребовалось Годвину и Филемону, чтобы перейти из dormitorio в госпиталь, любовники потратили даром. Ричард уже взгрозился на Марджери и приподнял свое облачение спереди, стройные ноги девушки высывались по обе стороны от бедер епископа. Истолковать эту сцену превратно было сложно.

Епископ прервал свои поступательные движения и воззрился на Годвина, его лицо выражало одновременно возмущение, испуг и вину. Марджери коротко вскрикнула и тоже со страхом уставилась на вошедших.

Годвин продолжал притворяться.

– Епископ Ричард! – воскликнул он, изображая изумление. У Ричарда не должно остаться никаких сомнений в том, что он опознан. – Но что вы... и Марджери? – Монах будто лишь теперь все понял. – Простите! – Он развернулся и крикнул Филемону: – Пошел отсюда! Прочь!

Служка шустро выбежал из комнаты, стискивая в руках помело.

Годвин двинулся следом, но в дверях не преминул обернуться. Ричард должен как следует его разглядеть. Любовники не пошевелились, не потрудились разорвать греховные объятия, разве что Марджери прикрыла губы ладошкой в столь знакомом жесте застигнутого преступника, а вот на лице епископа отчетливо читалось, что Ричард судорожно прикидывает все за и против. Он порывался что-либо сказать, но никак не мог придумать, что именно. Годвин решил оставить парочку в этом плачевном положении. Сделано все, что нужно.

Он вышел из комнаты – и, не успев закрыть за собою дверь, оцепенел от ужаса. По лестнице поднималась какая-то женщина. Годвин ощутил слабость в ногах. Филиппа, жена старшего сына графа!

Ризничий мгновенно сообразил, что тайна Ричарда перестанет быть тайной, если о ней узнает кто-то еще. Нужно предупредить епископа.

– Леди Филиппа! – громко поздоровался он. – Добро пожаловать в Кингсбриджское аббатство!

Из комнаты послышалось шуршание. Краем глаза Годвин заметил, что Ричард вскочил.

По счастью, Филиппа не сразу прошла внутрь, а остановилась и заговорила с Годвином.

– Вы не могли бы мне помочь? – Оттуда, где она стояла, увидеть происходящее в комнате было невозможно. – Я потеряла браслет. Не очень дорогой, просто резное дерево, но я очень им дорожу.

– Какая жалость, – сочувственно ответил Годвин. – Я велю братьям и сестрам поискать.

– Я не видел, – встрял Филемон.

– Может, он соскользнул у вас с запястья? – спросил монах.

Филиппа нахмурилась.

– Странность в том, я не надевала его с тех пор, как приехала. Поднявшись в комнату, я сняла браслет и положила на стол, а теперь не могу его найти.

– Может, он закатился куда-нибудь в уголок. Филемон поищет. Он убирает в гостевых комнатах.

Филиппа посмотрела на служку.

– Да, я видела тебя, когда уходила, около часа назад. Тебе не попался мой браслет, когда ты подметал?

– Я еще не подметал. Как раз пришла мисс Марджери, и пришлось прерваться.

– Филемон вернулся, чтобы убрать вашу комнату, но мисс Марджери... – Годвин заглянул в комнату, – молится.

Девушка с закрытыми глазами преклонила колени на скамеечке. «Должно быть, – с надеждой подумал Годвин, – молит Небеса даровать ей прощения за грех». Ричард стоял позади Марджери – голова опущена, пальцы стиснуты в кулаки, губы шевелятся в молитве.

Ризничий отступил в сторону, давая Филиппе войти в комнату. Леди с подозрением посмотрела на деверя.

– Здравствуй, Ричард. Ты ведь обычно не молишься по будням.

Епископ приложил палец к губам, призывая к тишине, и указал на Марджери.

Филиппа ничуть не смутилась.

– Марджери может молиться сколько ей угодно, но это женская половина, поэтому, пожалуйста, выйди.

Ричард, ничем не выдав облегчения, вышел и закрыл за собой дверь.

Он очутился лицом к лицу с Годвином. По взгляду епископа было件нятно, что он не знает, как лучше поступить. Быть может, возмутиться: мол, как ты посмел, монах, вломиться в комнату без стука?! – но осознание, что он вел себя наипостыднейшим образом, видимо, мешало ему накинуться на Годвина с обвинениями. С другой стороны, епископу вряд ли подбало молить Годвина о сохранении тайны – ведь тогда он оказался бы в полной власти ризничего. Повисло гнетущее молчание.

Выждав некоторое время, Годвин сказал:

– От меня никто ничего не узнает.

Епископ облегченно вздохнул и перевел взгляд на служку:

– А он?

– Филемон хочет стать монахом. Он постигает добродетель послушания.

– Я у вас в долгу.

– Каждый должен исповедовать свои грехи, не чужие.

– Все же я признателен, брат...

– Годвин, ризничий. Племянник приора Антония. – Ричард должен знать, что перед ним не простой монах, а человек со связями, способный доставить неприятности. Чтобы угроза вышла не столь откровенной, Годвин прибавил: – Много лет назад, прежде чем ваш отец стал графом, моя мать была с ним помолвлена.

– Я слышал об этом.

Годвину хотелось закончить так: «Ваш отец бросил мою мать, как вы наверняка бросите несчастную Марджери». Вместо этого он с вежливой улыбкой произнес:

– Мы могли бы быть братьями.

– Да.

Прозвучал колокол на обед. Этот звон послужил долгожданным поводом разойтись: епископ направился к дому приора Антония, Годвин – в монашескую трапезную, а Филемон – на кухню, где помогал подавать на стол.

В очередной раз пересекая двор, Годвин размышлял. Его огорчила та животная сцена соития, но он чувствовал, что вроде бы поступил правильно. Ричард как будто поверил.

В трапезной Годвин сел за стол рядом с Теодориком, толковым монахом на пару лет моложе. Тот не учился в Оксфорде, а потому смотрел на ризничего снизу вверх, однако Годвин держался с ним как с равным, что несказанно льстило Теодорику.

– Только что прочитал, тебе будет интересно. – Ризничий вкратце поведал брату об отношении досточтимого аббата Филиппа к женщинам вообще и к монахиням в частности. – Ты ведь давно об этом говоришь.

На самом деле Теодорик никогда не высказывался на сей счет, зато всегда соглашался с более образованным товарищем, когда тот жаловался на нерешительность приора Антония.

– Конечно. – У Теодорика были голубые глаза и светлая кожа; сейчас он зарделся от волнения. – Как мы можем очистить помыслы, если нас постоянно отвлекают женщины?

– Но что же нам делать?

– Нужно выступить против настоятеля.

– Ты имеешь в виду, на общем собрании? – спросил Годвин с таким видом, будто эту мысль озвучил именно Теодорик. – Да, отлично! Но поддержат ли нас остальные?

– Молодые – да.

«Молодежь почти всегда готова осудить старших», – подумал ризничий. Впрочем, ему было известно, что многие братья разделяют его стремление к жизни, в которой женщинам нет места – или их хотя бы не видно.

– Если будешь говорить с кем-нибудь до собрания, дай мне знать, как воспримут другие. Теперь воодушевленный Теодорик обойдет всех и будет просить поддержки.

Внесли похлебку из соленой рыбы с бобами, но не успел Годвин дотронуться до еды, как встрял монах в миру²² по имени Мердоу.

Нищенствующие монахи жили среди паствы, а не затворялись в монастырях, и считали, что ведут более праведную жизнь, чем прочие монахи, что жертвовали обетом нестяжания во славу величественных сооружений и крупных земельных владений. Исходно монахи в миру не имели ни собственности, ни даже церквей, но многие из них отказывались от этого идеала, принимая от благочестивых почитателей земли и деньги. Те из них, кто сохранял верность изначальным принципам, жили подаением и спали на полах кухонь. За проповеди на рынках и у таверн им бросали мелкие монеты. При этом они, если припирало, не стеснялись столоваться и ночевать в монастырях, пользуясь радушием обычных монахов. Неудивительно, что их притязания на святость вызывали негодование монастырской братии.

Брат Мердоу выделялся даже среди таких, как он: был толст и грязен, славился скупостью и пристрастием к вину, а еще его нередко видели с гулящими девками, – но будучи проповедником от Бога, легко завладевал вниманием сотен людей, которым красочно излагал свои сомнительные, с богословской точки зрения, помыслы.

Теперь он поднялся, хотя никто его не просил, и начал громко молиться:

– Отче, благослови пищу сию для наших бранных падших тел, полных греха, как мертвый пес полон червей...

Молиться коротко Мердоу, похоже, вовсе не умел. Годвин со вздохом отложил ложку.

* * *

На общих собраниях всегда читали вслух – обычно из Правил святого Бенедикта²³, а бывало, что из Библии или из других священных книг. Пока монахи занимали места на вытертых до блеска каменных скамьях, расположенных кругом в восьмиугольном здании капитула, Годвин разыскал молодого брата, которому полагалось читать сегодня, и спокойно, но твердо

²² То есть бродячий проповедник, который не принадлежит к братии какого-либо монастыря.

²³ Основоположник западного монашества для монастыря Монте-Кассино, настоятелем которого он был, составил знаменитый «Устав святого Бенедикта»; постепенно этот устав сделался сводом правил, которыми руководствовались все западные монастыри, равно мужские и женские.

объяснил, что это послушание он исполнит сам. В назначенный срок он прочел вслух тот самый отрывок из «Книги Тимофея».

Ризничий волновался. Он вернулся из Оксфорда год назад и с того времени потихоньку шептался с братией о необходимости изменить порядки в аббатстве, но до сих пор открыто против Антония не выступал. Приор был слаб и ленив, его поистине необходимо вывести из уныния. Более того, святой Бенедикт писал: «Того ради сказали мы приглашать на совет всех, что нередко Господь юнейшему открывает, что лучше»²⁴. Следовательно, Годвин имел полное право призвать на собрании к более строгому соблюдению монашеского устава. Но все же он вдруг испугался и пожалел, что дал себе труда тщательнее продумать, как разумно и правильно использовать «Книгу Тимофея».

Но отступать было уже поздно. Годвин закрыл книгу.

– У меня вот какой вопрос к самому себе и к братии. Не отступили ли мы от истины, коли вспоминать времена приора Филиппа, в том, что касается разделения братьев и сестер?

На студенческих диспутах Годвин усвоил, что надежнее всего предлагать какое-либо суждение в форме вопроса, отнимая тем самым у противника возможность возразить без обстоятельного ответа.

Первым откликнулся Карл Слепой, помощник и сторонник настоятеля.

– Некоторые монастыри расположены вдали от населенных пунктов или на необитаемом острове, в лесу или высоко в горах, – начал он. Размеренная, неторопливая речь Карла заставляла Годвина изнывать от нетерпения. – В таких обителях братия отрешена от всякого соприкосновения с миром. Кингсбридж же всегда был другим. – Годвин заерзал. – Мы находимся посреди большого города, где обитают семь тысяч душ. Мы служим в одном из самых прекрасных соборов христианского мира. Многие из нас являются врачами, поскольку святой Бенедикт сказал: «О больных прежде и паче всего надо иметь попечение, и служить им, как Христу». Мы лишены роскоши полного отчуждения²⁵. Господь предназначил нас для иного.

Годвин ожидал от Слепого чего-либо подобного. Карл терпеть не мог, когда переставляли мебель, потому что натыкался на нее. Точно так же он противился любым переменам, опасаясь спасовать перед неизвестностью.

Теодорик быстро возразил:

– Тем больше оснований строже соблюдать правила. Кто живет по соседству с таверной, тому надлежит особо следить за собой, дабы не впасть в грех винопития.

Монахи одобрительно загудели: они любили остроумные ответы. Годвин кивнул Теодорику, белое лицо которого порозовело от благодарности.

Расхрабренный послушник по имени Иулей громко прошептал:

– Что Карлу женщины, он их не видит.

Кто-то из монахов рассмеялся, но многие неодобрительно качали головами.

Годвин решил, что все идет хорошо: пока чаша весов клонится в его сторону.

Тут заговорил приор Антоний:

– Что именно ты предлагаешь, брат Годвин?

Дядя не учился в Оксфорде, но неплохо умел заставить противника высказаться.

Годвин неохотно ответил:

– Может, нам стоит вернуться к правилам времен приора Филиппа?

– Что ты хочешь этим сказать? Никаких монахинь?

– Да.

– Куда же им деваться?

²⁴ Устав святого преподобного Бенедикта Нурсийского. Цит. по: Устав преподобного Венедикта // Древние иноческие уставы. М., 1892 (репринт 1994). С. 591–653.

²⁵ Там же.

– Женский монастырь можно перенести в другое место, он мог бы стать уединенной обителью аббатства, как Кингсбриджский колледж или обитель Святого Иоанна-в-Лесу.

Все опешили, а затем поднялся шум, с которым приору не сразу удалось справиться. Прочие голоса перекрыл голос старшего врача Иосифа, умного, но гордого человека, которого Годвин остерегался.

– Как же мы управимся с госпиталем без монахинь? – Из-за плохих зубов брат Иосиф шепелявил, отчего казалось, что он пьян, однако говорил весьма убедительно. – Они разносят лекарства, меняют повязки, кормят тяжелобольных, причесывают дряхлых стариков...

Теодорик вставил:

– Все это способны делать монахи.

– А роды? – спросил Иосиф. – Женщинам часто бывает трудно произвести на свет ребенка. Как же братья станут помогать им совершать подобное... действие без сестер?

Многие согласно зашумели, но Годвин, предвидевший этот вопрос, предложил:

– А что, если переселить сестер в старый лепрозорий?

Прокаженным в свое время отвели небольшой островок на реке к югу от города, где построили для них приют, так называемый «дом Лазаря»²⁶. Когда-то там было полным-полно несчастных, но с проказой, похоже, удалось справиться, и теперь на острове проживали всего двое престарелых монахов.

Остроумец брат Катберт пробормотал:

– Не хотел бы я быть тем, кто сообщит матери Сесилии, что ей придется поселиться в лепрозории.

Послышался смех.

– Женщины должны повиноваться мужчинам, – стоял на своем Теодорик.

– Мать Сесилия повинуется епископу Ричарду, – указал приор Антоний. – Ему и принимать подобные решения.

– Да не допустят этого Небеса, – вмешался в спор казначей Симеон. Этот худой брат с вытянутым лицом выступал против любых предложений, связанных с расходами средств. – Мы не сможем прожить без монахинь.

– Почему? – удивился Годвин.

– У нас мало денег, – объяснил казначей. – Когда нужно восстанавливать собор, как вы думаете, кто платит строителям? Не мы – у нас нет такой возможности. Платит мать Сесилия. Она же закупает съестные припасы для госпиталя, пергамент для скриптория и лошадиный корм. За все, чем братья и сестры пользуются совместно, платит настоятельница.

Годвин растерялся.

– Как же это возможно? Почему мы столь зависимы от нее?

Симеон пожал плечами:

– Уже много лет благочестивые женщины завещают женскому монастырю земли и другое имущество.

Ризничий не сомневался в том, что это лишь часть правды. У монахов тоже немало источников доходов. Они собирают подати с каждого жителя Кингсбриджа, а монастырю принадлежат тысячи акров пахотных земель. Значит, причина в том, как этими богатствами распоряжаются. Однако сейчас не время вдаваться в эти подробности. Что ж, выходит, что этот спор он проиграл. Вон, умолк даже Теодорик.

Антоний примирительно сказал:

²⁶ От имени новозаветного нищего, который после смерти попал на «лоно Авраамово» (Лк. 16:19–26); этот нищий «в струпьях», удостоившийся попадания в рай, считался покровителем прокаженных. Его имя носил воинский орден Святого Лазаря Иерусалимского, основанный в XII в. крестоносцами-госпитальерами Латинского королевства на Ближнем Востоке.

– Ладно, крайне интересная получилась беседа. Спасибо, брат Годвин. А теперь давайте помолимся.

Годвин был слишком зол, чтобы молиться. Он ничего не добился и побаивался, что совершил ошибку, бросив вызов приору.

Когда монахи выходили из здания капитула, Теодорик испуганно посмотрел на ризничего:

– Я не знал, что сестры дают нам столько денег.

– А кто знал? – ответил Годвин. Он поймал себя на том, что с ненавистью смотрит на Теодорика, и поспешил исправить положение: – Но ты был великолепен: спорил лучше многих оксфордских светочей.

Прозвучало весомо, и Теодорик расцвел.

В это время суток монахам полагалось читать в библиотеке или с молитвой прогуливаться по внутреннему двору, но у Годвина имелись другие планы. За обедом и на собрании его неотвязно преследовала одна мысль. Он старательно прогонял ее, поглощенный более важными вопросами, но теперь решил разобраться. Следовало проверить догадку, куда подевался браслет леди Филиппы.

В монастырях мало мест, где можно устроить тайник. Братья жили общиной, отдельной комнатой располагал лишь приор. Даже в отхожем месте братья сидели рядышком над корытом, промывавшимся проточной водой из трубы. Им не позволялось иметь личного имущества, потому ни у кого не было ни своего сундука, ни даже шкатулки.

Но сегодня Годвин видел настоящий тайник.

Ризничий поднялся в пустой dormitorio, отодвинул комод с одеялами от стены и вынул камень. В щель заглядывать не стал, а вместо этого вслепую пошарил в выемке, ощупал сперва верх, потом низ, потом боковины. Справа пальцы наткнулись на углубление. Годвин изогнул руку и ощутил под пальцами нечто – не камень и не застывший строительный раствор.

Подцепив находку ногтем, он извлек из углубления резной деревянный браслет.

Годвин поднес украшение к свету. Прочное дерево – может быть, дуб. Внутренняя поверхность отполирована, а на внешней с немалым тщанием вырезан затейливый узор из квадратов и диагоналей. Понятно, почему леди Филиппа так дорожит этим браслетом.

Он положил браслет обратно, задвинул камень и вернул комод на место.

Что замыслил учинить с украшением Филемон? Продать за пару пенни? Но это опасно, потому что браслет легко опознать. Что ж, носить его служба точно не собирался.

Годвин вышел из dormitorio и спустился по лестнице во двор. Не хотелось ни занимать ум чтением, ни молиться. Нужно обсудить события сегодняшнего дня, повидаться с матерью.

Это соображение заставило его поежиться. Она скорее всего выберет его за провал на собрании, зато наверняка похвалит за епископа Ричарда. Ему очень хотелось рассказать ей эту историю. Годвин отправился искать Петраниллу.

Строго говоря, это не разрешалось. Монахи не могли разгуливать по городу в свое удовольствие. Требовалась некая причина, и полагалось, прежде чем выйти за стены аббатства, спрашивать разрешение настоятеля. Но у монахов-обедиентиариев, исполнявших определенные послушания и занимавших некоторые должности, имелись десятки таких причин. Аббатство постоянно вело дела с торговцами – закупало продукты, сукно, обувь, пергамент, свечи, садовые инструменты, лошадиный корм и прочие необходимые товары. Кроме того, оно владело землями почти всего города. А врача могли позвать к больному, который сам не в состоянии дойти до госпиталя. Так что братья на улицах встречались часто, и с ризничего вряд ли потребуют объяснения, что он делает за пределами монастырских стен.

Тем не менее следовало соблюдать осторожность, а потому, выходя из аббатства, Годвин убедился, что его никто не видит. Он миновал оживленную ярмарку и по главной улице добрался до дома дяди Эдмунда.

Как он и рассчитывал, Эдмунд и Керис ушли по делам, и Петранилла была одна, если не считать слуг.

– Вот так утешение для матери, – проговорила она. – Вижу тебя второй раз за день! Заодно и покормлю. – Петранилла налила сыну большую кружку крепкого эля и велела кухарке принести блюдо с холодной говядиной. – Как прошло собрание?

Годвин подробно рассказал и присовокупил в конце:

– Я слишком поторопился.

Она кивнула.

– Мой отец всегда говорил: «Никогда не назначай встречу, если не уверен в ее исходе».

Годвин улыбнулся.

– Я это запомню.

– Ладно, не думаю, что ты все испортил.

«Хвала небесам, она вроде бы не рассердилась».

– Но у меня больше нет доводов, – продолжал Годвин.

– Ты показал себя вожаком молодых, жаждущих перемен.

– И выставил полным дураком.

– Все лучше, чем ничтожество.

Годвин не был уверен в справедливости этого довода, но, как обычно, спорить не стал: пусть он сомневается в мудрости материнского совета, это можно обдумать позже.

– Еще случилось кое-что странное.

Годвин рассказал про Ричарда и Марджери, опустив грубые физические подробности.

Петранилла искренне изумилась:

– Ричард, должно быть, с ума сошел. Свадьба не состоится, если граф Монмут узнает, что Марджери не девственница. Граф Роланд будет в ярости. Ричарда могут лишить сана.

– Но ведь у многих епископов есть любовницы...

– Тут совсем другое дело. Священник может иметь экономку, которая, по сути, ему жена во всем, кроме названия. У епископа таких может быть несколько. Но лишить девственности знатную девицу незадолго до ее свадьбы – даже графскому сыну трудно надеяться после такого на сохранение сана.

– Как по-твоему, что мне делать?

– Ничего. Пока ты действовал превосходно. – Годвин довольно улыбнулся, гордый собою. А мать добавила: – В один прекрасный день у тебя будет мощное оружие. Просто не забывай об этом.

– Последнее, мама. Я все думал, как Филемон отыскал этот камень, который закрывает дыру в стене, и мне пришло в голову, что поначалу он использовал эту дырку как тайник. Я оказался прав: там отыскался браслет, который потеряла леди Филиппа.

– Любопытно. Сдается мне, этот Филемон будет тебе полезен. Он сделает для тебя что угодно, понимаешь? Человек без совести, без морали... У моего отца был знакомый, всегда готовый взяться за грязную работу: распускал слухи, сеял ядовитые сплетни, плел интриги, – такие люди бесценны.

– Думаешь, не нужно докладывать о краже?

– Разумеется, нет. Заставь его вернуть браслет, если считаешь, что это важно. Пусть скажет, что нашел украшение, когда подметал комнату. Но не выдавай его. Уверена, ты пожнешь богатый урожай.

– Так что же, мне его покрывать?

– Смотри на него как на бешеную собаку, которая сторожит дом от грабителей. Такие псы опасны, но без них не обойтись.

10

В четверг Мерфин закончил вырезать дверь.

С делами в южном приделе тоже было покончено, строительные леса стояли. Опалубку для каменщиков мастерить не пришлось, поскольку Годвин и Томас намеревались сохранить деньги аббатства, применив тот самый способ работы без опалубки, за который он ратовал. Мерфин вернулся к резьбе и быстро понял, что дверь почти готова. Около часа он подправлял волосы одной из мудрых дев, еще час дорезал глупую улыбку на лице одной из неразумных, но сам не знал, стало ли от этого лучше. Было трудно сказать что-то определенное, и еще он постоянно отвлекался на мысли о Керис и Гризельде.

Юноше всю неделю едва удавалось заставлять себя вести разговоры с Керис. Мерфин изводился и, что называется, сгорал со стыда. Каждый раз, увидев Керис, он вспоминал, как обнимал Гризельду, как ее целовал, как сошелся с нею в самом тесном человеческом единении, а ведь эта женщина ему даже не нравилась, о любви и говорить нечего. Раньше он чуть не всякий миг погружался в блаженные грезы, воображая телесную близость с Керис, но теперь сама эта мысль его пугала. С Гризельдой все прошло благополучно – ну хорошо, не все, но не в том суть: пожалуй, он испытывал бы схожие чувства, окажись на месте Гризельды любая другая женщина, кроме Керис. Сойдясь с Гризельдой, он словно лишил телесную близость всякого смысла, и потому не смел смотреть в глаза девушке, которую любил.

Пока Мерфин разглядывал резьбу, стараясь отделаться от мыслей насчет Керис и прикинуть, пора ли сдавать работу, в собор вошла бледнокожая Элизабет Клерк, красавица двадцати пяти лет, чье лицо обрамляло облако белокурых волос. Ее отец был епископом Кингсбриджа до Ричарда Ширинга. Подобно Ричарду он жил в епископском дворце в городе Ширинг, однако частенько бывал в Кингсбридже, и случилось, что запал на служанку из «Колокола», будущую мать Элизабет. Будучи незаконнорожденной, Элизабет весьма остро воспринимала любые намеки на свое положение в обществе, не терпела ни малейшего неуважения и обижалась по всякому поводу. Но Мерфину Элизабет нравилась: умная, красивая, – а когда ему было восемнадцать, позволяла целовать и гладить ее плоские груди, напоминавшие две плоски; он хорошо помнил, как твердели соски под осторожными прикосновениями. Отношения оборвались из-за того, что для него было сущей ерундой, а вот для нее оказалось чем-то непростительным: юноша имел глупость пошутить про распутных священников, – однако Мерфин по-прежнему питал к ней теплые чувства.

Элизабет тронула его за плечо, потом посмотрела на дверь. Ее рука будто сама собой поползла к губам, и девушка охнула:

– Как живые, честное слово!

Мерфин был польщен: Элизабет всегда отличалась скупостью на похвалы, – но все же счел необходимым проявить скромность и смирение.

– Я просто сделал их разными, а на старой двери все девы были одинаковые.

– Скажешь тоже: просто... Они выглядят так, будто готовы сойти с двери и заговорить с нами.

– Спасибо.

– Имей в виду: ничего подобного в соборе еще не было. Что скажут монахи, ты подумал?

– Брату Томасу вроде нравится.

– А ризничему?

– Годвину? Не знаю. Если поднимется шум, пойду к приору. Антоний вряд ли захочет заказывать новую дверь, ведь тогда придется платить дважды.

– Что ж, в Библии не сказано, что они все были на одно лицо, – задумчиво произнесла девушка. – Там лишь говорится, что пять мудрых подготовились и встретили жениха, а пять

неразумных ждали до последнего, не позаботились залить в светильники масло и потому не попали на брачный пир. А Элфрику ты уже дверь показывал?

– Зачем? Его это не касается.

– Он же твой мастер.

– Его волнуют только деньги.

Элизабет не согласилась.

– Беда в том, что ты лучше его в вашем ремесле. Это стало ясно несколько лет назад и всем известно. Элфрик никогда этого не признает, но именно потому он тебя ненавидит. Смотри, как бы тебе не пожалеть.

– Вечно ты все видишь в черном цвете.

– Вот как? – обиделась Элизабет. – Что ж, поглядим. Надеюсь, я ошибаюсь.

Она было собралась уходить.

– Погоди.

– Что?

– Я правда очень рад, что тебе понравилось.

Девушка не ответила, но, кажется, несколько смягчилась. Помахав на прощание рукой, она ушла.

Мерфин признался себе, что дверь готова, и обмотал свой труд грубой мешковиной. Все равно предстоит показать дверь Элфрику, так почему бы и не сейчас. Дождь-то прекратился, по крайней мере на время.

Юноша попросил одного из работников помочь ему с переноской двери. У строителей имелся особый способ перетаскивания тяжелых и громоздких вещей. На землю клали два крепких шеста, а на них поперек укладывали посередине доски, служившие основанием для груза, и на эти доски затаскивали тяжесть; затем двое мужчин вставали спереди и сзади досок и поднимали шесты на плечи. Такую конструкцию называли носилками и применяли, к слову, для доставки больных в госпиталь.

Но даже на носилках дверь оказалась очень тяжелой. Мерфин, правда, успел привыкнуть к переноске тяжестей, благо Элфрик не давал ему поблажек из-за хрупкости телосложения, и в результате, к собственному удивлению, он изрядно нарастил мышцы.

Вдвоем с работником они занесли дверь в дом Элфрика. Гризельда сидела на кухне. Она на вид становилась крупнее с каждым днем, и без того пышная грудь грозила вывалиться из платья. Мерфин терпеть не мог ссориться с людьми, поэтому попытался проявить учтивость.

– Хочешь посмотреть мою дверь?

– Чего я там не видела?

– Она резная. Я вырезал притчу о мудрых и неразумных девах.

Гризельда невесело усмехнулась:

– Только не надо мне про дев.

Пронесли дверь во двор. Мерфину подумалось, что он напрочь не понимает женщин. После той близости Гризельда была с ним неизменно холодна. Если таково ее истинное отношение к нему, то зачем, спрашивается, соблазняет? Она ясно давала понять, что больше близости не желает. Он бы охотно уверил ее, что разделяет ее чувства – его буквально воротило от воспоминаний, – но это было бы оскорбительно, и потому Мерфин молчал.

Носилки опустили на землю, и работник ушел. Коренастый Элфрик, наклонившись над кучей деревяшек, пересчитывал доски, постукивал по каждой квадратным брусом в пару футов длиной и цокал языком, как делал всегда, когда ему выпадало поразмыслить. Он сердито посмотрел на Мерфина и вернулся к своему занятию, а юноша молча снял с двери мешковину и прислонил дверь к груде камней. Он чрезвычайно гордился своей работой: еще бы – он следовал установленному канону, однако сумел сотворить нечто свое, нечто такое, отчего люди восторженно ахали. Поскорее бы эту дверь навесили на петли в соборе.

– Сорок семь, – буркнул Элфрик и, наконец, повернулся к Мерфину.

– Я закончил дверь, – гордо сказал юноша. – Как она вам?

Элфрик окинул дверь оценивающим взглядом. Ноздри его крупного носа раздулись – верно, от удивления, – а затем он без предупреждения ударил Мерфина по лицу брусом, которым пересчитывал доски. Брус оказался увесистым, так что удар вышел сильным. Мерфин вскрикнул от боли и от неожиданности неловко попятился, оступился и упал.

– Кусок дерьма! – выкрикнул Элфрик. – Ты обесчестил мою дочь!

Мерфин рад был бы возразить, но мешала кровь, заполнившая рот.

– Да как ты посмел? – прорычал Элфрик.

Будто дождавшись сигнала, из дома выскочила Элис.

– Змея! – взвизгнула она. – Пробрался, аспид, в наш дом, опозорил юную девушку!

«Притворяются, что узнали случайно, – подумал Мерфин. – Но на самом деле все спланировали заранее». Он сплюнул кровь и ответил:

– Обесчестил? Она не была девушкой!

Элфрик замахнулся вновь. Мерфин сумел увернуться, однако брус болезненно задел его по плечу.

Элис не унималась:

– Как ты мог поступить так с Керис? Моя бедная сестренка! Когда она об этом узнает, это разобьет ей сердце.

Мерфин не замедлил уколоть в ответ:

– А ты, конечно, поспешишь ей сообщить, сволочь.

– Знай, ты не сможешь жениться на Гризельде тайно! – воскликнула Элис.

– Жениться? – Мерфин изумился. – Я не собираюсь на ней жениться. Да она меня ненавидит!

Тут из дома вышла Гризельда.

– Я не хочу выходить за тебя замуж. Но мне придется. Я беременна.

Мерфин уставился на нее.

– Это невозможно. Мы были близки всего один раз.

Элфрик грубо рассмеялся:

– Достаточно и одного раза, олух ты этакий.

– Я не женюсь на ней.

– Значит, вылетишь вон. – Мастер был непреклонен.

– Вы этого не сделаете.

– Почему же?

– Да плевать! Я на ней не женюсь.

Элфрик отложил брус и взялся за топор.

– Боже милостивый! – вырвалось у Мерфина.

Элис сделала шаг вперед.

– Элфрик, только не убивай.

– Отойди, женщина. – Мастер вскинул топор.

Мерфин на четвереньках быстро пополз по двору, страшаясь за свою жизнь.

Элфрик опустил топор, но не на Мерфина, а на дверь.

– Не-ет! – завопил юноша.

Острое лезвие вонзилось в лицо длинноволосой девы и расщепило его надвое.

– Прекратите! – вскричал Мерфин.

Элфрик вновь занес топор и с силой опустил. Дверь раскололась.

Мерфин вскочил на ноги. К своему стыду, он ощутил слезы на щеках.

– Вы не имеете права! – Хотелось кричать во весь голос, но с губ срывался разве что шепот.

Элфрик поудобнее взял топор и повернулся к подмастерью.

– Отойди, козявка, не искушай меня.

Мерфин углядел в его глазах безумный блеск и отступил.

Элфрик обрушил топор на дверь.

Мерфин стоял и смотрел, а по щекам текли слезы.

11

Две собаки, Слип и Скрэп, весело приветствовали друг друга. Хотя и из одного помета, они заметно различались. Слип был кобельком коричневого окраса, а Скрэп – маленькой черной сукой. Тощий и подозрительный к чужакам Слип выглядел обыкновенной деревенской псиной, зато обитавшая в городе Скрэп рядом с ним казалась упитанной и довольной жизнью.

Прошло десять лет с тех пор, как Гвенда выбрала Слива на полу комнаты в большом доме торговца шерстью, в день, когда умерла мать Керис. За это время девочки крепко сдружились. Правда, виделись они всего пару-тройку раз в год, но при встречах рассказывали друг другу все. Гвенда чувствовала, что может поделиться с подругой чем угодно, и ее слова не дойдут ни до родителей, ни до кого другого в Уигли. Она рассчитывала, что такое отношение взаимно; вдобавок сама она с другими кингсбриджскими девочками не общалась, а значит, не могла по неосторожности ляпнуть что-нибудь не то.

Гвенда явилась в Кингсбридж в пятницу ярмарочной недели. Ее отец Джоби отправился на торг перед собором продавать шкурки белок, пойманных в лесу возле Уигли. Гвенда же двинулась напрямик к дому Керис, где и состоялось свидание двух собак.

Как всегда, заговорили про мужчин.

– Мерфин ходит какой-то странный, – сказала Керис. – В воскресенье все было хорошо, мы целовались, а в понедельник уже отводил глаза.

– Он в чем-то виноват, – тут же решила Гвенда.

– Может, дело в Элизабет Клерк? Она всегда на него заглядывалась, хотя сама холодная, как ледышка, и вообще слишком старая.

– А ты с Мерфином уже это делала?

– Делала что?

– Ну, то самое... В детстве я называла это хрюканьем, ведь взрослые будто хрюкают, когда этим занимаются.

– Ах это... Нет, еще нет.

– Почему?

– Не знаю...

– Ты не хочешь?

– Хочу, но... Скажи, ты вот готова всю жизнь подчиняться мужским приказам?

Гвенда пожала плечами.

– Не то чтобы мне это нравилось, но я как-то не задумывалась.

– А что насчет тебя? Ты это уже делала.

– Толком нет. Пару лет назад я позволила одному парню из соседней деревни, просто чтобы узнать, каково это... Чувство приятное, в животе тепло, будто вина напилась. Было всего один раз. Но вот Вулфрику я бы разрешила, стоит ему поманить.

– Вулфрику? Ба, ну ты даешь, подруга!

– Угу. Да, я знаю его с детства, он дергал меня за волосы и удирал, чтобы не получить сдачи. А тут, вскоре после Рождества, он вошел в храм, и я вдруг поняла, что мальчишка Вулфрик стал мужчиной. Не просто мужчиной, а очень, очень красивым. У него на волосах лежал снег, а горло прикрывал шарф горчичного оттенка. Он весь будто светился!

– Ты его любишь?

Гвенда вздохнула. Она не знала, как точнее описать свои чувства. «Любовь» слишком простое слово. Она постоянно думала о Вулфрике и не представляла, как будет жить без него. Мечтала похитить его и запереть где-нибудь в лачуге, далеко в лесу, чтобы он не смог убежать.

– Твое лицо все сказало, – сама себе ответила Керис. – А он что?

Гвенда покачала головой.

– Он даже не заговаривает со мною. Хоть бы сделал что-нибудь, показал, что знает, кто я такая, пусть всего-навсего та, кого он когда-то дергал за волосы. Но Вулфрик втюрился в Аннет, дочь Перкина. Самовлюбленная корова, а он ее обожает. Их отцы – самые богатые крестьяне в нашей деревне. Перкин разводит и продает несущих, а у отца Вулфрика пятьдесят акров земли.

– Звучит как-то безнадежно.

– Не знаю. Почему безнадежно? Аннет может умереть. Вулфрик может вдруг понять, что всегда любил меня. Мой отец может стать графом и приказать ему жениться на мне.

Керис снова улыбнулась.

– Ты права. Любовь никогда не бывает безнадежной. Мне хочется посмотреть на твоего Вулфрика.

Гвенда встала.

– Я надеялась, что ты так скажешь. Пойдем поищем.

Девушки вышли из дома, собаки помчались за ними следом. Потоки дождя, заливавшие город в начале недели, сменились редкими ливнями, но главная улица по-прежнему утопала в грязи. Благодаря ярмарке эта грязь мешалась с лошадиным навозом, гнилыми овощами и всевозможным мусором и отходами, оставленными тысячами посетителей.

Пока шлепали по омерзительным лужам, Керис справилась у подруги, как дела дома.

– Корова сдохла, – ответила Гвенда. – Нужна новая, но я понятия не имею, где отец собирается взять денег. Ему нечего продавать, кроме беличьих шкурок.

– Коровы в этом году по двенадцать шиллингов, – озабоченно заметила Керис. – Это сто сорок четыре серебряных пенни. – Ей не составляло труда посчитать в уме: у Буонавентуры Кароли она научилась арабскому счету и уверяла, что так считать проще.

– Последние несколько зим мы продержались только на этой корове, особенно малыши.

К своему несчастью, Гвенда хорошо знала, что такое настоящий голод. Даже с молоком от коровы четыре ребенка мамыши поумирали. Неудивительно, что Филемон так рвался стать монахом: чем не пожертвуешь, чтобы иметь сытную еду каждый день.

Керис просила:

– Что собирается делать твой отец?

– Что-нибудь. Корову украсть трудно, в мешок ее не засунешь, но он наверняка что-нибудь придумает.

На самом деле особой уверенности Гвенда не испытывала. Отец нечист на руку, но не блещет умом. Чтобы достать новую корову, он пойдет на все, и законы ему не указ, но кто сказал, что у него получится?

Девушки прошли в ворота аббатства и очутились на обширной ярмарке. После пяти дней непогоды мокрые торговцы выглядели донельзя расстроенными. Еще бы – промочили товары под дождем почти без всякой выгоды.

Гвенде было не по себе. Они с Керис редко говорили о разнице в достатке двух семейств. При каждой встрече Керис тихонько давала ей что-нибудь с собою: сыр, копченую рыбу, отрез сукна или кувшин меда. Гвенда неизменно благодарила – она и вправду была благодарна, – но больше никак не проявляла своих чувств. Когда папаша пытался заставить дочь воспользоваться доверием Керис и обокрасть ее, Гвенда отговаривалась тем, что тогда не сможет больше заходить в гости, а так два-три раза в год она обязательно что-нибудь да приносит в дом. Даже отец вынужден был признать разумность этого довода.

Гвенда поискала глазами лоток, с которого Перкин обычно продавал кур. Поблизости должна быть Аннет, а где Аннет, там обязательно будет Вулфрик. Она оказалась права в своих догадках. Вон Перкин, толстый и хитрый, подобострастный с покупателями и грубый со всеми остальными. Аннет лучезарно улыбалась, расхаживая с подносом яиц в руках. Платье туго натянуто на груди, пряди светлых волос выбивались из-под шапки и ниспадали завитками на

румяные щеки и длинную шею. А вон и Вулфрик, похожий на архангела, что ненароком спустился на землю и по ошибке затесался среди людей.

– Вон он, – пробормотала Гвенда. – Тот высокий с...

– Я поняла, – перебила Керис. – Так хорош, что хочется съесть.

– Теперь ты меня понимаешь.

– Он не слишком молод?

– Ему шестнадцать, мне восемнадцать. Аннет тоже восемнадцать.

– Ясно.

– Знаю, что ты думаешь, – проговорила Гвенда. – Он чересчур хорош для меня.

– Вовсе нет...

– Красивые мужчины никогда не влюбляются в уродок, ведь так?

– Ты не уродка...

– Я видела себя в зеркале. – Воспоминание было болезненным, и девушка поморщилась. – Расплакалась, когда поняла, на что похожа. У меня большой нос и глаза сидят слишком близко. Как у отца.

Керис возразила:

– У тебя красивые карие глаза и чудесные густые волосы.

– Но с ним мы не пара.

Вулфрик стоял боком к подругам, как бы намеренно выставляя напоказ свой точеный профиль. Обе девушки восхищенно любовались юношей, затем он повернулся, и Гвенда разинула рот. Другая половина его лица выглядела сплошным синяком и распухла, а глаз не открывался.

Девушка подбежала к Вулфрику:

– Что случилось?

Юноша вздрогнул от неожиданности.

– О, привет, Гвенда. Да подрался тут... – Явно смущенный, он отвернулся.

– С кем?

– С графским сквайром.

– Тебе больно?

– Не волнуйся, все в порядке, – раздраженно бросил юноша.

Он, конечно, не понял, почему Гвенда так встревожилась. Может быть, подумал даже, что она тишком злорадствует.

– С каким сквайром? – спросила Керис.

Вулфрик с интересом покосился на нее и по одежде понял, что перед ним состоятельная горожанка.

– Его зовут Ральф Фицджеральд.

– О, брат Мерфина! – воскликнула Керис. – Он не пострадал?

– Я сломал ему нос. – Вулфрик подбоченился.

– И тебя не наказали?

– Просидел ночь в колодках.

У Гвенды вырвался крик ужаса.

– Бедный!

– Ничего страшного. Мой брат отгонял всех, кто хотел бросить в меня камень.

– Все равно...

Гвенда страшно испугалась. Любое ограничение свободы виделось ей наихудшей пыткой на свете.

Между тем к разговору присоединилась Аннет, отделившаяся от очередного покупателя.

– А, это ты, Гвенда, – холодно промолвила она. Возможно, Вулфрик и вправду не замечал чувств Гвенды, но Аннет о них догадывалась, а потому обращалась с Гвендой враждебно и

презрительно. – Вулфрик подрался со сквайром, который меня оскорбил. – Аннет не скрывала гордости. – Прямо-таки рыцарь из баллады.

– Я бы не хотела, чтобы он из-за меня опух, – отрезала Гвенда.

– К счастью, это вряд ли случится, правда? – Аннет торжествующе усмехнулась.

– Никогда не знаешь, что может произойти в будущем, – заметила Керис.

Аннет искоса поглядела на незнакомку, удивленная вмешательством, а еще ее явно смутило, что спутница Гвенды оказалась столь добротной одета.

Керис взяла Гвенду за руку.

– Приятно было повидать жителей Уигли, – любезно попрощалась она. – До свидания.

Девушки пошли дальше. Гвенда прыснула.

– Ловко ты осадила Аннет.

– Она меня разозлила. Из-за таких, как она, о женщинах ходит дурная слава.

– А как она радовалась, что Вулфрика из-за нее побили! Хочется глаза ей выцарапать.

Керис задумчиво поинтересовалась:

– А кроме того, что красивый, он вообще какой?

– Сильный, гордый, верный. Такой точно полезет драться за другого. Он из тех, кто будет трудиться ради своей семьи год за годом, пока не падет бездыханным. – Керис молчала, и Гвенда не могла не спросить: – Вулфрик тебе не понравился?

– С твоих слов выходит, будто он не слишком умен.

– Росла бы ты рядом с моим отцом, не говорила бы, что кормить семью не очень умно.

– Знаю. – Керис стиснула руку Гвенды. – Думаю, он тебе подходит. Чтобы ты не сомневалась, я помогу тебе его завоевать.

Подруга растерялась.

– Это как?

– Идем.

Они вышли с ярмарки и двинулись в северную часть города. Керис подвела Гвенду к маленькому домику на боковой улочке возле приходской церкви Святого Марка.

– Здесь живет знахарка, – сказала она.

Оставив собак на улице, девушки нырнули в низкую дверь.

Единственную узкую комнату первого этажа делила надвое занавеска, перед которой стояли стул и скамья. «Значит, очаг за занавеской», – подумала Гвенда и подивилась, кому могло понадобиться прятать происходящее на кухне. В комнате было чисто, но сильно пахло травами и чем-то кисловатым. Не благовония, конечно, но не противно.

Керис окликнула:

– Мэтти, это я.

Женщина лет сорока, с седыми волосами и бледным лицом человека, не бывающего на свежем воздухе, выглянула из-за занавески. Она улыбнулась, увидев Керис, затем пристально посмотрела на Гвенду и обронила:

– Вижу, твоя подруга влюблена, но избранник с нею почти не говорит.

Гвенда опешила.

– Откуда вы узнали?

Мэтти тяжело опустилась на стул: она была женщиной в теле и дышала натужно.

– Ко мне приходят по трем причинам: болезнь, месть или любовь. Ты выглядишь здоровой, слишком молода, чтобы мстить, – значит, влюблена. А твой парень, несомненно, к тебе равнодушен, иначе тебе не понадобилась бы моя помощь.

Гвенда покосилась на Керис, и та кивнула.

– Я же сказала тебе: Мэтти мудрая женщина.

Девушки сели на скамью и выжидательно уставились на Мэтти. Та продолжала:

– Вы живете рядом – возможно, в одной деревне, – но его семья богаче твоей.

– Все верно. – Гвенда не скрывала изумления. Конечно, знахарка высказывала лишь догадки, но угадывала столь точно, будто обладала провидческим даром.

– Он красив?

– Очень.

– Но влюблен в самую красивую девушку в деревне.

– Дура, но красotka.

– Ее семья тоже богаче твоей.

– Да.

Мэтти кивнула.

– Знакомая история. Я могу тебе помочь. Но ты должна кое-что понять. Я вовсе не вожу знакомства с духами. Чудеса совершает только Бог.

Гвенда озадаченно нахмурилась. Всем известно, что духи умерших управляют ходом человеческой жизни. Если они тобою довольны, то приведут кроликов в твои силки, дадут здоровых детей и сделают так, что солнце будет светить на твои поспевающие хлеба. Но если их разозлить, они напустят в твои яблоки червей, изувечат теленка прямо в чреве коровы и обессилят твоего мужа. Даже врачи из аббатства признавали, что молитвы святым помогают лучше лекарств.

Мэтти объявила:

– Не унывай. Я сделаю тебе приворотное зелье.

– Простите, но у меня нет денег.

– Знаю. Однако твоя подруга Керис очень добра к тебе и хочет, чтобы ты была счастлива. Она пришла сюда, готовая за тебя заплатить. Но принимать зелье нужно правильно. Ты сможешь остаться с юношей наедине на час?

– Сумею, если постараться.

– Влей снадобье ему в кружку. Скоро он тебя полюбит. Именно тогда тебе понадобится остаться с ним наедине. Если покажется любая другая девушка, он может влюбиться в нее. Итак, уведи его от всех прочих женщин и будь с ним поласковее. Он станет думать, что ты самая желанная женщина на свете. Поцелуй его, наговори приятного, если хочешь – отдайся. Спустя какое-то время он уснет. А когда проснется, будет помнить, что провел самые счастливые минуты в твоих объятиях, и ему захочется, чтобы так было и дальше.

– Второй раз подливать не нужно?

– Нет. Для второго раза хватит любви и твоей женственности. Женщина может сделать мужчину счастливым, если он ей позволит.

Эта мысль понравилась Гвенде.

– А можно поскорее?

– Тогда за дело. – Мэтти с усилием встала со стула. – Можете пройти за занавеску. – Девушки подчинились. – Здесь, в передней, все для тех, кто ничего не понимает.

На кухне имелся чистый каменный пол и большой очаг со всякими треногами и крючками, для варки и кипячения, причем их было столько, сколько вряд ли понадобится одинокой женщине для готовки. Крепкий старый стол, весь в царапинах, пятнах и следах ожогов, был чисто выскоблен; на полке выстроились глиняные кувшины, а в запертом буфете, возможно, хранились ценные травы, которые Мэтти использовала для своих зелий. На стене висела широкая грифельная доска с числами и буквами – наверное, это были рецепты.

– Почему вы прячете все это за занавеской?

– Мужчина, изготавливающий мази и лекарства, зовется аптекарем, а женщина, которая делает то же самое, рискует прослыть ведьмой. В городе есть женщина, ее зовут Полоумная Нелл, она ходит по улицам и кричит про пришествие дьявола. Монах Мердоу обвинил ее в ереси. Нелл безумна, это правда, но она совершенно безобидна. А этот святоша хочет ее обвинить. Мужчинам нравится время от времени убивать женщин, и Мердоу подарит им эту воз-

можность, а потом соберет с них деньги, якобы милостыню. Вот почему я всегда говорю, что только Бог совершает чудеса. Я не призываю духов. Просто использую лесные травы и свое умение наблюдать.

Мэтти говорила, а Керис – так уверенно, будто была у себя дома – расхаживала по кухне. Она поставила на стол миску и пустой флакон. Знахарка протянула ей ключ от буфета.

– Возьми три капли маковой эссенции и разведи в ложке очищенного вина, – распорядилась Мэтти. – Зелье не должно быть чересчур сильным, иначе наш паренек слишком быстро уснет.

Гвенда удивилась:

– Керис, это ты будешь готовить зелье?

– Я иногда помогаю Мэтти. Не говори ничего Петранилле, она будет меня бранить.

– Да ей я бы и про пожар у нее на голове ничего не сказала. – Тетка Керис не любила Гвенду, быть может, по той же причине, по какой не одобрила бы знакомство племянницы со знахаркой: обе были куда ниже по положению, что для Петраниллы значило очень много.

Но зачем Керис, дочь богача, прислуживает какой-то знахарке, живущей в грязном проулке? Пока подруга мешала зелье, Гвенда глядела на нее и вспоминала, что Керис всегда интересовалась болезнями и способы их лечения. В детстве Керис хотела стать врачом, не понимая, почему только священникам разрешается изучать медицину. Гвенда не забыла, как Керис плакала после смерти матери и спрашивала: «Ну почему люди болеют?» Мать Сесилия отвечала ей, что из-за грехов; Эдмунд говорил, что никто точно этого не знает. Оба ответа девочку не удовлетворили. Может, она до сих пор ищет верный ответ – здесь, на кухне Мэтти.

Керис влила жидкость в крошечный флакон, заткнула горловину, туго привязала пробку веревкой, стянув концы узлом, после чего вручила Гвенде.

Та сунула флакон в кожаный кошель на поясе. Осталось сообразить, как заполучить Вулфрика в свое распоряжение на целый час. Она смело заявила, что справится с этим, но теперь, когда у нее и впрямь оказалось приворотное снадобье, задача казалась едва ли выполнимой. Даже стоило с Вулфриком заговорить, как он начинал выказывать признаки беспокойства. Все свободное время он по возможности проводил с Аннет. Какую причину придумать, чтобы побыть с ним наедине? «Я покажу тебе, где можно добыть яйца диких уток». Но с какой стати показывать именно ему, а не отцу? Да, Вулфрик немного наивен, но вовсе не глуп: сразу догадается, что она что-то замыслила.

Керис отдала Мэтти двенадцать серебряных пенни – двухнедельный заработок папаши. Гвенда поблагодарила:

– Спасибо, Керис. Надеюсь, ты придешь ко мне на свадьбу.

Подруга рассмеялась.

– Вот это я люблю! Надо верить в себя.

Девушки направились обратно на ярмарку. Гвенда решила для начала выяснить, где остановился Вулфрик. Его семья слишком зажиточна, чтобы пользоваться бесплатным ночлегом в аббатстве. Скорее всего они ночуют на постоялом дворе. Можно, конечно, словно ненароком спросить у него или у его брата, дескать, просто интересно, какой из постоялых дворов города самый лучший.

Мимо прошел монах, и Гвенда вдруг спохватилась, что не навестила брата и даже до сих пор о том не вспоминала. Ей стало стыдно. Отец отказывался встречаться с Филемоном – мужчины ненавидели друг друга уже многие годы, – но девушка любила брата. Знала, что он хитрый, злонамеренный и все время врет, но была уверена, что и он ее любит, – ведь им довелось пережить вместе много голодных зим. Что ж, обязательно сходит к нему, когда найдет Вулфрика.

Не успели они с Керис дойти до ярмарки, как им встретился отец Гвенды.

Джоби стоял возле монастырских ворот, у таверны «Колокол». Рядом с ним был мужчина в желтой блузе, неприятный даже на вид и с мешком за спиной. На веревке папаша держал корову бурой масти.

Отец кивнул Гвенде:

– Я нашел корову.

Дочь присмотрелась к животному: похоже, двухлетка, худая и с норовом, судя по взгляду, но вроде здоровая.

– Кажется, сгодится.

– Это Сим-торгаш. – Папаша ткнул большим пальцем в мужчину в желтой блузе.

Торгашами звались те, кто ходил от деревни к деревне, торгуя вразнос всякими мелочами – иглами, пряжками, ручными зеркалами и гребнями. Возможно, эту корову Сим где-то украл, но отца такое не остановит, если цена подходящая.

Гвенда спросила:

– А где ты взял деньги?

– Вообще-то она не за деньги, – ответил папаша с кривой усмешкой.

Гвенда поняла: отец что-то задумал.

– А за что?

– Это как бы обмен.

– Что же ты отдаешь ему за корову?

– Тебя.

– Не говори ерунды.

Тут на нее накинули веревочную петлю и затянули на теле так, что руки оказались прижатыми к бокам. Девушка растерялась: это было невыносимо, – попыталась высвободиться, но Сим лишь ту же затянул петлю.

– Ну, не бузи, – бросил отец.

Гвенда не могла поверить, что это всерьез.

– Ты что творишь? – недоверчиво спросила она. – Ты не можешь продать меня, дурак.

– Симу нужна женщина, а мне нужна корова. – Папаша пожал плечами. – Все просто.

Тут впервые подал голос торгаш:

– Уродина у тебя дочь.

– Это же смешно! – воскликнула Гвенда.

– Не волнуйся, девочка. – Сим ощерился. – Я стану обходиться с тобою ласково, пока ты будешь хорошо себя вести и делать то, что я говорю.

«Они и вправду затеяли обмен, – поняла Гвенда. – Вправду думали, что можно поменять человека на животное». Ледяная игла ужаса впилась в ее сердце, когда она вообразила последствия сделки.

– Ну, хватит шутить, – громко вмешалась Керис. – Немедленно отпустите ее.

Сим ничуть не испугался повелительного тона.

– А ты кто такая, чтобы тут приказывать?

– Мой отец – олдермен приходской гильдии.

– Он, а не ты. – Сим хмыкнул. – Даже будь ты сама олдерменом, у тебя нет власти ни надо мною, ни над моим другом Джоби.

– Вы не можете обменять девушку на корову!

– Почему же? Корова моя, дочь его.

Затянувшаяся перебранка привлекала внимание прохожих, люди останавливались и тарасились на девушку, связанную веревкой. Кто-то спросил: «Что тут творится?» Ему объяснили: «Отец меняет дочь на корову». Гвенда заметила во взгляде папашы страх. Он явно жалел, что не сговорился на встречу в тихом проулке, ему не хватило ума оценить заранее, что значит обстрепывать делишки в людном месте. Прохожие могут стать ее спасением.

Керис помахала монаху, который выходил из ворот аббатства.

– Брат Годвин! Будь добр, подойди к нам и рассуди наш спор. – Девушка торжествующе посмотрела на Сима. – Аббатство имеет право одобрять и расторгать любые сделки, заключенные на шерстяной ярмарке. Брат Годвин – ризничий в аббатстве. Полагаю, ты признаешь его решение.

Монах подошел ближе.

– Здравствуй, сестренка Керис. В чем дело?

– Сестренка, вот как, – недовольно проворчал Сим.

Ризничий холодно посмотрел на него.

– О чем бы вы тут ни спорили, я намерен судить справедливо, как верный слуга Божий.

В этом вы можете на меня положиться.

– Счастлив слышать это, сэр. – Сим мгновенно изобразил подобострастие.

Джоби тоже заюлил:

– Я вас знаю, брат. Мой сын Филемон вам очень предан. Вы так добры к нему.

– Хорошо, довольно об этом. Что здесь происходит?

– Джоби хочет обменять Гвенду на корову, – объяснила Керис. – Скажи ему, что так нельзя.

– Это моя дочь, сэр, – проговорил Джоби, – ей восемнадцать лет, она девица – значит, я волен с нею поступать как захочу.

– Позорное это дело – продавать детей, – отозвался ризничий.

Джоби решил бить на жалость:

– Ни за что бы так не сделал, сэр, вот только у меня дома еще трое, а я безземельный батрак, мне нечем кормить детей зимой без коровы, а прежняя подохла.

Зеваки одобрительно загудели. Они прекрасно знали, каково переживать зимнюю нужду и каковы крайности, до которых может дойти человек, пытающийся прокормить семью. Гвенда ощутила эту перемену в настроении прохожих, и ее надежды ослабели.

Торгаш вставил:

– Может, это, конечно, и позор, брат Годвин, но никак не грех.

Сим говорил столь уверенно, будто знал ответ монаха, и Гвенда поняла, что он произносит эти слова не впервые.

С явной неохотой Годвин признал:

– Библия и вправду одобряет продажу дочерей в рабство. Книга Исход, глава двадцать первая²⁷.

– Вот видите! – воскликнул Джоби. – Все вполне по-христиански.

Керис была вне себя.

– Книга Исход! – процедила она презрительно.

– Мы не дети Израиля, – вмешалась невысокая коренастая женщина с торчавшим вперед подбородком, что придавало ее лицу решительное выражение. Она была одета бедно, но держалась уверенно. Гвенда узнала в ней Медж, жену ткача Марка. – Рабства давно нет и в помине.

– А как же подмастерья, которые не получают жалованья? – спросил Сим. – Мастерам разрешается их бить. Или послушники с послушницами? Или те, кто трудится во дворцах знати за стол и ночлег?

– Жизнь у них, может, и нелегкая, – ответила Медж, – но их нельзя продавать и покупать. Разве не так, брат Годвин?

– Я не сказал, что продажа законна, – произнес монах. – Я изучал в Оксфорде медицину, а не право. Но я не нахожу ни в Святом Писании, ни в учении Церкви оснований для того, чтобы

²⁷ «Если же господин его дал ему жену и она родила ему сынов, или дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина ее, а он выйдет один» (Исх. 21:4).

признать творимое этими мужчинами грехом. – Он посмотрел на Керис и пожал плечами: – Прости, сестренка.

Медж скрестила руки на груди.

– Что ж, торгош, как ты собираешься вывести девушку из города?

– На веревке. Корову привел, девчонку выведу.

– А ты уверен, что мы с этими людьми тебя выпустим?

Сердце Гвенды вновь исполнилось надежды. Она не знала, сколько прохожих поддержат ее, но коли дойдет до драки, люди скорее встанут на сторону горожанки Медж, нежели чужака Сима.

– Мне уже приходилось иметь дело с упрямыми женщинами, – сказал торгош, и его губы искривились в злой усмешке. – Неприятностей они не доставляли.

Медж положила руку на веревку. Сим стряхнул ее пальцы.

– Не трожь мою собственность, целее будешь!

Тогда Медж взялась за плечо Гвенды.

Сим грубо отпихнул ткачиху, та попятилась, и по толпе прокатился ропот неудовольствия.

Кто-то сказал:

– Ты бы поостерегся, не то ее муж придет.

Раздался смех. Гвенда вспомнила мужа Медж, добродушного великана Марка. Если бы только он показался сейчас!

Но вместо него подошел констебль Джон – опыт и чутье непременно приводили его к толпе, стоило той собраться где угодно.

– Не толкаться! – прикрикнул он. – Кто тут дебоширит? Ты, разносчик?

Надежда Гвенды окрепла. К торгошам повсюду относились настороженно, и констебль явно предполагал, что причиной скандала явился именно Сим.

Тот, впрочем, опять пустился подхалимничать – по всей видимости, перейти от угроз к угодничеству было для него не труднее, чем снять шляпу и снова надеть.

– Покорно прошу простить, мастер констебль. Но коли кто заплатил условленную сумму за товар, разве ему запрещено покидать Кингсбридж с этим самым товаром в целости?

– Разумеется, нет. – Джон вынужден был согласиться. В ярмарочных городах многое зависело от соблюдения условий сделок. – А что ты купил?

– Эту девушку.

– Вот как. – Джон призадумался. – Кто ее тебе продал?

– Я, – отозвался Джоби, – ее отец.

– А вот эта женщина с большим подбородком угрожает, что не даст мне увести девушку, – нябедничал Сим.

– Точно так, – подтвердила Медж. – Никогда не слыхала, чтобы на кингсбриджском рынке торговали женщинами, и никто из нас такого не слыхивал.

– С собственным ребенком можно делать что угодно. – Джоби вызывающе оглядел толпу: – Кто-то мне возразит?

Гвенда знала, что возражать никто не станет. Одни люди обращались со своими детьми ласково, другие вели себя грубо, но все наверняка согласятся, что ребенок находится в полной власти родителя.

Девушка яростно выкрикнула:

– Вам бы такого отца, как он! Тогда бы вы не тарасились на меня, точно глухие и онемевшие! Вас-то самих родители продавали? Скольких из вас заставляли воровать в детстве? Знаете небось, что детские ручки запросто пролезают в кошель?

Джоби заметно обеспокоился.

– Она спятила, мастер констебль. Мои дети никогда не воровали.

– Не важно, – отмахнулся Джон. – Ладно, все слушайте меня. Я выношу решение. Всякий, кто со мною не согласится, волен пойти к приору. Если кто-либо посмеет впредь затеять свару или еще что-нибудь в этом роде, я арестую всех причастных. Усвоили, надеюсь? – Констебль грозно осмотрелся. Все молчали, дожидаясь следующих его слов. – Не вижу оснований признавать эту сделку незаконной, посему Симу-торгашу дозволяется уйти вместе с девушкой.

– Я же говорил... – начал Джоби.

– Захлопни свою гнилую пасть, олух, – перебил констебль. – Сим, убирайся, да побыстрее. Медж, если ты кого-нибудь ударишь, я посажу тебя в колодки и твоего мужа не побоюсь. И ты, Керис, прошу, помалкивай; можешь пожаловаться на меня отцу, если хочешь.

Джон еще не закончил говорить, а Сим уже дернул веревку. Гвенду потянуло вперед, и пришлось сделать шаг, чтобы не упасть, а потом она поняла, что движется по улице, спотыкаясь и почти бегом. Краем глаза она увидела, что рядом идет Керис. Но констебль Джон крепко взял Керис за руку, она возмущенно развернулась – и в следующий миг исчезла из поля зрения Гвенды.

Сим быстро шел вниз по грязной главной улице, дергая веревку, и Гвенда всякий раз едва не падала. Чем ближе они подходили к мосту, тем больше девушка отчаивалась. Она попробовала было упереться, но торгаш рванул за веревку с такой силой, что Гвенда не устояла на ногах и повалилась в грязь. Ее руки были по-прежнему прижаты к бокам, а потому она упала со всего размаха, ударилась грудью и изрядно запачкала лицо. Кое-как поднялась, всякое намерение сопротивляться пропало без следа. Ведомую на привязи, точно животное, избитую, запуганную, с головы до ног в липкой грязи, Гвенду поволокли дальше. Новый владелец протащил ее по мосту и повел по дороге, что уходила в лес.

* * *

Торгаш Сим провел Гвенду по Новому городу до перекрестка дорог, где вешали преступников (это место было известно как «перекресток Висельников»). Оттуда свернули на юг, в сторону Уигли. Свободный конец веревки Сим обвязал вокруг своего запястья, чтобы девушка не смогла убежать, даже если он отвлечется. Скип было увязался следом за хозяйкой, но Сим принялся бросать в пса камни, и, когда один угодил ему в нос, Скип поджал хвост и отстал.

Через несколько миль, когда солнце начало клониться к закату, Сим свернул в лес. Гвенда не замечала никаких примет, что позволили бы запомнить этот поворот, однако Сим, судя по всему, знал, куда идти. После сотни-другой шагов через подлесок выбрались на тропинку, и Гвенде бросились в глаза многочисленные отпечатки маленьких копыт; значит, это оленья тропа, которая почти наверняка ведет к воде. Догадка оказалась верной: вскоре вышли к небольшому ручью, трава по берегам которого была втоптана в грязь.

Сим опустил на колени возле ручья, набрал в ладони чистой воды и напился. Затем переместил веревочную петлю на шею Гвенде, освободив руки и махнул в сторону ручья.

Гвенда сполоснула руки и принялась жадно пить.

– Рожу помой, – велел Сим. – Ты и без того страшна, а чумазая и подавно.

Девушка умылась, не став ломать голову, какое Симу дело до ее наружности.

Тропа продолжалась на другом берегу ручья. Пошли дальше. Обычно Гвенде хватало сил идти пешком хоть целый день, но от пережитого унижения и страха ноги теперь отказывались слушаться. Какая бы участь ее ни ожидала, она предполагала, что будет только хуже, но все-таки мечтала куда-нибудь дойти, просто чтобы сесть.

Сгущались сумерки. Оленья тропа вилась между деревьями еще приблизительно с милю, а затем уперлась в подножие холма. Сим остановился у толстого дуба и тихо свистнул.

Спустя несколько мгновений из сумрачного леса возникла мужская фигура.

– Лады, Сим?

– Еще как лады, Джед.

– Что это ты приволок? Фруктовое печенье?

– Тебе перепадет кусочек, Джед, как и остальным, у кого полшиллинга²⁸ завалялось.

Гвенда сообразила, что Сим намерен торговать ее телом. От осознания этого стало невыносимо больно, она зашаталась и опустилась на колени.

– Полшиллинга, говоришь? – Голос Джеда доносился словно издалека, но все же Гвенда различала нотки предвкушения. – Сколько ей лет?

– Ее отец клянется, что восемнадцать. – Сим дернул за веревку. – Вставай, ленивая корова, рано еще отдыхать.

Гвенда поднялась. Вот зачем он заставлял ее умыться. Почему-то при этой мысли на глаза навернулись слезы.

Рыдая от отчаяния, она снова побрела за Симом. Наконец вышли на поляну, посередине которой горел костер. Сквозь пелену слез Гвенда разглядела десятка полтора или два людей, лежавших на краю поляны; большинство кутались в одеяла и плащи. Почти все, кто таращился на нее в отвесах пламени, были мужчинами, но вдруг Гвенда различила белое женское лицо, суровое, но с покатым подбородком. Женщина мельком оглядела Гвенду и снова зарылась в кучу лохмотьев, должно быть, служившую ей постелью. Перевернутый бочонок из-под вина и разбросанные повсюду деревянные кружки свидетельствовали о том, что недавно на поляне шла пьянка.

Гвенда догадалась, что Сим привел ее в логово разбойников.

Девушка застонала. Скольким из них ей придется уступить?

Едва задав себе этот вопрос, она поняла – всем.

Сим протаскил ее через поляну к человеку, что сидел, привалившись спиной к дереву.

– Лады, Тэм, – проговорил Сим.

Гвенда сразу поняла, что видит перед собою самого известного разбойника графства, человека по прозвищу Тэм Проныра. Лицо привлекательное – правда, раскраснелось от вина. Болтали, будто он благородного происхождения, но такое говорили про всех знаменитых разбойников. Гвенда подивилась тому, насколько молодо выглядел Тэм – немногим старше двадцати. Впрочем, убийство разбойника не считалось преступлением, и потому мало кто из них доживал до зрелых лет.

– Лады, Сим, – откликнулся Тэм.

– Я обменял корову Олвина на девчонку.

– Хорошо. – У главаря слегка заплетался язык.

– С парней будет по шесть пенсов, но для тебя, разумеется, бесплатно. Ты, верно, хочешь первым.

Тэм устремил на Гвенду взгляд налитых кровью глаз. Возможно, она углядела то, чего и в помине не было, однако ей почудилось, что во взгляде Тэма мелькнула жалость.

– Нет, спасибо. Пускай парни позабавятся. Как по мне, лучше подождать до завтра. Мы отобрали бочонок вина у двух монахов, что направлялись в Кингсбридж, и теперь почти все мертвецки пьяны.

В сердце Гвенды вспыхнула надежда. Вдруг обойдется...

– Надо потолковать с Олвином, – с сомнением проговорил Сим. – Спасибо, Тэм.

Он отошел от дуба, волоча девушку за собой.

В нескольких ярдах от дерева нашелся широкоплечий мужчина, еле стоявший на ногах.

– Лады, Олвин.

Видимо, это слово служило разбойникам приветствием и одновременно опознавательным знаком.

²⁸ То есть 6 пенсов.

Олвин пребывал в том состоянии, когда пьяного все раздражает.

– Что припер?

– Свеженькую молодку.

Олвин схватил Гвенду за подбородок, стиснул так крепко, что ей стало больно, и повернул голову девушки, желая получше рассмотреть. Гвенда невольно заглянула ему в глаза. Тоже молодой, как Тэм Проныра, и тоже какой-то утомленный на вид, словно уставший от беспутного образа жизни. От него пахло вином.

– Боже милостивый, ну и уродину ты отыскал.

Тут Гвенда порадовалась, что ее признали некрасивой. Может, Олвин на нее не польстится.

– Взял что мог, – обиженно ответил Сим. – Какой отец станет менять красотку дочь на корову? Он выдаст ее замуж за сына богатого торговца шерстью.

При слове «отец» Гвенда вновь разозлилась. Папаша знал, что с нею сделают, – во всяком случае, догадывался. Как он мог так с нею поступить?

– Ладно, ладно, уймись, – покладисто проговорил Олвин. – Сам знаешь, у нас всего две бабы, парни просто бесятся.

– Тэм сказал, что лучше подождать до завтра, потому как все перепились, но смотри сам.

– Тэм прав. Вон, половина парней уже дрыхнут.

Гвенда слегка успокоилась. За ночь может случиться что угодно.

– Хорошо. Я и сам устал как собака. – Сим повернулся к Гвенде. – Давай ложись.

До сих пор он ни разу не назвал ее по имени.

Девушка подчинилась, и Сим все той же веревкой связал ей ноги, а руки завел за спину. Затем они с Олвином улеглись по обе стороны от нее и почти мгновенно заснули.

Гвенда изнемогала от усталости, но спать и не думала. С руками, связанными за спиной, неудобство доставляло любое положение. Она попыталась пошевелить запястьями, но Сим связал ее очень туго и узел был надежным, так что Гвенда лишь содрала кожу и веревка стала впиваться в плоть.

Отчаяние переросло в бессильную ярость. Гвенда воображала, как отомстит похитителям, как изобьет их кнутом, а они будут ползать перед нею по траве. Нет, хватит тешиться несбыточными мечтами. Пора прикинуть, как сбежать от разбойников.

Сначала надо убедить их ее развязать. Потом изловчиться и удрать. Причем желательно устроить так, чтобы ее не преследовали.

Это казалось невозможным.

12

Гвенда проснулась и поняла, что замерзла. В разгар лета дни стояли прохладные, чем накрыться, ей не дали, а легкое платье не спасало. Небо из черного понемногу становилось серее. Девушка осторожно огляделась: насколько можно было судить, никто не шевелился.

Ей нужно по-маленькому. Помочиться, что ли, прямо так, сквозь одежду? Глядишь, разбойники тогда сами от нее откажутся. Впрочем, она тут же отвергла это искушение. Поступить так означало сдаться. Но сдаваться она не собиралась.

Что же делать?

Олвин спал рядом с ней. На поясе у него висел длинный кинжал в ножнах, и вид оружия навел Гвенду на спасительную мысль. Она вовсе не была уверена, что у нее хватит духу осуществить план, который вызревал в голове. Но хватит бояться, нужно действовать.

Пусть ее лодыжки были связаны, она могла шевелить ногами. Гвенда принялась пихать Олвина. Поначалу тот будто ничего не чувствовал, но на третий раз приподнялся хрипло пробормотал:

– Чего надо?

– Мне бы в кусты.

– Не вздумай отливать на поляне. Это правило Тэма. На двадцать шагов, если по-маленькому, на пятьдесят – по-большому.

– Вот как, даже у разбойников есть правила.

Олвин тупо уставился на нее, не оценив горькой шутки. Девушка поняла, что он глуповат. Это хорошо. Зато он силен и злобен. Нужно быть очень осторожной.

– Сам погляди, я ведь связана.

Олвин с недовольным ворчанием развязал веревку на ее лодыжках.

Первая часть плана сработала. Теперь Гвенда испугалась еще сильнее.

Она с трудом встала. После ночи со связанными конечностями тело занемело. Гвенда сделала неловкий шаг, споткнулась и упала.

– Руки бы тоже развязал, ты же видишь, мне тяжело ходить.

Разбойник не пошевелился.

Вторая часть плана провалилась.

Ладно, будем пытаться еще.

Гвенда снова поднялась и кое-как поплелась к деревьям. Олвин не отставал и считал шаги на пальцах. Добрался до десяти, начал заново, вторично загнул все пальцы и распорядился:

– Достаточно.

Девушка беспомощно посмотрела на него.

– Как я задеру платье?

Может, на это он купится?

Олвин молча пялился на нее. Она словно наяву слышала, как скрежещет его мозг, точно увесистые мельничные жернова. Конечно, он может сам подержать ей платье, пока она мочится; так поступают матери с маленькими детьми, и для него это наверняка будет унижительно. Или может развязать ей руки. Со свободными руками и ногами она вполне способна задуматься о побеге. Но разве невысокая, уставшая, запуганная девчонка справится со здоровьем вроде Олвина. Нет, он наверняка должен посчитать, что опасность ее побега невелика.

Олвин развязал веревки на ее запястьях.

Гвенда отвернулась, чтобы он не заметил ее торжествующего взгляда, и потеряла руки, восстанавливая кровообращение. Ей хотелось выдавить ему глаза большими пальцами, но вместо этого она как можно нежнее улыбнулась.

– Спасибо. – Как будто разбойник и вправду сделал доброе дело.

Олвин молча смотрел на нее и ждал.

Гвенда думала, что он отвернется, когда она задерет подол и присядет на корточки, но он лишь уставился еще сильнее. Она смотрела ему в глаза, не желая отдаваться стыду, пока справляла естественную надобность. Рот Олвина слегка приоткрылся, и Гвенда слышала его тяжелое дыхание.

Теперь предстояло самое сложное.

Девушка медленно встала, позволив разбойнику потарашиться на ее тело, прежде чем опустить подол. Олвин облизнул губы, и она поняла, что разбойник на крючке.

Гвенда подошла ближе.

– Ты будешь меня защищать? – спросила она тоненьким голоском маленькой девочки, что далось ей с трудом.

Олвин, похоже, ничего не заподозрил. Продолжая молчать, он стиснул ей грудь своей лапищей.

Гвенда задохнулась от боли.

– Не так грубо! – Гвенда взяла его руку. – Поласковее. – Провела его пальцами по своей груди, потеряла сосок, чтобы тот затвердел. – Видишь, намного лучше.

Олвин фыркнул, но умерил пыл. Потом ухватил пальцами левой руки ворот ее платья, а другой рукой вытащил кинжал. Тот оказался длиной в целый фут, с заостренным кончиком, и лезвие сверкало, свидетельствуя о недавней заточке. Очевидно, Олвин намеревался попросту срезать с нее одежду. Это никуда не годилось, иначе она останется голой.

Гвенда легонько сдвинула его запястье, потом отпустила.

– Тебе не нужен кинжал. Смотри.

Она сделала шаг назад, развязала пояс и одним быстрым движением стянула с себя платье через голову. Ничего другого на ней не было.

Девушка расстелила платье на земле, легла на него и попыталась улыбнуться. Она почти не сомневалась, что вместо улыбки вышла жуткая гримаса. Затем Гвенда раскинула ноги.

Олвин медлил всего мгновение.

Продолжая держать кинжал в правой руке, он спустил штаны, встал на колени между ее бедрами и, нацелив кинжал ей в лицо, пригрозил:

– Если что, шею вспорю.

– Тебе не придется этого делать, – ответила Гвенда, торопливо прикидывая, какие слова хочет слышать от женщин такой мужчина. – Ну же, мой большой сильный защитник.

Олвин пропустил ее слова мимо ушей, навалился на нее, задвигался вслепую.

– Не так быстро.

Гвенда стиснула зубы от боли, опустила руку к промежности, направила его в себя, чуть выгнулась, чтобы ему было проще.

Олвин нависал над нею, опираясь на крепкие руки. Кинжал он положил на траву возле ее головы и придавил рукоять правой ладонью. Проникая в Гвенду, он постанывал. Она старалась двигаться в лад, притворялась, что ей тоже нравится, посматривала на его лицо и заставляла себя не коситься на кинжал. Подходящий миг вот-вот наступит. Ей было страшно и очень противно, но какая-то часть сознания сохраняла спокойствие и способность мыслить расчетливо.

Разбойник закрыл глаза и вскинул голову, точно животное, почуявшее ветер. Руки его были выпрямлены и удерживали тело. Гвенда отважилась посмотреть на кинжал. Ладонь Олвина чуть сдвинулась с рукояти. Можно попробовать схватить оружие, но насколько проворен этот Олвин?

Она вновь взглянула ему в лицо. Рот Олвина искривился от натуги. Разбойник задвигался быстрее, и Гвенда поспешила откликнуться.

К своему смятению, она ощутила, как жар распространяется по ее чреслам, и разозлилась на себя. Этот мужчина – разбойник и убийца, немногим лучше дикого зверя – собирался

продавать ее товарищам по шесть пенсов зараз. Она отдавалась ему, чтобы спасти свою жизнь, а не для удовольствия. Но все-таки внутри стало мокро, и Олвин заерзал шустрее прежнего.

Она почувствовала, что семя вскоре выплеснется. Сейчас или никогда. Олвин издал стон, походивший на мольбу о пощаде, и Гвенда решилась: выхватила кинжал у него из-под ладони. Выражение блаженства на его лице ничуть не изменилось, он не заметил ее движения. Боясь, что он все-таки спохватится и сумеет помешать ей в последний миг, Гвенда без промедления ткнула кинжалом вверх, придала дополнительное усилие удару резким сдвигом плеч. Олвин почувствовал что-то неладное и открыл глаза. На его лице отразились испуг и потрясение. Гвенда изо всех сил вонзила кинжал ему в шею, под подбородок, и выругалась, поняв, что промахнулась мимо наиболее уязвимой части шеи, не попала ни в дыхательное горло, ни в подъяремную жилу. Олвин заревел от боли и ярости, рана несколько его не смутила, и Гвенда осознала, что ее смерть уже совсем близко.

Она действовала по наитию, не отвлекаясь на раздумья. Левой рукой она ударила разбойника по сгибу локтя. Он невольно согнул руку и, разумеется, тут же упал. Гвенда надела на длинный кинжал, и Олвин всем телом навалился на клинок. Острие вошло в голову снизу, кровь хлынула из открытого рта прямо ей в глаза, и она отвернула лицо, но кинжал не выпустила. Клинок наткнулся на какое-то препятствие, потом двинулся дальше, и наконец глазница разбойника будто взорвалась: Гвенда увидела кончик лезвия, торчавший наружу и весь перепачканный кровью и мозгами. Олвин обрушился на нее, то ли уже мертвый, то ли при смерти. Она словно угодила под поваленное дерево и на мгновение замерла, не в состоянии даже шевельнуться.

К своему ужасу, она ощутила, как он исторг семя.

Ее наполнил суеверный ужас. Полумертвый разбойник пугал сильнее, чем когда грозил ее резать. Снедаемая страхом, она поторопилась выбраться из-под Олвина, кое-как поднялась на ноги, дыша прерывисто, с натугой. Грудь была вся в крови Олвина, бедра запачкало его семя. Гвенда настороженно посмотрела в сторону разбойничьей поляны. Неужто от вопля Олвина никто не проснулся? Если кто-нибудь не спал, а лишь дремал, то вполне мог услышать...

Дрожа всем телом, она натянула платье, застегнула пряжку пояса, проверила, на месте ли кошель и тот маленький ножик, которым она пользовалась для еды, и с трудом отвела взгляд от тела Олвина. Ее не отпускало жуткое чувство, будто тот еще жив. Гвенда знала, что его следует прикончить, но заставить себя не могла. С поляны донесся непонятный звук, и девушка вздрогнула. Нужно уносить ноги, и поскорее. Гвенда осмотрелась, прикинула, куда идти, и двинулась по направлению к дороге.

Внезапно ей вспомнилось, что возле большого дуба должен караулить дозорный. Она старалась ступать бесшумно, насколько это было возможно, и на негнущихся ногах приблизилась к дереву. В дозоре оставили того самого Джеда, который первым ее встретил, и он крепко спал. Гвенда на цыпочках прокралась мимо него, и ей потребовалось немалое самообладание, чтобы не пуститься наутек. Дозорный не пошевелился.

Гвенда отыскала оленью тропу и добрела до ручья. Вроде бы погони не было. Она смыла кровь с лица и груди, помыла промежность, потом как следует напилась, понимая, что ей предстоит долгий путь.

Когда немного успокоилась, то продолжила путь по оленьей тропе, не переставая прислушиваться. Скоро ли разбойники найдут Олвина? Она ведь даже не попыталась спрятать тело. Когда они сообразят, что произошло, то непременно погонятся за нею, уж коли она обошлась им в целую корову. За корову давали двенадцать шиллингов – это жалованье за полгода для батраков вроде ее папаши.

Гвенда добралась до дороги. Для женщины путешествовать в одиночку по дорогам было едва ли не опаснее, чем бродить по лесным тропам. Банда Тэма Проныры вовсе не единствен-

ные разбойники в округе, а есть еще сквайры, крестьянские парни и солдаты, и все они могут польститься на незащищенную женщину. Но сейчас важнее всего удрать от Сима и его дружков, а по дороге будет быстрее, чем по лесу.

Куда податься? Если она пойдет домой в Уигли, Сим вполне может заявиться туда и потребовать свою собственность обратно. Можно только гадать, как поступит папаша. Нужны верные друзья, которым можно доверять. Керис ей поможет.

Она повернула на Кингсбридж.

Стоял солнечный день, но дорога была вся в грязи после недавних дождей, и идти было трудно. Дойдя до вершины пригорка, Гвенда обернулась. С возвышенности дорога расстилась перед нею приблизительно на милю. Вдалеке виднелась одинокая фигура в желтой блузе.

Сим-торгаш.

Девушка бросилась бежать.

* * *

Церковный суд слушал дело Полоумной Нелл в северном трансепте собора в субботу днем. Председательствовал епископ Ричард, справа от него сидел приор Антоний, а слева – личный помощник епископа, кислотицы и черноволосый архидьякон Ллойд. Говорили, будто на самом деле епархией управляет именно он.

Горожан в соборе собралось немало. Процессы против еретиков являлись неплохим развлечением, а Кингсбридж не развлекался подобным образом уже несколько лет. По субботам многие ремесленники и работники заканчивали трудиться к полудню. За стенами собора потихоньку завершалась шерстяная ярмарка, торговцы разбирали лотки и укладывали непроданный товар, покупатели готовились к возвращению домой или договаривались о сплаве купленного добра на плотках к морскому порту Мелкум.

Ожидая открытия судебного заседания, Керис мрачно думала о Гвенде. Что с нею стало? Торгаш Сим наверняка принудил ее к соитию, но это, пожалуй, не самое худшее, что может случиться. Что еще ей придется терпеть в положении рабыни? Керис не сомневалась в том, что Гвенда попытается бежать, но получится ли у нее? А если ее поймают, как Сим накажет Гвенду? Девушка понимала, что может никогда этого не узнать.

Странная выдалась неделя. Буонавентура Кароли не переменял своего решения: флорентийские купцы не вернутся в Кингсбридж – по крайней мере, пока аббатство не благоустроит шерстяную ярмарку. Отец Керис и другие крупные торговцы шерстью несколько дней провели за закрытыми дверями с графом Роландом. Мерфин по-прежнему ходил молчаливый и мрачный. И снова пошел дождь.

Констебль Джон и монах Мердоу приволокли в храм Нелл. Единственной одеждой ей служила накидка без рукавов, закрепленная спереди и обнажавшая костлявые плечи. Просто-волосая, босая, Нелл вяло трепыхалась в руках мужчин и выкрикивала проклятия.

Когда ее заставили успокоиться, суд заслушал нескольких горожан, которые свидетельствовали, что слышали, как она призывала дьявола. Они говорили правду: Нелл грозила горожанам дьяволом все время – за то, что ей не подали милостыни, не уступили дорогу, за то, что кто-то хорошо одет, а то и вообще просто так.

Все свидетели приводили доказательства – мол, после слов Нелл с ними что-нибудь случилось. У жены ювелира пропала ценная брошь; у владельца постоялого двора передохли куры; у одной вдовы на ягодице вскочил болезненный прыщ – это свидетельство вызвало смех, но тоже было засчитано как обвинение, ведь ведьмы славились недобрыми шутками.

В разгар показаний к Керис протиснулся Мерфин.

– Какая глупость! – возмущалась девушка. – Я могу привести вдесятеро больше людей, которые скажут, что после проклятий Нелл с ними ничего худого не произошло.

Мерфин пожал плечами.

– Люди верят в то, во что хотят верить.

– Обычные люди могут верить сколько угодно. А вот епископ с приором должны бы понимать – они люди образованные.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – проговорил юноша.

Керис насторожилась. Может, сейчас она наконец узнает причину его плохого настроения? До сих пор девушка лишь искоса поглядывала на Мерфина, но теперь развернулась к нему лицом – и увидела под его левым глазом огромный синяк.

– Что с тобою стряслось?

Толпа громко рассмеялась в ответ на какие-то слова Нелл, и архидьякону Ллойд пришлось несколько раз призывать к спокойствию. Когда гомон чуть улегся, Мерфин ответил:

– Не здесь. Отойдем куда-нибудь, где потише?

Керис было согласилась, но что-то ее остановило. Всю неделю Мерфин изводил ее и мучил своей холодностью, а теперь вот соизволил, видите ли, поделиться и ждет, что она вскочит и побежит, как по команде? Почему Мерфин должен решать, когда им разговаривать по душам? Она ждала его пять дней, так почему бы и ему не потерпеть часок-другой?

– Нет. Не сейчас.

Он явно опешил.

– Почему?

– Потому что мне так удобно. Дай послушать.

Отворачиваясь, девушка заметила, что Мерфин обиделся, и тут же пожалела о своем выпадѣ, но было уже слишком поздно, а извиняться она не собиралась.

Между тем свидетели закончили выступать. Заговорил епископ Ричард:

– Женщина, ты утверждаешь, что землей правит дьявол?

Керис стиснула зубы от ярости. Еретики поклонялись Сатане, считая, что тот правит землей, а Бог лишь повелевает небесами. Полоумная Нелл вряд ли была способна осознать этакое разделение. Какой позор, что епископ Ричард поддерживает смехотворные обвинения монаха Мердоу.

– Засунь себе хрен в задницу! – крикнула Нелл.

Все засмеялись, довольные, что досталось и епископу.

– Если таковы ее оправдания...

Архидьякон Ллойд вмешался:

– Кто-то должен выступить от ее имени. – Он говорил вроде бы уважительно, но было очевидно, что ему не впервые исправлять действия епископа. Вне сомнения, ленивый Ричард полагался на Ллойда во всем, что касалось соблюдения правил.

– Кто будет говорить в защиту Нелл? – спросил епископ, оглядывая горожан.

Керис ждала отклика, но никто не вызвался. Она просто не могла допустить подобное. Кто-то же обязан открыть людям глаза на вздорность судилища. Поскольку все молчали, Керис встала и произнесла:

– Нелл сумасшедшая.

Люди заозирались в поисках глупца, вставшего на сторону Нелл. Потом слышались шепотки – большинство горожан знали Керис, – но никто особо не удивился, поскольку за нею водилась склонность выкидывать что-нибудь этакое.

Приор Антоний наклонился к епископу и что-то сказал тому на ухо. Ричард объявил:

– Керис, дочь Эдмунда-суконщика, говорит нам, что обвиняемая сумасшедшая. Мы пришли к этому выводу и без посторонней помощи.

Его холодная язвительность только подстегнула девушку.

– Нелл понятия не имеет, что несет! Кричит про дьявола, про святых, про луну и про звезды. В ее воплях смысла не больше, чем в собачьем лае. На том же основании можно пове-

силь лошадь, которая заржала на короля! – Она не удержалась от толики презрения в своих словах, хотя хорошо знала, что неразумно выказывать пренебрежение, обращаясь к знати.

Зеваки одобрительно загудели. Людям нравились жаркие прения.

– Ты сама слышала, как люди свидетельствовали об уроне, понесенном от ее проклятий, – изрек Ричард.

– Я вчера потеряла пенни, – ответила Керис, – потом сварила яйцо, а оно оказалось тухлым. Мой отец кашлял всю ночь и не мог уснуть. Но нас никто не проклинал. Всякое случается.

На это многие с сомнением закачали головами. Большинство людей верили в существование злонамеренной воли, стоящей за каждым несчастьем, большим и малым. Девушка лишила себя поддержки толпы.

Приор Антоний, дядя Керис, осведомленный о ее взглядах: им уже не раз доводилось спорить, подался вперед и спросил:

– Но ты ведь не думаешь, что Господь повинен в болезнях, несчастьях и утратах?

– Нет.

– Тогда кто же виноват?

Керис воспроизвела благочестивый тон приора:

– А ты ведь не думаешь, что во всех невзгодах следует винить либо Господа, либо Полоумную Нелл?

– Почтительно говорить с приором! – прикрикнул архидьякон Ллойд.

Ему не сказали, что Антоний – дядя Керис, а горожане засмеялись: они-то знали чопорного приора и его вольнодумку племянницу.

– Я считаю, что Нелл никому не причиняет вреда. Да, она сумасшедшая, но совершенно безобидная, – закончила Керис.

Вдруг вскочил монах Мердоу и зычно возопил:

– Милорд епископ, жители Кингсбриджа, други! Среди нас бродит нечистый, понуждая слабых ко греху – ко лжи, чревоугодию, винопитию, к гордыне и плотской похоти. – Людям нравились красочные описания Мердоу: вынося безоговорочное осуждение, монах будил воображение и расписывал пороки яркими красками. – Но нечистый не может оставаться невидимым. – Голос Мердоу гремел под сводами собора. – Как лошадь оставляет следы в грязи, как мышь на кухне оставляет крошечные отпечатки в масле, как сластолюбец оставляет свое проклятое семя во чреве обманутой девушки, так дьявол должен оставлять свою метку!

Все одобрительно зашумели. Люди знали, что имеется в виду, как знала и Керис.

– Слуг нечистого можно узнать по меткам, которыми он их одаривает. Ведь он сосет их горячую кровь, как дитя сосет сладкое молоко из набухшей материнской груди. Подобно ребенку, ему нужен сосец, откуда сосать, – третий сосец!

Керис невольно позавидовала умению Мердоу завладевать вниманием толпы. Каждую фразу он начинал негромко, еле слышно, затем повышал голос, нанизывая одну распалюющую воображение фразу на другую и подводил к выплеску возбуждения. А слушатели жадно ему внимали, молчали, покуда он вещал, и под конец взрывались одобрительными криками.

– Эта метка темная, морщинистая, как сосец, и выделяется среди чистой кожи вокруг. Она может быть где угодно на теле. Иногда она располагается в нежной ложбинке промеж женских грудей и предстает неестественной метой, коварно выдающей себя за естество. Но чаще всего дьявол помещает оную метку в потайных частях тела, на чреслах, в срамных местах, в особенности на...

– Спасибо, брат Мердоу, – громко перебил епископ Ричард, – не нужно продолжать. Вы требуете, чтобы женщину проверили на наличие метки дьявола?

– Да, милорд епископ, чтобы, так сказать...

– Довольно, вы ясно выразились. – Епископ осмотрелся: – Мать Сесилия здесь?

Настоятельница сидела сбоку на скамье, с сестрой Юлианой и несколькими старшими монахинями. Обнажать Полоумную Нелл мужчинам, разумеется, возбранялось, в отдельном помещении это следовало сделать женщинам, которые потом доложат о результатах осмотра. Тут очевидным выбором представлялись монахини.

Керис им не завидовала. Большинство горожан каждый день мыли руки и лицо, но вот пахучие части тела омывали раз в неделю. А целиком мылись в лучшем случае дважды в год, как полагалось, к главным праздникам, ибо мытье считалось опасным для здоровья. Но Полоумная Нелл едва ли мылась хоть когда-нибудь. Ее лицо было чумазым, руки почернели от грязи, а воняло от нее, как от навозной кучи.

Сесилия встала. Ричард распорядился:

– Будьте добры, отведите эту женщину в отдельную комнату, снимите с нее одежду, внимательно осмотрите ее тело, вернитесь и правдиво изложите все то, что обнаружите.

Монахини тут же встали и подошли к Нелл. Сесилия мягко заговорила с безумицей и ласково взяла ее под руку. Но обмануть Нелл не вышло. Она вывернулась, вскинув руки в воздух.

Монах Мердоу закричал:

– Вон! Я вижу! Вижу!

Монахини вчетвером сумели усмирить Нелл.

Мердоу произнес:

– Не нужно снимать с нее одежду. Посмотрите под правой рукой.

Нелл опять стала вырываться, но Мердоу приблизился к ней и задрал ей руку вверх.

– Вот! – воскликнул он, указывая на подмышку.

Толпа хлынула вперед.

– Вижу! – крикнул кто-то.

Этот возглас покатился по храму, повторяясь на разные голоса. Керис разглядела разве что совершенно обычную, поросшую волосами подмышку, и вовсе не собиралась рассматривать тело Нелл пристальнее, ибо это было унижительно. Наверное, у Нелл там родимое пятно или бородавка. У многих людей хватает пятен на теле, особенно у пожилых.

Архидьякон Ллойд вновь призвал к порядку, а констебль Джон дубинкой оттеснил зевак назад. Когда все наконец утихомирились, Ричард встал.

– Полоумная Нелл из Кингсбриджа, я нахожу, что ты повинна в ереси. Тебя привяжут к телеге и провезут по городу, бичуемую плетями, а затем доставят к развилке дорог, именуемой «перекрестком Висельников», и повесят за шею, дабы ты умерла.

Толпа ликовала. Керис отвернулась, пряча негодование. При таком правосудии ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности. Взгляд девушки упал на Мерфина, терпеливо дожидавшегося поблизости.

– Ладно, – раздраженно бросила она. – Чего тебе?

– Дождь перестал. Пошли к реке.

* * *

Монастырь держал пони для пожилых братьев и сестер, которые разъезжали по окрестностям, и нескольких ломовых лошадей для перевозки грузов. Этих животных заодно со скакунами состоятельных гостей размещали в каменной конюшне в южном торце двора аббатства. Смешанную с навозом солому с конюшен затем отправляли на огород при кухне, что располагалась по соседству.

Ральф со свитой графа Роланда ждал хозяина у конюшен. Лошади были оседланы и готовы к двухдневному путешествию обратно в замок Эрлкасл возле Ширинга. Все дожидались графа.

Сквайр, удерживая под уздцы своего гнедого Гриффа, беседовал с родителями.

– Не знаю, почему лордом Уигли сделали Стивена, а мне ничего не пожаловали, – говорил он. – Мы с ним одного возраста, он ничуть не лучше меня в седле, на мече и на турнирах.

При каждой встрече сэр Джеральд с надеждой задавал сыну одни и те же вопросы, и каждый раз Ральфу приходилось огорчать отца. Когда бы не очевидное отцовское стремление увидеть возвышение сына, Ральфу было бы куда легче переносить разочарование.

Молодой Грифф был из гунтеров, простому сквайру не полагался дорогостоящий боевой конь. Но Ральф полюбил своего гнедого, и тот всегда охотно слушался, когда хозяин посылал его вперед, преследуя добычу. Из-за суматохи и суеты у конюшни Грифф разволновался, и ему явно не терпелось тронуться в путь.

Ральф пробормотал ему в ухо:

– Спокойно, дружок, скоро разомнешь ноги.

Услышав знакомый голос, конь успокоился.

– Будь начеку, не уппусти случая угодить графу, – наставлял сэр Джеральд. – Тогда он вспомнит о тебе, когда появится свободное владение.

«Это все хорошо, – думал Ральф, – но настоящие возможности открываются лишь в бою». Правда, за эту неделю война как будто стала чуть ближе. Сквайр не присутствовал на встречах графа с торговцами шерстью, но разузнал, что купцы согласились дать в долг королю Эдуарду. Они очень хотели, чтобы король решительно выступил против французов, наказал тех за набеги на порты южного побережья.

А сам Ральф мечтал отличиться и приступить к постепенному восстановлению семейной чести, утраченной десять лет назад, – не столько ради отца, сколько в утешение собственной гордыни.

Грифф рыл землю копытом и мотал головой. Чтобы успокоить коня, Ральф принялся водить его по двору конюшни, а отец шагал рядом. Мать стояла в стороне. Она расстроилась из-за сломанного носа Ральфа.

Вместе с отцом Ральф прошел мимо леди Филиппы, которая твердой рукой держала под уздцы резвого скакуна и говорила со своим мужем, лордом Уильямом. На Филиппе была облегающая тело одежда, отлично подходившая для длительных поездок и подчеркивавшая полную грудь и длинные ноги. Ральф постоянно подыскивал предлоги заговорить с нею, но это было без толку: для нее он оставался всего-навсего одним из воинов в свите свекра, и она никогда не заговаривала с ним без надобности.

На глазах Ральфа она улыбнулась мужу и с притворным упреком ткнула тыльной стороной ладони в грудь. Сердце Ральфа захлестнула обида. Почему не с ним она делит эти минуты нежности и близости? Все обстояло бы иначе, будь он владельцем сорока деревень, как Уильям.

Всю жизнь он к чему-то рвался. Когда же наконец чего-то добьется? Вместе с отцом они прошли до конца двора и повернули назад.

Из кухни вышел однорукий монах и направился через двор. Ральф замер, потрясенный тем, сколь знакомым выглядит этот человек. Мгновение спустя он вспомнил, кто перед ним: Томас Лэнгли, рыцарь, десять лет назад убивший в лесу воина. С тех пор сквайр его не встречал в отличие от Мерфина, поскольку бывший рыцарь ныне ведал строительством в аббатстве. Вместо дорогой рыцарской одежды Лэнгли теперь носил бурый балахон, а на макушке сверкала выбритая тонзура. Он слегка располнел, но все равно держался со статью бывшего бойца.

Когда Томас проходил мимо, Ральф небрежно сказал лорду Уильяму:

– Вот он, тот таинственный монах.

Уильям резко спросил:

– О чем ты?

– Я про брата Томаса. Некогда он был рыцарем, и никто не знает, что привело его в монастырь.

– Что тебе, черт подери, о нем известно? – В тоне лорда Кастера сквозила угроза, хотя Ральф вроде бы не сказал ничего обидного. Может, у него плохое настроение, несмотря на улыбки красавицы жены.

Сквайр пожалел, что затеял этот разговор.

– Я был тут в тот день, когда он явился в Кингсбридж. – Ральф помедлил, припоминая клятву, которую все дети тогда принесли. Из-за этой клятвы, а еще из-за необъяснимого раздражения Уильяма, он не стал пересказывать историю целиком. – Рыцарь ввалился в город, весь в крови из раны от меча. Мальчишки такое хорошо запоминают.

– Любопытно. – Филиппа посмотрела на мужа. – Ты знаешь подробности истории брата Томаса?

– Конечно, нет, – огрызнулся лорд. – Откуда мне их знать?

Леди пожала плечами и отвернулась.

Ральф с облегчением двинулся дальше.

– Лорд Уильям лжет, – негромко сказал он отцу. – Интересно почему.

– Не задавай больше вопросов про этого монаха. – Отец явно встревожился. – Наверняка тут какая-то щекотливая история.

Наконец появился граф Роланд. Его сопровождал приор Антоний. Рыцари и сквайры уселись в седла. Ральф расцеловал родителей и тоже вскочил в седло. Грифф заплясал под седоком, предвкушая скачку. От резкого движения в сломанном носу заломило, и Ральф заскрипел зубами. Оставалось только терпеть.

Роланд подошел к своему молодому жеребцу Виктори, черному как смоль и с белым пятном над глазом, взялся за поводья и сделал несколько шагов по двору, продолжая беседу с настоятелем.

Лорд Уильям крикнул:

– Сэр Стивен Уигли и Ральф Фицджеральд, езжайте вперед и освободите мост.

Ральф и Стивен пустили коней вскачь по двору. Посетители ярмарки втоптали всю траву в грязь. Большинство лотков свернулись, кое-кто уже уехал, торговали лишь немногие. Кони пролетели сквозь монастырские ворота.

На главной улице Ральф увидел того самого парня, стычка с которым обернулась для него сломанным носом. Этого малого звали Вулфриком, и он был из деревни Уигли, теперь принадлежавшей Стивену. Левая половина его лица, куда в основном пришлись удары Ральфа, вспухла и посинела. Он стоял у таверны «Колокол» с родителями и братом. Похоже, они собирались домой.

«Молись, чтобы нам с тобою никогда больше не встретиться», – мысленно пожелал Ральф.

Хотелось крикнуть что-нибудь оскорбительное, но его отвлек шум.

По мере того как они со Стивеном двигались по главной улице, а кони уверенно ступали по грязи, впереди становилась все заметнее многочисленная толпа. В итоге на полпути вниз с холма пришлось остановиться.

Сотни мужчин, женщин, детей кричали, смеялись, толкались. Все они стояли спинами к Ральфу. Тот присмотрелся поверх голов.

Во главе густой толпы виднелась повозка, запряженная волом. Позади повозки плелась наполовину раздетая женщина. Ральф видел такое не впервые: бичеванием на городских улицах обычно наказывали преступников. На женщине была только юбка грубого сукна, стянутая на поясе веревкой; лицо ее, как различил Ральф, было грязным, волосы спутались, и сперва она показалась сквайру старухой, но затем он разглядел обнаженную грудь и понял, что женщине чуть за двадцать.

Руки женщины были стянуты веревкой, привязанной к заднику повозки. Женщина устало брела по дороге, иногда падала, и тогда ее волокло по грязи до тех пор, пока ей не уда-

валось подняться на ноги. Городской констебль вышагивал следом и полосовал голую спину женщины длинным пастушьим кнутом, что представлял собою отрез кожи на конце палки.

Толпа, подзуживаемая бежавшими впереди юнцами, издевалась над женщиной, выкрикивала ругательства, хохотала, бросалась грязью и мусором. Она веселила зевак, осыпая их проклятиями и плюясь в каждого, кто к ней приближался.

Ральф и Стивен послали коней в толпу.

– Освободите дорогу! – возвысил голос Ральф. – Дорогу графу!

Стивен тоже кричал, требуя расступиться, но никто не обращал на них внимания.

* * *

К югу от аббатства земля круто обрывалась к реке. Берег здесь был каменистым, непригодным для погрузки барж и плотов, так что пристани располагались на более удобном южном берегу, в предместье Новый город. Зато северный берег в это время года радовал глаз зеленой порослью кустарника и дикими цветами. Мерфин и Керис уселись на низкий, нависший над водой выступ.

После дождей река поднялась, течение стало быстрее. Мерфин понимал, отчего это произошло: русло значительно сузилось против прежнего. Все дело было в берегах. Раньше, в его детстве, большая часть южного берега представляла собой широкую заиленную полосу, за которой простиралась болотистая местность. Тогда река текла плавно и величаво, и мальчишкой он переплывал ее на спине с берега на берег. Однако новые пристани, защищенные от паводков каменными стенами, сузили русло, и то же количество воды устремлялось ныне словно в малую воронку, а вода неслась стремглав, будто торопясь поскорее миновать мост. За мостом река снова расширялась, и около острова Прокаженных течение замедлялось.

– Я сделал кое-что ужасное, – признался Мерфин.

К несчастью, сегодня Керис была особенно хороша, в своем темно-красном льняном платье, и ее кожа словно светилась изнутри. В соборе она разозлилась из-за суда над Полоумной Нелл, но теперь казалась разве что озабоченной, и оттого вдруг сделалась какой-то уязвимой; у Мерфина засосало под ложечкой. Керис не могла не заметить, что он всю неделю избегал смотреть ей в глаза. Но его признание будет, пожалуй, хуже всего того, что она успела себе навообразить.

Он ни с кем не разговаривал после ссоры с Гризельдой, Элфриком и Элис. Никто даже не знал, что его дверь погибла. Мерфину очень хотелось с кем-нибудь поделиться, но он сдерживался. С родителями откровенничать не было смысла: мать примется рассуждать, что да как, а отец лишь посоветует быть мужчиной. Конечно, можно было бы потолковать с братом, но после той драки с Вулфриком их отношения стали прохладнее. Мерфин считал, что Ральф повел себя недостойно, и брат это знал.

Признаваться Керис в допущенной глупости было страшно. На мгновение Мерфин задумался, в чем причина этого страха. Он вовсе не боялся того, что она может сделать, когда узнает правду. С Керис станется облить его презрением – в этом она, без сомнения, хороша, – но вряд ли скажет что-то такое, чего он сам не внушал бы себе всю неделю.

Он вдруг понял, что боится сделать ей больно. Мерфин мог стерпеть ее гнев, но причинять ей страдания было для него невыносимо.

– Ты еще любишь меня?

Юноша не ожидал такого вопроса, но ответил сразу:

– Да.

– Я тоже тебя люблю. Со всем остальным мы справимся вместе.

Как бы он хотел, чтобы Керис оказалась права. На глазах выступили слезы сожаления, и Мерфин отвернулся, чтобы Керис ничего не заметила. По мосту брела многолюдная толпа,

следуя за медленно двигавшейся повозкой; ну да, Полоумную Нелл гнали кнутом к перекрестку Висельников в Новом городе. Мост и без того запрудили отъезжающие торговцы со своими повозками, и давка была неизбежна.

– Что случилось? Ты плачешь?

– Я был с Гризельдой, – резко сказал он.

Керис разинула рот.

– С Гризельдой? – с сомнением переспросила она.

– Мне очень стыдно.

– Я-то думала, с Элизабет Клерк.

– Она слишком гордая, чтобы предлагать себя.

Тут Керис задала вопрос, который смутил Мерфина:

– А, так ты пошел бы с нею, если бы она предложила?

– Я не это имел в виду!

– Гризельда! Пресвятая Дева Мария, я думала, что достойна большего.

– Конечно, достойна!

– *Лица*²⁹, – коротко высказалась Керис.

– Она мне даже не нравится. Это было так противно.

– По-твоему, от этого мне легче станет? Хочешь сказать, что не извинялся бы, если бы тебе понравилось?

– Да нет же!

Керис будто нарочно все истолковывала превратно, и Мерфин был близок к отчаянию.

– А что на тебя нашло?

– Она плакала.

– А, чудесно! Значит, ты теперь будешь утешать каждую девушку, которую застанешь в слезах?

– Да погоди ты! Я просто пытаюсь объяснить, как все случилось. Я сам не хотел...

Чем больше он оправдывался, тем сильнее становилось ее презрение.

– Не пори чепухи. Раз не хотел, ничего бы не было.

– Пожалуйста, послушай! – раздраженно воскликнул Мерфин. – Гризельда меня соблазнила, я отказался. Потом она заплакала, я обнял ее, чтобы успокоить, а потом...

– Будь добр, избавь меня от отвратительных подробностей. Я ничего не хочу знать.

Мерфину стало обидно. Он сознавал, что натворил дел, и ждал, что Керис рассердится, но вот презрение ранило.

– Ладно.

Мерфин умолк, но Керис его молчание не устраивало. Она сурово посмотрела на Мерфина и спросила:

– Что-то еще?

Он пожал плечами.

– Чего воздух сотрясать? Ты переиначиваешь все, что я говорю.

– Просто не хочу выслушивать жалкие оправдания. Но ты сказал мне не все.

Мерфин вздохнул.

– Она беременна.

Керис снова его удивила. Ярость сгинула бесследно. Лицо девушки, до того искаженное негодованием, вдруг сделалось умиротворенным. Во взгляде осталась лишь печаль.

– Ребенок... У Гризельды будет ребенок от тебя.

– Может, этого и не случится. Иногда...

Керис покачала головой.

²⁹ Потаскуха (*лат.*).

– Гризельда здоровая и хорошо питается. Никаких причин для выкидыша.
– Я ей этого не желаю, – произнес Мерфин, не вполне уверенный, что говорит правду.
– Что же ты собираешься делать? Это твой ребенок. Ты будешь любить его, даже ненавидя мать.

– Мне придется жениться на ней.

Керис обомлела.

– Жениться? Но ведь это навсегда.

– Я зачал ребенка, мне и заботиться о нем.

– Но провести всю жизнь с Гризельдой!..

– Знаю.

– Нельзя этого делать. Подумай. Отец Элизабет Клерк не женился на ее матери.

– Он был епископом.

– А Мод Робертс со Слотерхаус-дич? У нее трое детей, и все знают, что их отец – Эдвард-мясник.

– Мясник уже женат, у него четверо своих детей.

– Но не всегда люди женятся. Ты можешь жить, как жил раньше.

– Нет, не могу. Элфрик выпшвырнет меня.

Она задумалась.

– Ах вот как! Ты уже говорил с Элфриком.

– Говорил? – Мерфин поднес руку к опухшей щеке. – Я думал, он убьет меня.

– А что моя сестра Элис?

– Орала как резаная.

– Выходит, и она знает.

– Да. Говорит, я должен жениться на Гризельде. Твоя сестра всегда была против нас с тобой. Не знаю почему.

– Она выбрала тебя для себя, – пробормотала Керис.

«Вот так новость, – подумал Мерфин. – Чтобы надменная Элис положила глаз на какого-то подмастерье?»

– Я ничего такого не замечал.

– Потому что не глядел в ее сторону. Оттого-то она теперь такая злая. Элис вышла за Элфрика, чтобы досадить тебе. Ты разбил сердце моей сестре, а теперь разбиваешь мне.

Мерфин отвернулся. Он никогда не считал себя сердцееедом. Почему же так нелепо выходит? Керис молчала. Юноша мрачно уставился на реку и на мост.

Толпа застыла, ни вперед, ни назад. У южного конца моста застряла тяжелая повозка, груженная тюками с шерстью; наверное, колесо сломалось. Та повозка, за которой плелась Полоумная Нелл, не могла двигаться дальше. Вокруг обоих повозок мельтешили люди, кто-то залез на тюки, чтобы лучше видеть. Граф Роланд со свитой тоже пытался выбраться из города. Он сидел верхом у противоположного конца моста, но даже его присным не удавалось разогнать людей. Мерфин заметил брата Ральфа на гнедом коне с черной гривой. Приор Антоний, очевидно пришедший проводить графа, заламывал руки в полном смятении, а люди Роланда верхом теснили горожан, тщетно пытаясь проложить дорогу своему господину.

Мерфин вдруг встревожился. Что-то было не так, он это чувствовал, хотя сначала не понял, что именно. Юноша повнимательнее присмотрелся к мосту. В понедельник он заметил трещины на могучих дубовых балках, что тянулись от быка к быку и были скреплены железными скобами на местах трещин. Его самого к этой работе не привлекали, поэтому раньше Мерфин не очень-то приглядывался к скобам. Помнится, в понедельник он спросил себя, отчего продольные балки могли потрескаться. Ведь трещины появились не на крайних пролетах, как можно было ожидать, если бы дерево подгнило от времени; нет, потрескались те балки, что касались центрального быка, хотя возле него течение должно быть слабее.

Он не задумывался над этой задачей с понедельника – голова была забита иными заботами, – но теперь нашел логичное объяснение. Похоже, что основной бык не столько поддерживает балки, сколько, наоборот, тянет их вниз. Но отсюда следует, что по какой-то причине опора быка становится тоньше. Стоило это сообразить, юноша сразу догадался, как такое могло произойти. Усилившееся течение реки вымыло грунт под быком.

В детстве Мерфин бродил босиком по песчаному берегу, и, когда стоял в воде, позволяя той мочить ему пальцы, набегающие волны вытягивали песок из-под ног. Это всегда приводило мальчика в восторг.

Если он прав, то основной бык не имеет опоры снизу, просто свисает с моста – отсюда и трещины. Железные скобы Элфрика не помогли – скорее напротив: усугубили положение, так как мосту теперь не обрести устойчивость заново под собственным весом.

Мерфин прикинул, что второй, парный бык, ниже по течению, еще стоит на грунте. Течение, конечно же, давит на первый, а вот второму достается куда меньше. Словом, пострадал всего один бык, остальная же конструкция кажется достаточно прочной, чтобы удерживать мост. Тут главное – не допускать перегрузок.

Но сегодня трещины показались ему шире, чем в понедельник. Понять почему, труда не составило. На мосту столпились сотни людей, их было намного больше обычного, а если еще учесть тяжело груженную тюками шерсти повозку, на которую взобрались два десятка человек...

Сердце Мерфина стиснул страх. Он осознал, что мосту не выдержать такой тяжести.

Юноша смутно различал голос Керис, но смысл ее слов не доходил до сознания, пока девушка не воскликнула:

– Ты меня даже не слушаешь!

– Будет беда, – пробормотал юноша.

– Ты о чем?

– Нужно согнать всех с моста.

– Ты спятил? Они мучают Полоумную Нелл. Даже граф Роланд не может проехать. Тебя никто не станет слушать.

– Я боюсь, что мост рухнет.

– Ой, смотри! – Керис внезапно вытянула руку. – Видишь, кто-то бежит по дороге из леса на том берегу.

«Да при чем тут это», – раздраженно подумал юноша, но проследил за направлением указующего пальца Керис. К южному концу моста бежала молодая женщина, ее волосы развевались на бегу.

– Кажется, это Гвенда, – проговорила Керис.

Женщину настигал мужчина в желтой блузе.

* * *

Никогда прежде Гвенда не испытывала такой усталости.

Она знала, что на длинных расстояниях лучше всего чередовать бег и ходьбу: двадцать шагов бегом, двадцать шагом. Полдня назад, когда заметила Сима, она поначалу двигалась именно так. На какое-то время она потеряла Сима из виду, но затем дорога вновь пошла в горку, открывая на обозрение местность позади, и Гвенда увидела, что торговец использует тот же трюк. Миля сменялась милей, час следовал за часом, и Сим нагонял ее. Ближе к полудню девушка поняла, что при такой скорости он догонит ее раньше, чем она доберется до Кингсбриджа.

В отчаянии она свернула в лес, но далеко от дороги не отходила, боясь заблудиться. Вскоре она услышала шаги и тяжелое дыхание и сквозь деревья разглядела Сима. На ровном

участке дороги он догадается об ее хитрости. Так и вышло: спустя некоторое время торгаш вернулся.

Гвенда стала углубляться в лес, каждые несколько минут останавливаясь и прислушиваясь. Ей долго удавалось ускользать, ведь Симу приходилось прочесывать лес по обе стороны дороги, чтобы убедиться, что он не пропустил какого-то укрытия. Но и сама она тоже двигалась медленно, потому что вынуждена была продираться сквозь подлесок и стараться при этом не отходить слишком далеко от дороги.

Услышав в отдалении гул множества голосов, Гвенда поняла, что город совсем близко, возвратилась к дороге и осторожно выглянула из-за кустов. Дорога пустовала в обе стороны, а в четверти мили к северу торчала башня собора.

Почти добралась.

Тут раздался знакомый лай и из придорожных кустов выскочил Скип. Девушка погладила пса, и тот весело завилял хвостом и стал лизать хозяйке руки. На глазах у нее выступили слезы.

Сима не было видно, и Гвенда отважилась выйти на дорогу. Несмотря на усталость, она возобновила прежний ритм движения: двадцать шагов бегом, двадцать – шагом. Теперь рядом бежал счастливый Скип, решивший, что это новая игра. Всякий раз, меняя шаг, девушка оборачивалась через плечо, и на третий раз увидела Сима.

Торгаш был всего в нескольких сотнях ярдов позади.

Отчаяние накрыло волной: захотелось лечь на землю и умереть, – но она уже достигла предместий, спасение совсем рядом. Гвенда заставила себя двигаться дальше, попыталась побежать быстрее, однако ноги не слушались. Лучше всего давался медленный бег вперевалку. Ноги саднило. Опустив голову, она заметила, что сквозь дырявые башмаки сочится кровь. У перекрестка Висельников Гвенда углядела впереди, на мосту, огромную толпу. Все смотрели куда-то в сторону, никто не обращал внимания на Гвенду, которая, спасая свою жизнь, бежала из последних сил. Сим-торгаш нагонял.

У нее был при себе только маленький ножик, годный разве что разрезать жареного зайца, но вряд ли способный отпугнуть сильного мужчину. Как жаль, что у нее не хватило духу вытащить тот длинный кинжал из головы Олвина. Если бы вытащила, не осталась бы беззащитной.

Гвенда двигалась вдоль ряда убогих домиков предместья, где обитали люди, не имевшие средств поселиться в городе; с другой стороны раскинулось принадлежавшее аббатству пастбище Лаверсфилд, Поле Влюбленных. За спиной слышалось хриплое, неровное дыхание Сима, такое же как и ее собственное. Страх придавал девушке сил на последний рывок. Залаял Скип, но не грозно, а трусливо: пес не забыл камень, разбивший ему нос.

Перед мостом растеклась лужа липкой грязи, взбитой башмаками, копытами и колесами повозок. Гвенда перешла лужу вброд, желая всем сердцем, чтобы более тяжелый Сим увяз поглубже.

Наконец она добралась до моста, протолкалась в толпу, менее плотную с этого края. Все пилились туда, где тяжелая, груженная шерстью повозка мешала проехать другой, запряженной одиноким волом. Нужно попасть в дом Керис, до которого почти подать рукой.

– Пустите меня! – кричала Гвенда, протискиваясь вперед.

Кажется, ее расслышал всего один человек. Он повернул голову на ее крик, и она узнала своего брата Филемона. Обеспокоенный брат раскрыл рот в беззвучном крике, попробовал пробиться ей навстречу, но тщетно – толпа не пускала их обоих.

Гвенда попыталась проскользнуть мимо пары волов, впряженных в повозку с шерстью, но один вол тряхнул могучей башкой и девушку откинуло в сторону. Она потеряла равновесие, и в этот миг большая рука больно схватила ее за плечо. Она поняла, что попалась.

– Я поймал тебя, дрянь, – выдохнул Сим, притянул девушку к себе и сильно ударил по лицу. У нее не осталось сил сопротивляться. Скип слабо цапнул Сима за пятку. – Больше тебе от меня не уйти.

Гвенду захлестнуло отчаяние. Все оказалось зря: соращение Олвина, убийство, много миль бегом. Она снова очутилась там, откуда бежала, – в плену у Сима.

Тут мост как будто шевельнулся.

13

Мерфин увидел, как мост рушится.

У ближнего быка посередине полотна моста вдруг осело, будто лошадь, которой переломили хребет. Люди, что мучили Полоумную Нелл, внезапно перестали ощущать под ногами привычную твердь. Все зашаталось, принялись хвататься за соседей. Кто-то упал через перила в воду, за ним последовал другой, потом еще. Свист и улюлюканье, выпавшие на долю Нелл, быстро потонули в окриках, божбе и воплях ужаса.

– О нет! – выдохнул Мерфин.

– Что происходит? – недоуменно воскликнула Керис.

«Все эти люди, – хотелось ответить Мерфину, – все те, с кем мы выросли: женщины, которые были к нам добры; мужчины, которых мы ненавидим; дети, которые нами восхищаются; матери и сыновья; дядья и племянники; жестокие наставники; заклятые враги и страстные любовники – все они сейчас погибнут». Однако юноша не мог произнести ни слова.

На какой-то миг – короче вдоха – он понадеялся, что мостовая конструкция после оседания закрепится в новом положении, но надежда не сбылась. Мост снова просел. Скрепленные скобами балки начали вырываться из пазов. Доски полотна, на которых стояли люди, вздыбливались; выламывались поперечные крепления, что поддерживали проезжую часть моста; падали в воду железные скобы, прибитые Элфриком поперх трещин.

Центральная часть моста накренилась к воде той стороной, что была ближе для Мерфина, стороной вверх по течению. Повозка с шерстью заскользила вниз, с нее кубарем посыпались те, кто совсем недавно радовался, забираясь на тюки. Огромные бревна вылетали из креплений и падали, губя всякого, кто не успел отскочить. Перила не удержали, и повозка медленно подползла к краю; беспомощные вола в постромках громко ревели от страха. Неторопливо, словно в страшном сне, повозка перевалилась через край и с оглушительным плеском ударилась о воду. Десятки людей очутились в воде, кто упал, кто спрыгнул сам, и их становилось все больше. На тех, кто барахтался в реке, сверху сыпались человеческие тела и вывороченные бревна, крупные и поменьше. Падали верховые лошади, с седоками и без, а следом летели повозки.

Первая мысль Мерфина была о родителях. Они вряд ли ходили на судилище над Нелл и вряд ли отправились смотреть на казнь: мать считала посещение подобных зрелищ ниже своего достоинства, а отца мало интересовала расправа с жалкой сумасшедшей. Вместо того они пошли в аббатство, чтобы попрощаться с Ральфом.

Однако сам Ральф сейчас на мосту.

Мерфин присмотрелся и различил фигуру брата: тот пытался обуздать своего Гриффа, который встал на дыбы и бил по воздуху передними копытами.

– Ральф! – крикнул юноша. Бесполезно, не слышит. Тут доски под задними копытами Гриффа полетели в воду. Конь и всадник скрылись под водой. – Нет, нет!

Взгляд Мерфина будто сам собою переместился на другой конец моста, туда, где Керис заметила Гвенду, и юноша разглядел, как Гвенда дерется с мужчиной в желтой блузе. Затем доски с бревнами разошлись, и рухнувшая середина затянула в воду оба края моста.

Поверхность реки усеивали отчаянно барахтавшиеся люди, обезумевшие от страха лошади, расколотые бревна, раздавленные повозки и окровавленные тела. Мерфин вдруг сообщил, что Керис уже нет рядом: она торопилась к мосту, пробиралась по камням, пускалась бегом по склизкому берегу. Девушка обернулась и крикнула:

– Скорей! Чего ты встал? Надо помочь!

* * *

«Так, наверное, бывает на полях сражений, – думал Ральф. – Истошные крики, безудержное насилие вокруг, люди валятся как подкошенные, лошади заходятся в безумном ржании». Это была его последняя мысль перед тем, как он словно провалился в какую-то яму.

На мгновение сердце стиснул ледяной холод. Ральф никак не мог понять, что же произошло. Только что мост был под ним, под копытами его коня, а потом внезапно исчез, и они с конем рухнули в пропасть. Затем и привычные на ощупь бока Гриффа выдернулись из-под бедер, и спустя миг Ральф погрузился в холодную воду.

Он поспешно задержал дыхание. Приступ ужаса миновал, ему было по-прежнему страшно, однако он отчасти успокоился. В детстве ему доводилось играть на морском берегу – среди владений отца было одно приморское селение, – и Ральф знал, что рано или поздно вынырнет на поверхность, пусть и не сразу. Промокшая одежда для верховой езды и меч тянули вниз. Будь на нем доспехи, он наверняка остался бы на дне навсегда. А так – голова сквайра показалась над водой, и он жадно глотнул воздуха.

Мальчишкой он много плавал, но это было давно. Впрочем, тело само вспомнило необходимые движения, и у Ральфа получилось удерживать голову над водой. Он стал пробираться сквозь обломки и тела к северному берегу. Рядом мелькнули рыжий круп и черная грива Гриффа; конь тоже плыл к ближнему берегу.

Вот Грифф вскинул голову, и Ральф понял, что конь нащупал опору под копытами. Сквайр попробовал опустить ноги и обнаружил, что достает до дна. Тогда он побрел к берегу. Илистое дно затягивало, течение норовило оттащить обратно на середину реки. Грифф выбрался на узкую полоску суши под стенами аббатства, и Ральф последовал за конем.

На берегу он оглянулся. В воде, как ему показалось, было несколько сотен человек, кто в крови, кто звал на помощь, а рядом плавали бездыханные тела. Неподалеку от кромки воды лежал на отмели лицом вниз мужчина в черно-красной ливрее графа Ширинга. Ральф спустился обратно, схватил мужчину за пояс и выволок на берег.

Когда он перевернул тяжелое тело, сердце стиснула горечь: это оказался его друг Стивен. На лице ни царапины, но грудь словно вдавлена. В широко раскрытых глазах никаких признаков жизни, дыхание не ощущалось. Тело было настолько искалечено, что ловить на слух биение сердца представлялось бессмысленным. «Совсем недавно я ему завидовал, – подумал Ральф, – а теперь посудите, кто из нас счастливчик».

Испытывая непонятное чувство вины, он закрыл Стивену глаза.

Что с родителями? Всего несколько минут назад они расстались у конюшни. Даже если родители пошли за ним, то вряд ли успели дойти до моста. Выходит, с ними все должно быть в порядке.

А где леди Филиппа? Ральф постарался восстановить в памяти мгновения перед крушением моста. Лорд Уильям и его супруга ехали в хвосте графской свиты и не успели добраться до моста.

Зато граф добрался.

Перед мысленным взором возникла четкая картина: граф Роланд находился чуть позади и нетерпеливо посылал своего коня Виктори в те прорехи в толпе, какие удавалось расчистить Ральфу со Стивеном. Значит, граф должен был упасть недалеко от Ральфа.

Сквайр будто наяву услышал голос отца: «Будь начеку, не уппусти случая угодить графу». «Возможно, это и есть тот самый случай показать себя, – подумалось Ральфу. – Может, не придется ждать войны; может, удастся отличиться сегодня». Он спасет графа Роланда – или хотя бы Виктори.

Мысль придала сил. Ральф оглядел реку. Граф сегодня облачился в багрянец и накинул черный бархатный плащ. Увы, в скоплении тел на воде, живых и мертвых, было трудно что-либо разобрать, но все-таки Ральф высмотрел черного жеребца с характерным белым пятном над глазом, и сердце подпрыгнуло в груди: это был конь графа. Виктори отчаянно бился в воде и почему-то не плыл к берегу: наверное, сломал ногу, а то и не одну.

Рядом плыла мужская фигура в багреце.

Вот и случай угодить.

Ральф скинул верхнюю одежду – та мешала плыть, – в одних подштанниках нырнул обратно в реку и поплыл к графу. Пришлось продираться сквозь скопище мужчин, женщин и детей. Многие норовили ухватиться за него и замедляли его продвижение. Он безжалостно отпихивал тонущих и не скупился на оплеухи.

Наконец он доплыл до Виктори. Тот перестал дрыгаться, на мгновение замер, а потом начал тонуть. Когда его голова ушла под воду, конь встрепенулся и вновь забился.

– Ничего, дружок, ничего, – прошептал Ральф коню в ухо, будучи уверен, что животное обречено.

Роланд плавал на спине, глаза его были закрыты; граф то ли потерял сознание, то ли распрощался с жизнью. Одна нога застряла в стремях – наверное, именно поэтому он не пошел ко дну. Шапка слетела, макушка представляла собой кровавое месиво. «После такого никто не выживет, – подумал Ральф, но он не собирался оставлять своего господина. – За тело наверняка полагается награда, если это тело графа».

Сквайр попытался высвободить ногу Роланда из стремени, но сообразил, что стопу крепко зажал перекрученный ремень. Он потянулся за ножом, но вспомнил, что тот висел на поясе, а значит, остался на берегу вместе с одеждой. Ладно, воспользуемся графским. Ральф на ощупь вытащил из ножен кинжал Роланда.

Судороги Виктори мешали перерезать ремень. Стоило схватиться за стремя, как гибнущий конь дергался и вырывал ремень из рук, прежде чем удавалось поднести кинжал к полоске кожи. Ральф даже ухитрился порезать ладонь, но в конце концов он уперся обеими ногами в круп Виктори и в этом положении сумел-таки рассечь ремень.

Теперь требовалось вытащить неподвижное тело графа на берег. Ральф был не слишком опытным пловцом и уже начал задыхаться от усталости. Кроме того, его нос был сломан, дышать приходилось только ртом, и в горло постоянно попадала речная вода. Он постарался восстановить дыхание, опираясь на несчастного Виктори, но тело графа, лишившись опоры, стало погружаться в воду, и Ральф понял, что отдыхать некогда.

Правой рукой он схватил Роланда за лодыжку и погреб к берегу. Теперь, когда свободной оставалась всего одна рука, плыть стало намного сложнее. Ральф не оглядывался на Роланда: пускай голова графа скрылась под водой, тут ничего не поделаешь. Сердце бешено колотилось, дыхание сделалось прерывистым, руки и ноги болели.

К такому его не готовили. Молодой и сильный, он всю жизнь проводил в охотах и на турнирах, бился на мечах, мог целый день просидеть в седле, а вечером одержать победу в кулачном поединке. Но теперь обстоятельства вынуждали полагаться на мышцы, которые он прежде не разрабатывал. От необходимости удерживать голову над водой разболелась шея. Он постоянно глотал воду, кашлял и давился, бешено колотил по воде левой рукой – и едва ухитрился остаться на плаву. Увесистое тело графа еще больше отяжелело от промокшей одежды. К берегу Ральф приближался нестерпимо медленно.

Наконец он оказался достаточно близко для того, чтобы нащупать ногами дно. Жадно хватая ртом воздух и продолжая тянуть за собой Роланда, Ральф двинулся по отмели. Когда воды стало по бедра, он повернулся, поднял графа на руки и преодолел последние несколько шагов до суши.

Опустив тело наземь и обессиленно рухнув рядом, предельным усилием он заставил себя припасть ухом к груди Роланда. Сердце графа громко стучало.

Роланд был жив.

* * *

Обрушение моста заставило Гвенду замереть в ужасе. Мгновение спустя внезапное погружение в холодную воду привело ее в чувство.

Когда ее голова вынырнула на поверхность, девушка поняла, что очутилась в окружении истошно вопивших и бранившихся людей. Кому-то удалось подыскать себе тот или иной деревянный обломок и плавать уже на нем, однако едва ли не каждый второй держался на поверхности, повиснув на соседе. Те, на ком висли, чувствовали, разумеется, что тонут, и отчаянно отбивались, норовя вырваться. Многие удары приходились в пустоту, а на те, что достигали цели, обычно следовал ответ, и все происходящее напоминало ночную драку у кингсбриджской таверны. Было бы смешно, если бы вокруг не гибли люди.

Гвенда набрала воздуха и скрылась под водой. Плавать она не умела.

Когда она снова вынырнула, то обомлела, увидев прямо перед собою Сима-торгаша. Тот выпустил изо рта струю воды – точно фонтан забил – и стал погружаться, поскольку, судя по всему, тоже не умел плавать. Спасая свою жизнь, он ухватился за плечо Гвенды и попытался опереться на девушку. Она сразу же ушла вниз. Сим осознал, что такая опора его не спасет, и отпустил Гвенду.

Оставаясь под водой, задерживая дыхание и стараясь справиться со страхом, девушка думала, что будет очень обидно утонуть после всего, что ей пришлось вынести.

Снова оказавшись на поверхности, она ощутила мощный тычок и заметила боковым зрением вола, того самого, что пихнул ее в сторону за миг до крушения моста. По всей видимости, вол ничуть не пострадал и теперь уверенно двигался к берегу. Гвенда вытянула руку, дергая ногами изо всех сил, и уцепилась за рог животного. Это ее движение чуть наклонило воловью башку к воде, но вол распрямил могучую шею и снова вскинул голову.

Гвенде удалось-таки удержаться.

Рядом откуда-то появился Скип. Пес плыл легко и поскуливал от радости, что хозяйка рядом.

Вол двигался к тому берегу, где располагалось предместье. Гвенда цеплялась за рог, хотя пальцы то и дело норовили соскользнуть.

Кто-то схватился за нее, она обернулась через плечо и вновь увидела перед собою Сима. Торгаш опять потянул ее под воду, желая выплыть. Гвенда, не выпуская из пальцев воловий рог, свободной рукой отпихнула Сима. Тот отстал, его голова оказалась недалеко от ног Гвенды. Девушка изловчилась и изо всех сил ударила его в лицо. Сим вскрикнул от боли, но крик быстро стих, ибо торгаш с головой скрылся под водой.

Вол нащупал дно, отряхнулся и, тяжело сопя, выбрался на сушу. Гвенда отпустила животное, едва коснувшись ногами дна.

Скип вдруг испуганно залаял, и девушка настороженно обернулась. На берегу Сима не было. Она оглядела реку, высматривая среди тел и деревянных обломков желтую блузу.

Вон он, держится за бревно, сучит ногами и плывет напрямик к ней.

Бежать не было возможности. Силы иссякли, платье промокло насквозь и отяжелело. Спрятаться на этой стороне реки было негде, а на другую теперь, когда моста нет, уже не перебраться.

Но так просто она не дастся!

Гвенда видела, что Симу трудно, и это ее ободрило. Пожалуй, он бы благополучно плыл себе дальше, деревяшка не позволила бы ему утонуть, но он все старался добраться до берега,

и собственные старания его топили. Сим заползал на бревно, приподнимался, пытался грести руками и ногами – потом срывался, и его голова погружалась в воду. Похоже, до берега ему не доплыть.

Тут Гвенда поняла, что нужно сделать, чтобы от него избавиться.

Она поспешно осмотрелась. В воде было полным-полно обломков – от огромных опорных бревен до мелких щепок. На глаза попалась крепкая деревяшка около ярда в длину. Девушка зашла обратно в воду и поймала эту палку, а потом двинулась дальше по отмели навстречу недавнему хозяину.

Ей доставил удовольствие страх, промелькнувший в его взгляде.

Сим бросил грести. Перед ним была женщина, которую он пытался сделать товаром, разъяренная, решительная, с дубиной в руках. А позади лежала пучина, сулившая гибель.

Он выбрал то, что ожидало впереди.

Гвенда стояла по пояс в воде и ждала.

Вот Сим вновь остановился, и по его движениям стало понятно, что он пытается нащупать ногами дно.

Сейчас или никогда.

Гвенда занесла деревяшку над головой и шагнула вперед. Сим догадался, что у нее на уме, и заработал конечностями, чтобы отплыть подальше, но Гвенда застала его врасплох – он не мог ни уплыть, ни убежать, а увернуться попросту не имел возможности. Девушка со всего размаха опустила свою дубину на его голову.

Глаза Сима закатились, и он сполз по бревну, лишившись чувств.

Гвенда вцепилась в его желтую блузу. Нет, она не позволит ему уплыть, этот мерзавец запросто может выжить. Она подтащила Сима ближе, взялась обеими руками за его голову – и погрузила под воду.

Удерживать его под водой было труднее, чем она думала, пусть даже он оставался без сознания. Его сальные волосы оказались скользкими. Пришлось зажать его голову под мышкой и оттолкнуться ногами ото дна, чтобы своим весом притопить торгаша.

Начало казаться, что она справилась. Сколько нужно времени, чтобы утопить человека? Этого Гвенда не знала. Наверное, легкие Сима уже заполнились водой. Как понять, когда можно отпускать?

Вдруг Сим задргался. Гвенда крепче стиснула его голову. Целое мгновение она была вынуждена держать его так. Не знала, то ли он приходит в себя, то ли это предсмертные судороги. Он дергался сильно, но как-то суматошно. Ноги Гвенды снова коснулись дна, и она встала, продолжая стискивать голову Сима.

Девушка огляделась. Как будто на нее никто не смотрел, все думали лишь о том, как бы выжить самим.

Спустя несколько мгновений движения Сима сделались вялыми, а вскоре и вовсе затихли. Постепенно Гвенда ослабила хватку. Торгаш медленно пошел ко дну.

Больше он не всплывал.

Тяжело дыша, Гвенда добрела до берега, устало уселась на склизкую землю, ощупала пояс, гадая, на месте ли кошель. Тот никуда не делся: разбойники на него почему-то не позарились, и она сумела сохранить кошель во всех испытаниях. Внутри лежало бесценное приворотное зелье, приготовленное знахаркой Мэтти. Гвенда открыла кошель, желая в том удостовериться, и увидела глиняные осколки. Флакончик с зельем разбился.

Тогда Гвенда заплакала.

* * *

Первым человеком, творившим хоть что-то осмысленное, оказался брат Мерфина. Керис мимоходом отметила, что на Ральфе не было никакой другой одежды, кроме мокрого исподнего. Сквайр не пострадал при падении с моста, а нос ему, помнится, сломали раньше. Он вытащил из воды графа Ширинга и положил на берегу, рядом с телом в графской ливрее. На голове графа виднелась жуткая рана, вполне возможно – смертельная. Ральф явно выбился из сил и, похоже, не знал, что делать дальше. Керис прикинула, что бы ему поручить.

Девушка огляделась. На этом берегу илистые выходы к воде чередовались с каменистыми выступами. Места было не так много, сложить раненых и тела погибших толком негде, нужно поискать другой подходящий участок земли.

В нескольких ярдах в стороне пролет каменных ступеней вел от реки к воротам в стене аббатства. Керис приняла решение и, ткнув пальцем в ступеньки, велела Ральфу:

– Отнеси графа в аббатство. Положи в соборе, только осторожно, потом беги в госпиталь. Скажи первой же монахине, какую встретишь, чтобы срочно позвала мать Сесилию.

Ральф, очевидно, обрадовался, что нашелся кто-то, кому можно повиноваться, и поспешил подчиниться.

Мерфин было забрел в воду, но Керис его остановила.

– Посмотри на этих болванов! – Она указала на городской конец рухнувшего моста, где десятки людей на том берегу глупо таращились на развалины. – Зови сюда сильных мужчин. Пусть начинают вытаскивать людей из воды и переносить в собор.

Мерфин помедлил.

– Здесь к воде не подойти.

Керис не составило труда понять, что он имеет в виду. Спасателям придется карабкаться по обломкам, что почти наверняка обернется новыми увечьями. Впрочем, у домов с этой стороны главной улицы имелись огороды, примыкавшие к монастырским стенам, а во дворе Бена-колесника, чей дом стоял на углу, была калитка, позволявшая спускаться напрямик к реке.

Мерфин подумал о том же.

– Я проведу их через двор Бена.

– Верно.

Юноша перебрался через камни, толкнул калитку и скрылся из виду.

Керис вновь уставилась на воду. Поблизости бродил по отмели высокий мужчина, в котором она узнала Филемона.

– Ты видела Гвенду? – прохрипел он.

– Да, как раз перед тем, как рухнул мост, – ответила Керис. – Она убегала от Симаторгаша.

– Знаю. А потом куда подевалась?

– Больше я ее не видела. Давай помогай, вытаскивай людей из воды.

– Я хочу найти сестру.

– Если она жива, то должна быть среди тех, кому нужно выбраться из реки.

– Ладно.

Филемон зашел глубже в воду. Керис тоже терзали мысли об отце, но она не могла отвлекаться – столько всего следовало сделать! Она пообещала себе, что поищет отца, как только представится возможность.

Из калитки вышел Бен-колесник, приземистый, широкоплечий и с толстой, как у быка, шеей. Он мастерил повозки и по роду занятий больше привык работать руками, чем головой. Бен спустился к берегу и растерянно осмотрелся.

На земле у ног Керис лежал один из людей графа Роланда в черно-красной ливрее – судя по всему, мертвый. Девушка распорядилась:

– Бен, отнеси этого человека в собор.

Появилась жена колесника Либ с младенцем на руках. Она была посообразительнее мужа и потому спросила:

– Может, сначала заняться живыми?

– Сперва нужно вытащить всех из воды, чтобы понять, кто мертвый, а кто живой. На берегу тела оставлять нельзя, они могут помешать спасателям. Так что несите его в собор.

Либ поняла, что это разумно.

– Делай, как говорит Керис, Бен.

Колесник легко подхватил тело и пошел к аббатству.

Керис пришло в голову, что быстрее будет переносить тела на носилках вроде тех, какими пользуются строители. С этим могли бы помочь монахи. Но где они? Она же велела Ральфу позвать мать Сесилию, но пока из аббатства никто не выходил. А раненым требуются повязки, мази, раствор для промывания ран; на счету будет каждый монах, каждая монахиня. Еще нужно позвать Мэтью-цирюльника – наверняка придется вправлять множество переломанных костей. И Мэтти-знахарка пригодится, будет поить своими отварами, чтобы унять боль. Всем придется заниматься самой, но Керис не хотела уходить с берега, не наладив спасение людей из реки. Где же Мерфин?

По отмели ползла какая-то женщина. Керис бросилась в воду, помогла женщине подняться на ноги и узнала Гризельду. Мокрое платье облепило ее тело, и Керис рассмотрела полную грудь и округлые бедра. Вспомнив, что Гризельда беременна, она с тревогой спросила:

– Ты цела?

– Кажется, да.

– Не поранилась?

– Нет.

– Хвала небесам.

Керис снова стала озираться и облегченно вздохнула, заметив Мерфина, который показался из калитки Бена-колесника во главе целого отряда мужчин. На некоторых были графские ливреи. Она крикнула Мерфину:

– Помоги Гризельде дойти до аббатства! Ей нужно отдохнуть. – И ободряюще прибавила: – У нее все в порядке.

Мерфин и Гризельда удивленно воззрились на Керис, и девушка вдруг осознала всю нелепость этого положения. Все трое так и застыли: будущая мать, отец ее ребенка и женщина, которая его любит.

Потом Керис спохватилась и принялась раздавать указания спасателям.

* * *

Гвенда немного поплакала, затем взяла себя в руки. Плакала она, конечно, вовсе не из-за разбитого флакона – Мэтти сделает новое зелье, а Керис заплатит, если обе живы. Нет, слезы были вызваны всем, что ей пришлось пережить за последние двадцать четыре часа: от предательства отца до сбитых в кровь ног.

Она несколько не раскаивалась, что убила двух человек. Сим и Олвин пытались ею завладеть и хотели пустить по рукам. Они заслужили свою смерть. Более того, это даже не посчитают убийством, поскольку поднимать руку на разбойников не признавалось преступлением. Но все же Гвенда никак не могла унять дрожь в руках. Она искренне радовалась, что сумела одолеть насильников и вырваться на свободу, однако ее мучило от воспоминаний о том, что пришлось сделать. Никогда ей не забыть, как дергался под мышкой тонущий Сим. А кончик кинжала

Олвина, торчавший из глазницы разбойника, и подавно будет преследовать ее в страшных снах. Гвенду колотила дрожь, и отделаться от этих мысленных картин никак не удавалось.

Она постаралась подумать о чем-то другом. Кто еще погиб? Родители собирались уйти из Кингсбриджа накануне. А что с Филемоном? С лучшей подругой Керис? С Вулфриком, которого она любит?

Девушка поглядела за реку. Что ж, насчет Керис можно не беспокоиться. Подруга была на дальнем берегу, стояла рядом с Мерфином и как будто руководила теми, кто собирался вытаскивать людей из воды. Благодарение небесам! По крайней мере теперь Гвенда знала, что не осталась совсем одна в этом мире.

Но что с Филемоном? Она видела брата перед тем, как рухнул мост. Он должен был свалиться в реку недалеко от нее, однако сейчас его нигде не было видно.

А где Вулфрик? Вряд ли он был среди тех, кто любовался бичеванием ведьмы, которую гнали по городским улицам. Однако их семейство вроде бы намеревалось возвращаться сегодня в Уигли, и возможно – Господи, не попусти, – что они пересекали мост в миг обрушения. Гвенда пристально оглядела реку, высматривая знакомые русые волосы с рыжеватым отливом, и молилась про себя, желая увидеть, как Вулфрик плывет к берегу, а не плавает лицом вниз. Увы, сколько ни вглядывалась, Вулфрика она не заметила.

Девушка решила перебраться на тот берег. Плавать она не умела, но прикинула, что крепкая доска удержит ее на поверхности и она сможет переплыть реку, загребая руками. Отыскала подходящую на вид доску, вытащила на сушу, отволокла ярдов на пятьдесят вверх по течению, подальше от скопления тел, и снова зашла в воду. Скип бесстрашно последовал за хозяйкой. Грести оказалось труднее, чем ожидала Гвенда: мокрое платье изрядно мешало, – но все-таки девушка благополучно переправилась.

Она подбежала к Керис, и подруги обнялись.

– Что с тобою случилось? – спросила Керис.

– Я сбежала.

– А Сим?

– Он был разбойником.

– Был?

– Он умер.

Керис вытаращила глаза.

Гвенда поспешила прибавить:

– Он погиб, когда рухнул мост. – Знать подробности не нужно даже лучшей подруге. – Ты не видела моих?

– Твои родители покинули город вчера, а с Филемоном я говорила несколько минут назад, он искал тебя.

– Слава богу! А Вулфрик?

– Не знаю. Из реки его не выносили. Его невеста уехала вчера, но родители и брат утром были в соборе, на судилище над Полоумной Нелл.

– Я поищу его.

– Удачи.

Гвенда побежала вверх по ступеням, выскочила во двор аббатства. Немногочисленные торговцы укладывали скарб, и казалось поистине немыслимым, что они занимаются столь будничным делом, когда в реке только что погибли сотни людей. Но тут Гвенде пришло в голову, что мало кто, наверное, осведомлен о случившемся: все произошло недавно, хотя чудилось, будто с обрушения моста миновала вечность.

Девушка прошла в ворота аббатства и очутилась на главной улице. Семья Вулфрика остановилась на ночлег в «Колоколе». Гвенда вбежала во двор.

Возле бочки с элем стоял какой-то испуганный подросток.

Гвенда обратилась к нему:

– Я ищу Вулфрика из Уигли.

– Тут никого нет, – ответил мальчишка. – Я подмастерье, меня оставили сторожить пиво. Должно быть, кто-то проявил смекалку и созвал всех к реке.

Гвенда побежала обратно на улицу – и в воротах столкнулась с Вулфриком.

Она так обрадовалась, что кинулась ему на шею.

– Ты жив, Господь тебя уберег!

– Так это правда, что мост рухнул?

– Правда. Там жуть что было. Где твои родичи?

– Ушли. Я остался забрать должок. – Вулфрик показал маленький кожаный кошель. – Надеюсь, их не было на мосту, когда тот рухнул.

– Я знаю, как это выяснить. Пойдем со мной.

Гвенда взяла парня за руку, повела во двор аббатства, и Вулфрик шагал послушно, не норовил высвободиться. Никогда прежде она так долго не держала его за руку – большую, с загрубевшими от работы пальцами и мягкой ладонью. Гвенда млела, несмотря на все, что случилось.

Вдвоем они пересекли двор и зашли в собор.

– Сюда приносят пострадавших, которых вытащили из реки, – пояснила Гвенда.

На каменном полу лежало около трех десятков тел, и постоянно приносили новые. Монахини, рядом с мощными колоннами казавшиеся карликами, ухаживали за ранеными. Руководил ими, похоже, слепой монах, регент монашеского хора.

– Кладите мертвых на северную сторону, – распоряжался он, когда Гвенда и Вулфрик вошли в неф, – а раненых на южную.

Вдруг юноша страшно вскрикнул. Гвенда проследила за его взглядом и увидела среди раненых его брата Дэвида. Оба опустились на колени рядом с телом. Дэвид был на пару лет старше Вулфрика и отличался таким же статным сложением. Дэвид дышал, глаза его были открыты, но как будто ничего и никого не видели.

– Дэйв! – тихо, но настойчиво позвал юноша. – Дэйв, это я, Вулфрик.

Гвенда ощутила под рукой что-то липкое и внезапно поняла, что Дэвид лежит в луже крови.

Вулфрик продолжал:

– Дэйв, где мама с папой?

Ответа не было.

Девушка осмотрелась и увидела мать Вулфрика – на дальней стороне нефа, в северном приделе, куда Карл Слепой велел относить трупы.

– Вулфрик, – тихо окликнула она.

– Что?

– Твоя мама.

Юноша приподнялся. С его губ сорвался стон.

– О нет!..

Мать Вулфрика лежала рядом с сэром Стивеном, лордом Уигли; теперь, в смерти, они стали равны. Казалось едва ли возможным, что столь маленькая женщина произвела на свет сразу двух таких больших сыновей. При жизни бойкая и неумная, сейчас она выглядела хрупкой куклой, бледной и худой. Вулфрик положил руку ей на грудь, пытаясь прощупать сердце. Когда он чуть надавил, из ее рта вытекло немного воды.

– Утонула, – прошептал он.

Гвенда обняла его широкие плечи, норовя утешить, но было непонятно, почувствовал он ее прикосновение или нет.

Воин в черно-красной ливрее графа Роланда внес безжизненное тело крупного мужчины. Вулфрик сдавленно охнул: это был его отец.

Девушка попросила:

– Положи здесь, рядом с женой.

Вулфрик словно окаменел. Он ничего не говорил и, похоже, отказывался что-либо понимать. Гвенда тоже ощущала полную растерянность. Чем она могла в это мгновение ободрить человека, которого любила? Все приходившие на ум слова казались глупыми. Она очень хотела утешить Вулфрика, но не знала, как это сделать.

Юноша не отрываясь смотрел на тела родителей, а Гвенда перевела взгляд на его брата Дэвида. Тот не шевелился. Девушка подбежала к нему. Глаза Дэвида слепо глядели в свод, он больше не дышал. Гвенда приложила руку к его груди: сердце не билось.

Как Вулфрик справится?

Гвенда вытерла слезы и вернулась к юноше. Скрывать правду было бессмысленно.

– Дэвид тоже умер.

Вулфрик смотрел на нее пустым взглядом, словно не понимая. Гвенду посетила ужасная мысль: а вдруг от горя он повредился рассудком?

Наконец Вулфрик прошептал:

– Все. Все трое. Все погибли. – Он поглядел на Гвенду, в его глазах стояли слезы.

Она обвила его руками: крупное тело Вулфрика содрогалось от безудержных рыданий – и крепко-крепко прижала юношу к себе.

– Бедный Вулфрик, – повторяла она. – Бедный любимый мой Вулфрик.

– Слава богу, у меня еще есть Аннет, – произнес он.

* * *

Часом позже тела погибших и раненых покрыли почти весь пол собора. Помощник настоятеля Карл Слепой стоял посреди этих тел, рядом расположился тонколицый казначей брат Симеон, который подсказывал незрячему регенту. Карлу пришлось принять бразды правления, поскольку приора Антония никто не мог найти.

– Брат Теодорик, ты? – спросил регент, безошибочно узнав походку светлогожего голубоглазого монаха. – Найди могильщика, скажи, чтобы взял в помощь шестерых сильных мужчин. Нам понадобится по меньшей мере сто новых могил: в это время года нельзя затягивать с похоронами.

– Уже иду, брат, – откликнулся Теодорик.

Керис поразились тому, сколь толково распоряжался Карл, несмотря на свою слепоту.

Мерфин остался руководить спасательными работами на реке, а сама Керис ушла оттуда. Убедилась, что монахи и монахини знают о беде, потом разыскала Мэтью-цирюльника и Мэтти-знахарку, а затем отправилась на поиски своих.

На мосту в миг крушения находились только дядя Антоний и Гризельда. Отца девушка нашла в здании гильдейского собрания, заодно с Буонавентурой Кароли. Эдмунд пробурчал: «Теперь-то им придется построить новый мост!» – и заковылял к реке, помогать вытаскивать людей из воды. Остальные родственники ничуть не пострадали: тетка Петранилла кухарила дома, сестра Элис сидела с Элфриком в таверне «Колокол», двоюродный брат Годвин проверял в соборе, как идет восстановление алтарной части.

Гризельда благополучно отбыла домой. Об Антонии до сих пор не было никаких известий. Керис не жаловала дядю, но отнюдь не желала ему смерти, а потому с тревогой косилась на тела, которые все несли и несли с берега.

Мать Сесилия и монахини промывали раны, втирали мед, чтобы обеззаразить места порезов, накладывали повязки и подносили укрепляющий, горячий, сдобренный пряностями

эль. Мэтью, опытный врач, побывавший во многих схватках, трудился бок о бок с тучной Мэтти. Знахарка поила раненых успокоительным, а цирюльник затем вправлял поломанные руки и ноги.

Керис прошла в южный трансепт. Там, подальше от шума, суеты и крови, старшие врачи-монахи сустились вокруг по-прежнему неподвижного тела графа Ширинга. С графа сняли мокрую одежду и накрыли тяжелым одеялом.

– Он жив, – сказал Годвин, – но ранение весьма серьезное. – Ризничий показал на макушку графа: – Раздроблена часть черепа.

Керис присмотрелась через плечо двоюродного брата. Череп графа напоминал раздавленную корку пирога, смоченную кровью. В отверстиях даже виднелось серое вещество. Конечно, столь страшные ранения вряд ли возможно исцелить.

Брат Иосиф, старший по возрасту среди врачей, считал, видимо, так же. Он потер свой большой нос и прошепелявил:

– Необходимы мощи святого. Они наша лучшая надежда на исцеление.

Керис не очень-то верила в целительную силу мощей давно почившего святого, но вслух ничего не сказала. Зная, что в этом отношении она сильно отличается от остальных, девушка редко осмеливалась делиться своим мнением.

Сыновья графа, лорд Уильям и епископ Ричард, стояли поблизости. Высокий черноволосый и бравый Уильям выглядел более молодой копией человека, лежавшего без сознания. У Ричарда волосы были светлее, а тело дороднее. Возле них находился брат Мерфина Ральф.

– Это я вытащил графа из воды, – сообщил он.

Керис уже второй раз слышала от него эти слова.

– Да, молодец, – отозвался Уильям.

– А вы ничем не можете помочь графу? – обратилась к монахам леди Филиппа, явно раздосадованная, как и Керис, словами брата Иосифа.

Годвин ответил:

– Самое сильное средство – молитва.

Мощи святого Адольфа хранились в реликварии под главным алтарем. Когда Годвин и Иосиф ушли за ними, Мэтью-цирюльник наклонился над графом и осмотрел рану на голове.

– Так не лечат, – проворчал он. – Никакой святой тут не поможет, с таким лечением.

Лорд Уильям сурово спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

Керис решила, что лорд и вправду очень похож на графа, даже говорит как отец.

– Череп ничем не отличается от других костей, – ответил Мэтью. – Он может срастись сам, но нужно правильно свести осколки. Иначе срастется криво.

– То есть ты знаешь лучше монахов?

– Милорд, монахи ведают, как призвать помощь потустороннего. Я лишь вправляю поломанные кости.

– А откуда у тебя такие познания?

– Много лет я служил хирургом при королевских отрядах. Воевал с шотландцами вместе с графом Роландом. Словом, мне довелось повидать проломленные головы.

– Что ты можешь сделать для моего отца?

От напора Уильяма Мэтью заметно разволновался, как показалось Керис, однако говорил уверенно:

– Я бы вынул частички сломанной кости из мозга, промыл их и попытался сложить снова.

Керис приглушенно ахнула. Она не смела и вообразить столь дерзкую затею. Как у цирюльника хватило духа предложить такое? А если он ошибется, что тогда?

Уильям спросил:

– Отец поправится?

– Не знаю, – честно ответил Мэтью. – Иногда раны головы имеют странные последствия: может пострадать ходьба или речь. Я могу лишь сложить кости заново. Если хотите чудес, просите святого.

– Значит, успех ты не обещаешь.

– Всемогущ один Господь. Люди должны делать то, что могут, и надеяться на лучшее. Однако я считаю, что ваш отец умрет, если рану не обработать.

– Но Иосиф и Годвин читали книги, сочиненные древними знатоками медицины.

– А я видел раненых на полях сражений. Одни умирали, другие выздоравливали. Вам решать, кому довериться.

Уильям посмотрел на жену. Филиппа предложила:

– Пусть цирюльник сделает что может, а мы попросим помощи у святого Адольфа.

– Хорошо, приступай, – кивнул Уильям.

– Графа нужно положить на стол, – решительно начал цирюльник. – Возле окна, где на рану будет падать яркий свет.

Уильям, щелчком пальцев подозвав двух послушников, велел:

– Выполняйте приказы этого человека!

Мэтью продолжил:

– Мне понадобится миска подогретого вина.

Монахи принесли из госпиталя стол на трех ногах и поставили под большим окном южного трансепта. Два сквайра переместили на стол графа Роланда.

– Пожалуйста, лицом вниз, – попросил Мэтью.

Графа перевернули.

У Мэтью имелась при себе кожаная сумка, где он хранил острые инструменты, необходимые для отправления своего ремесла. Сначала он достал маленькие ножницы, наклонился над графом и принялся срезать пряди вокруг раны. Волосы у Роланда были густые и сальные от природы. Срезанные пряди Мэтью отбрасывал в сторону, и они падали на пол. Когда он выстриг круг, рану стало видно намного лучше.

Вернулся брат Годвин с реликварием – резной шкатулкой из золота и слоновой кости, где хранился череп святого Адольфа, кости руки и ладони. Увидев склонившегося над телом графа Мэтью, ризничий возмущенно воскликнул:

– Что здесь происходит?

Хирург поднял голову.

– Будьте любезны, поместите святые останки на спину графа, поближе к голове. Тогда, думаю, святой направит мою руку.

Годвин медлил, явно разозленный тем, что в лечение вмешался простой цирюльник.

Лорд Уильям сказал:

– Делай, как он говорит, брат, или ответственность за смерть моего отца ляжет на тебя.

Но ризничий не спешил подчиняться. Вместо того он обратился к стоявшему в нескольких ярдах поодаль Карлу Слепому:

– Брат Карл, лорд Уильям приказывает мне...

– Я слышал лорда Уильяма, – перебил Карл. – Лучше выполнить его пожелание.

Годвин надеялся на другой ответ, и лицо его искривилось от недовольства. С явной неохотой монах поставил реликварий на широкую спину графа Роланда.

Мэтью взял тонкие щипчики, очень осторожно захватил видимый уголок одного осколка кости и приподнял, не касаясь серого вещества ниже. Керис завороченно наблюдала. Косточка отделилась от черепа заодно с налипшими волосами и кожей. Мэтью опустил ее в миску с подогретым вином.

Та же участь ожидала еще два осколка. Шум из нефа – стоны раненых, плач родных – словно куда-то отступил. Все стояли неподвижно, молча глядя на Мэтью и на безжизненное тело графа.

Затем цирюльник взялся за осколки, которые не откололись от черепа. Каждый раз он отделял волосы, осторожно промокал место холщовой тряпочкой, смоченной в вине, потом щипчиками бережно вдавливал осколок туда, где, как он считал, ему полагалось быть.

Керис едва дышала – такое в воздухе повисло ожидание. Еще никем и никогда она не восхищалась так, как теперь Мэтью-цирюльником. Какое мужество он выказал, сколько умения, сколько уверенности. Мало того, он не побоялся приступить со своими дерзкими способами к телу графа! Если что-то пойдет не так, Мэтью почти наверняка повесят. Но все же его руки были столь же тверды, как руки каменных ангелов над соборными вратами.

Наконец Мэтью приладил на место три осколка, которые прежде положил в миску с вином, как будто склеивал разбившийся кувшин, натянул кожу и сшил ее быстрыми и точными стежками.

Теперь череп Роланда был в целости.

– Граф должен проспать сутки, – распорядился цирюльник. – Если проснется, дайте ему побольше успокоительной настойки от Мэтти-знахарки. Пусть пролежит неподвижно сорок дней и сорок ночей. Если будет необходимо, привязывайте ремнями.

Затем он попросил мать Сесилию перевязать графу голову.

* * *

Расстроенный, раздраженный Годвин выскочил из собора и побежал вниз, к берегу. В монастыре нет власти: Карл позволяет всем вокруг поступать, как им заблагорассудится. Приор Антоний хоть и слаб, но все-таки лучше Карла. Нужно его отыскать.

Большинство тел уже достали из воды. Те, кто только ушибся и понаставил синяков, расходились по домам, когда приходили в себя после спасения. Почти всех мертвых и раненых оттаскивали в собор. В реке оставались лишь те, кто запутался в обломках.

Мысль о том, что Антоний мог погибнуть, страшила Годвина и воодушевляла. Он мечтал о новой власти в аббатстве, о более строгом соблюдении Правил святого Бенедикта, о безукоризненном ведении финансовых дел, но в то же время признавал, что дядя ему покровительствует, а поддержки другого приора он может и не получить.

Мерфин командовал лодкой. Он и еще двое молодых людей выплыли на середину реки, где теперь колыхалось почти все, что раньше было мостом. В одном исподнем они пытались приподнять над водой бревно, чтобы кого-то из-под него вытащить. Сам Мерфин был невысокого роста, но двое других парней выглядели крепкими и упитанными. Годвин догадался, что это сквайры из свиты графа. Несмотря на отменное здоровье, они с большим трудом вытягивали вверх тяжелые бревна – в крошечной лодке было не на что толком опереться.

Ризничий присоединился к горожанам на берегу, терзаемым страхом и надеждой. Сквайры наконец изловчились и подняли бревно, и Мерфин вытянул чье-то тело. Бегло осмотрев его, он крикнул:

– Маргарита Джоунс – мертва.

Пожилая Маргарита была тихой, неприметной женщиной.

Годвин не стерпел:

– Ты видишь приора Антония?

Молодые люди в лодке переглянулись, и Годвин понял, что слишком поторопился, но Мерфин крикнул в ответ:

– Я вижу монашеское одеяние.

– Так это приор! – закричал ризничий. Антоний оставался единственным из братии, кого до сих пор не нашли. – Что с ним?

Мерфин перегнулся через борт лодки, но, похоже, не смог ничего разглядеть и полез в воду. Вскоре он прокричал:

– Дышит!

Годвин испытал радость пополам с разочарованием.

– Вытаскивайте скорее! – Тут он спохватился: – Пожалуйста.

Молодые люди ничем не показали, что слышали просьбу, однако Мерфин поднырнул под частично притопленное бревно, а затем сказал что-то сквайрам. Те отпустили бревно, которое держали за торец – оно плавно соскользнуло в воду, – и склонились через нос крошечной лодки, изготовившись взяться за то, под которое заплыл Мерфин. Должно быть, юноша старался отцепить облачение Антония от досок и щепок.

Годвин наблюдал, изводя себя сожалениями, что не в его силах ускорить спасение, потом велел двум парням, стоявшим рядом:

– Ступайте в аббатство и скажите монахам, чтобы принесли носилки. Передайте – вас послал Годвин.

Парни послушно двинулись к стене с воротцами.

Вот Мерфин высвободил из скопления обломков бесчувственное тело, подтянул ближе, и сквайры втащили приора в лодку. Мерфин забрался следом, и сквайры шестами стали править к берегу.

Нашлось немало добровольцев вынести Антония из лодки и положить на носилки, доставленные монахами. Годвин быстро осмотрел дядю. Приор дышал, но сердцебиение было слабым, глаза не открывались, а лицо выглядело до ужаса белым. На голове и груди виднелись синяки, зато тазовые кости, похоже, расплющило. Настоятель истекал кровью.

Монахи подняли приора, и Годвин повел их через двор в собор. «Дайте дорогу!» – кричал он. Настоятеля пронесли по нефу в алтарную часть, святая святых храма. Годвин велел монахам положить приора перед главным алтарем. Мокрая одежда четко обрисовывала бедра и лодыжки Антония, настолько изуродованные, что лишь до пояса приор выглядел обыкновенным человеком.

Не прошло и нескольких мгновений, как все братья собрались вокруг настоятеля. Годвин забрал мощи святого со спины графа Роланда и поместил их подле ног Антония. Иосиф положил на грудь приору украшенное драгоценными камнями распятие и сомкнул его пальцы на кресте.

Мать Сесилия встала на колени, отерла лицо приора тряпочкой, смоченной каким-то успокоительным настоем, и обратилась к Иосифу:

– Кажется, сломано много костей. Может, позвать цирюльника Мэтью?

Иосиф молча покачал головой.

Годвин порадовался. Цирюльник опять осквернил бы своими действиями святые мощи. Лучше довериться попечению Божьему.

Брат Карл совершил соборование и вместе с монахами запел гимн.

Ризничий не знал, на что надеяться. Уже несколько лет он ожидал конца правления Антония, но за последний час убедился в том, что на смену власти дяди может прийти совместное правление Карла и Симеона. Они были наперсниками приора – значит, окажутся ничем не лучше его самого.

Вдруг он разглядел в толпе цирюльника. Тот из-за плеч братии изучал взглядом нижнюю часть тела Антония. Возмущенный Годвин уже намеревался приказать Мэтью покинуть собор, но цирюльник едва заметно покачал головой и удалился.

Настоятель открыл глаза.

– Восславим Господа! – воскликнул брат Иосиф.

Приор силился что-то сказать. Мать Сесилия, по-прежнему стоявшая рядом на коленях, наклонилась к нему. Губы Антония зашевелились. Годвин пожалел, что ничего не слышит. Спустя мгновение настоятель умолк.

Мать Сесилия потрясенно спросила:

– Неужели это правда?

Все вытаращили глаза.

– Что он сказал, мать Сесилия? – справился Годвин.

Настоятельница не ответила.

Глаза Антония закрылись, и что-то в его облике внезапно изменилось. Он замер.

Годвин нагнулся над телом. Вроде бы не дышит. Ризничий положил руку на грудь настоятелю, но не ощутил сердцебиения, схватил за запястье, тщетно пытаясь уловить признаки жизни, потом выпрямился и провозгласил:

– Приор Антоний покинул сей мир. Да благословит Господь его душу и да вселит в свои святые обители.

– Аминь, – хором откликнулись монахи.

«Теперь точно будут выборы», – подумал Годвин.

Часть III. Июнь – декабрь 1337 года

14

Кингсбриджский собор стал вместилищем ужаса. Раненые стонали от боли и взывали к Богу, молили о помощи святых и звали своих матерей. Люди, искавшие родных, находили тех среди погибших и принимались кричать, сокрушенные постигшим их горем. Равно живые и мертвые словно хвастались причудливо изогнутыми конечностями, сломанными костями и кровоподтеками, их одежда была рваной и мокрой. Каменный пол собора сделался скользким от воды, крови и речного ила.

Посреди этого ужаса островок спокойствия и деловитости сложился вокруг матери Сесилии. Будто маленькая шустрая птичка, мать-настоятельница перелетала от одного страждущего к другому. За нею следовала небольшая свита монахинь в капюшонах-катсулах, и среди прочих в этой свите была давняя помощница Сесилии сестра Юлиана – за глаза ее величали Старушкой Юлией, и в этом прозвище не было ни капли неуважения. Осматривая раненого, настоятельница распоряжалась, кому промыть рану, кому смазать, кого перевязать, кого напоить травяным отваром. В более серьезных случаях она звала Мэтти-знахарку, цирюльника Мэтью или брата Иосифа. Говорила она неизменно тихо, но отчетливо, ее указания были просты и решительны. Большинство раненых она успокаивала, а сердца их родичей наполняла уверенностью и надеждой.

Керис с омерзительной яркостью вспомнился день смерти мамы. Тогда тоже царили ужас и смятение, пускай лишь в ее сердце. Но мать Сесилия тогда тоже знала, что делать. Мама умерла, несмотря на помощь монахини, как умрут сегодня многие раненые, но вокруг ощущалась некая упорядоченность, было чувство, что делается все возможное.

Некоторые взывали к Богородице и святым, стоило кому-то захворать, но Керис от молитв только больше беспокоилась и пугалась, ибо нельзя знать наверняка, помогут ли духи, внемлют ли они. Десятилетней Керис мать Сесилия вовсе не казалась столь же могущественной, как святые, тем не менее уверенные действия настоятельницы и само ее присутствие внушали девочке надежду и решимость, совокупно приносившие душе мир.

Теперь Керис сделалась частью свиты Сесилии, причем это случилось как бы само собой, она не принимала такого решения и даже не задумывалась об этом. Нет, она просто повиновалась распоряжениям наиболее решительного человека в соборе, точно так же, как люди слушались ее саму на берегу после обрушения моста, когда, кажется, никто не знал, что делать. Уверенность и деловитость настоятельницы заражали, и окружавшие Сесилию люди начинали действовать столь же спокойно и разумно. Керис поняла, что держит в руках миску с уксусом, а красивая послушница по имени Мэйр мочила в уксусе тряпку и смывала кровь с лица Сюзанны Чепстоу, жены торговца деревом.

Трудились без устали до наступления темноты. Хорошо, что летний день был длинным: все тела удалось вытащить из воды засветло, хотя, наверное, никто никогда не сможет подсчитать, сколько точно человек утонуло и скольких унесло течением. Не нашли Полоумную Нелл: ее, верно, затащило под повозку, к которой она была привязана. По несправедливому стечению обстоятельств монах Мердоу выжил, лишь вывихнул лодыжку, и прихрамал в «Колокол» подкрепиться горячим окороком и крепким элем.

Впрочем, лечение продолжилось и ночью, при свечах. Некоторые монахини выбились из сил и вынуждены были уйти; других настолько ошеломил размах трагедии, что у них все валилось из рук, они не понимали даже простейших распоряжений, и их отправили восвояси. Но Керис и несколько сестер работали до тех пор, пока не убедились, что ничего больше сделать

не могут. Где-то около полуночи был завязан последний узелок на последней повязке, и Керис, шатаясь от усталости, побрела домой.

Отец и Петранилла сидели вместе в столовой и, держась за руки, оплакивали смерть своего брата Антония. Эдмунд то и дело утирал слезы, а Петранилла рыдала безутешно. Керис расцеловала обоих, но не нашлась что сказать. Понимая, что если сядет на стул, то тут же заснет, она поднялась по лестнице к себе и легла на кровать рядом с Гвендой, которая, как обычно, ночевала у подруги. Гвенда спала глубоким сном измученного человека и не пошевелилась.

Керис закрыла глаза. Тело устало, а сердце болело от горя.

Отец скорбел по одному человеку, а на нее давила тяжесть всех смертей. Она вспоминала друзей, соседей и знакомых, ныне погибших, лежащих на холодном каменном полу собора, воображала тоску и страдания их родителей, детей, братьев и сестер; ее будто накрыло черной пеленой отчаяния, и Керис заплакала в подушку. Не проронив ни словечка, Гвенда обняла ее и прижала к себе. Вскоре усталость взяла свое, и Керис уснула.

Она снова открыла глаза на рассвете, и оставив Гвенду досыпать, вернулась в собор, чтобы продолжать работу. Большинство пострадавших отправили по домам. Тех, кто нуждался в уходе – скажем, графа Роланда, так и не пришедшего в сознание, – перенесли в госпиталь. Мертвые тела уложили ровными рядами в алтарной части храма в ожидании погребения.

Время бежало быстро, почти не оставляя возможности перевести дух. Во второй половине дня в воскресенье мать Сесилия велела Керис сделать перерыв. Девушка осмотрелась и поняла, что почти вся работа и вправду выполнена. Именно тогда она задумалась о будущем.

До этого мгновения Керис почему-то казалось, что с привычной жизнью покончено, что отныне ей придется жить в новом мире, мире ужаса и трагедий. Теперь она поняла, что и это пройдет, как проходит все на свете. Погибших похоронят, раненые поправятся, и город худобедно вернется к прежней жизни. Керис сразу вспомнилось, что перед самым крушением моста в Кингсбридже случилась еще одна трагедия, тоже по-своему страшная и опустошающая душу.

Мерфина она отыскала на берегу: вместе с Элфриком и Томасом Лэнгли они занимались расчисткой реки, для чего привлекли никак не меньше пяти десятков добровольцев. В сложившихся обстоятельствах размолвка Мерфина с Элфриком была временно забыта. Почти все бревна уже вытащили из воды и сложили штабелями на суше, однако остов моста по-прежнему торчал из реки, а куча обломков колыхалась на поверхности, поднимаясь с приливом и опадая с отливом, точно некий огромный хищный зверь, убивший и пожравший свою добычу.

Добровольцы пытались расчистить это скопление обломков и разобрать остатки моста. Занятие было опасным, ведь остов мог просесть дальше и обвалиться в любой миг. Центральную часть, наполовину ушедшую под воду, обвязали веревкой, и люди на берегу принялись ее тянуть. В лодке посреди реки находились Мерфин и великан Марк-ткач. Когда добровольцы на берегу уселись отдохнуть, лодочник подвел лодку поближе к остоу, и Марк по указке Мерфина стал рубить бревна огромным топором дровосека. Спустя какое-то время лодка отошла на безопасное расстояние. Элфрик махнул рукой, и люди на берегу вновь потянули за веревку.

На глазах Керис существенная часть остова ухнула в воду. Все радостно закричали, и мужчины принялись вытаскивать обломки на берег.

Жены принесли некоторым из них краюхи хлеба и кувшины с элем. Томас Лэнгли распорядился об отдыхе. Пока добровольцы перекусывали, Керис с Мерфином отошли в сторонку.

– Ты не можешь жениться на Гризельде, – без обиняков заявила девушка.

– Я не знаю, что делать. – Мерфин ничуть не удивился этому заявлению. – Голову уже сломал, но ничего пока не придумал.

– Пройдемся?

– Давай.

Они отошли от толкотни на берегу и направились вверх по главной улице. После ярмарочной суеты в городе наступила тишина, как на кладбище. Все сидели по домам, ухаживая за ранеными или оплакивая погибших.

– Думаю, в городе очень мало семей, где никто не погиб или не пострадал, – проговорила Керис. – На мосту было не меньше тысячи человек, одни пытались выбраться из города, прочие мучили Полоумную Нелл. В соборе больше сотни тел, и мы помогли по меньшей мере четырёмстам раненым.

– Значит, пятистам повезло, – отозвался Мерфин.

– Мы тоже могли оказаться на мосту или рядом. Мы с тобой могли бы сейчас лежать на полу алтарной части, холодные, недвижимые. Но нам подарили оставшуюся часть жизни. Нельзя бросаться таким подарком из-за какого-то недоразумения.

– Это не недоразумение, – резко произнес Мерфин. – Это ребенок, человек, у него есть душа.

– Ты тоже человек, у тебя тоже есть душа – и удивительная. Посмотри, что ты только что сделал. Работами на реке руководят трое. Один – самый состоятельный городской строитель, второй – матрикуларий в аббатстве, зато третий – простой подмастерье, которому не исполнилось еще двадцати одного года. При этом горожане слушаются тебя не хуже, чем Элфрика с Томасом.

– Это не значит, что я готов забыть о своих обязанностях.

Они свернули во двор аббатства. Лужайка перед собором была вытоптана продавцами и посетителями ярмарки, повсюду виднелись заболоченные впадины и широкие лужи. В трех больших западных окнах собора Керис видела отражение блеклого солнца и разорванных облаков; картина троилась, словно на алтарном триптихе. Зазвонил колокол к вечерне.

Девушка сказала:

– Вспомни, как часто ты говорил, что хочешь посмотреть зодчество Парижа и Флоренции. Ты готов от всего этого отказаться?

– Наверное, да. Нельзя же бросать жену и ребенка.

– То есть ты уже думаешь о ней как о жене.

Мерфин повернулся лицом к Керис.

– Никогда не стану думать о ней как о жене. – В его голосе были горечь и боль. – Я знаю, кого люблю.

В кои-то веки Керис вдруг растерялась. Она было открыла рот, но не могла вымолвить ни слова. В горле встал ком. Девушка смахнула слезы и потупилась, пытаясь скрыть бурю чувств.

Мерфин взял ее за руки и притянул к себе.

– Ты ведь тоже знаешь?

Керис заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Знаю?

Перед глазами все плыло.

Мерфин поцеловал ее в губы, как-то по-новому, ничего подобного она еще не испытывала. Его губы двигались нежно и настойчиво, будто он пытался сохранить в памяти это мгновение, и Керис с ужасом поняла, что этот поцелуй мнится ему последним.

Она прильнула к нему, желая, чтобы так длилось вечно, но вскоре – увы, чересчур скоро – Мерфин отстранился.

– Я люблю тебя. Но женюсь на Гризельде.

* * *

Жизнь и смерть чередовались. Рождались дети, умирали старики. В воскресенье Эмма, жена мясника, чуть не порешила своего любвеобильного мужа Эдварда его же огромным топо-

ром в приступе ревности. В понедельник пропала курица Бесс Хэмптон, и ее нашли на огне у Глинни Томпсон, после чего констебль Джон раздел и выпорол Глинни. Во вторник под Хауэллом Тайлером, который работал на крыше церкви Святого Марка, подломила прогнившая балка, и он упал, пробил телом пол и сразу скончался.

К среде обломки и остов моста разобрали, из воды торчали только обломки центральных быков. Дерево сложили на берегу. Река освободилась, баржи и плоты снова потянулись из Кингсбриджа в Мелкум с шерстью и другими товарами с шерстяной ярмарки; далее эти товары отправлялись во Фландрию и Италию.

Когда Керис и Эдмунд вышли на берег узнать, как идут дела, Мерфин из вытащенных из воды бревен мастерил плот, чтобы перевозить людей через реку.

– Это лучше, чем лодка, – объяснил он. – Скот сам будет заходить и сходить, и повозки тоже.

Эдмунд мрачно кивнул:

– Сгодится для еженедельного рынка. По счастью, к следующей ярмарке у нас будет новый мост.

– Не думаю, – ответил Мерфин.

– Но ты сам говорил мне, что постройка моста займет год!

– Деревянного – да. К сожалению, новый деревянный мост тоже рухнет.

– Почему?

– Я вам покажу. – Юноша подвел отца с дочерью к обломкам рухнувшего моста и указал на толстые бревна. – Из них складывали быки. Возможно, это те самые знаменитые, лучшие двадцать четыре дуба Англии, пожалованные аббатству королем. На торцы взгляните.

Керис сообразила, что огромные бревна изначально имели заостренные концы, но с годами острия затупились под водой.

Мерфин продолжал:

– Деревянный мост не имеет фундамента. Быки просто вбивают в речное дно. Этого недостаточно.

– Но мост простоял сотни лет! – возмущенно воскликнул Эдмунд. Когда он принимался возражать, всегда казалось, что он злится.

Мерфин был привычен к манерам отца Керис и не обратил внимания на его негодование.

– Да, простоял, а теперь рухнул, – терпеливо проговорил он. – Значит, что-то изменилось. Деревянные быки раньше вполне годились, но теперь от них проку мало.

– Но что могло случиться? Река – она и есть река.

– Ну, во-первых, на том берегу вы построили и обнесли стеной склад и причал. То же сделали и другие торговцы. Старый глинистый выход к воде на южном берегу, где я играл ребенком, почти исчез. Река больше не разливается на поля. Выходит, вода стала течь быстрее, чем прежде, особенно после сильных дождей вроде тех, что случились в этом году.

– Получается, нужно строить каменный мост?

– Да.

Эдмунд огляделся и заметил Элфрика. Тот стоял неподалеку и прислушивался к беседе.

– Мерфин говорит, что на постройку каменного моста уйдет три года.

Элфрик кивнул.

– Три строительных срока.

Керис знала, что основное строительство ведется в летние месяцы. Мерфин растолковал ей, что каменные стены нельзя возводить при условиях, когда строительный раствор может замерзнуть быстрее, чем затвердевает.

Элфрик прибавил:

– Один срок для фундамента, второй – для пролетов, третий – для полотна. После каждого срока раствор нужно оставлять на три-четыре месяца, чтобы приниматься за следующие работы.

– Три года без моста, – угрюмо подытожил Эдмунд.

– Четыре, если не приступить прямо сейчас.

– Нужно бы все просчитать для аббатства.

– Я уже начал, но это требует времени. Мне понадобится еще два-три дня.

– Поторопись, пожалуйста.

Они простились со строителями и двинулись по главной улице. Эдмунд, как обычно, шагал бодро и споро, несмотря на хромоту. Он никогда не опирался ни на чью руку, во всем полагался на свою усохшую ногу. Чтобы удерживать равновесие, он размахивал руками, будто на бегу. Горожане знали за ним такую повадку и заблаговременно сторонились, особенно когда он спешил.

– Три года! – ворчал он. – Какие убытки для ярмарки! И кто знает, сколько времени нам потребуется, чтобы все вернуть. Три года!

Придя домой, они застали в гостях Элис. Волосы она, подсмотрев у леди Филиппы, теперь убирала под шапку, чего прежде никогда не делала. Элис сидела за столом с теткой Петраниллой, и по их лицам Керис сразу же поняла, что разговор шел о ней.

Петранилла сходила на кухню, принесла эль, хлеб и свежее масло и наполнила кружку Эдмунда.

В воскресенье она рыдала, но с той поры почти не вспоминала о погибшем брате. Как ни странно, Эдмунд, который Антония не слишком жаловал, горевал больше: слезы в самый неожиданный миг наворачивались ему на глаза, хотя так же быстро и высыхали:

Эдмунд пустился рассказывать о мосте. Элис стала было оспаривать мнение Мерфина, но отец нетерпеливо отмахнулся.

– Этот парень гений. Он знает больше, чем многие мастера-строители, пускай еще и не закончил обучение.

Керис горько бросила:

– Ну да, а ему придется провести всю жизнь с Гризельдой.

Элис немедленно встала на защиту падчерицы:

– Что ты имеешь против Гризельды?

– Ничего, – ответила Керис. – Она не любит Мерфина. Она его соблазнила, потому что ее дружок сбежал, вот и все.

– Это тебе Мерфин рассказал? – Элис желчно рассмеялась. – Если мужчина не хочет, то не станет этого делать, поверь мне.

Эдмунд хмыкнул:

– Мужчины подвержены соблазнам.

– А, так ты на стороне Керис, папа? – взъелась Элис. – Что ж, меня это не удивляет, все как всегда.

– Вопрос не в том, на чьей я стороне, – ответил отец. – Мужчина может не хотеть до близости и жалеть о ней впоследствии, и все же на краткий миг желание способно взять над ним верх, особенно когда женщина применяет всякие уловки.

– Уловки? Ты что же, считаешь, что она его заманила?

– Я этого не говорил, но, насколько понял, все началось с того, что Гризельда расплакалась, а Мерфин решил ее утешить.

Эдмунд узнал это от Керис.

Элис недовольно фыркнула:

– Ты всегда потакал этому упрямому подмастерью.

Керис прожевала кусок хлеба с маслом. Есть не хотелось.

– Полагаю, они нарожают с полдюжины пухлых ребятишек, Мерфин унаследует дело Элфрика и станет еще одним городским ремесленником. Будет строить дома купцам и угождать церковникам в надежде получить выгодный договор, в точности как тесть.

– Вот и славно! – воскликнула Петранилла. – Он станет одним из самых важных людей города.

– Он достоин лучшего.

– Правда? – притворно удивилась тетка. – Ты про сына обедневшего рыцаря, у которого нет даже шиллинга на башмаки своей жене? Чего же он, по-твоему, достоин?

Керис уязвила эта насмешка. Да, родители Мерфина – бедные иждивенцы аббатства, зависящие в пропитании от милости монахов. Для Мерфина унаследовать от мастера-тестя успешное строительное дело в самом деле будет прыжком вверх. Но все-таки он заслуживает лучшего. Девушка не знала точно, какого будущего желает Мерфину, но чувствовала, что он не такой, как все остальные в городе, и не могла смириться с мыслью, что он станет таким же, как прочие.

* * *

В пятницу Керис повела Гвенду к Мэтти-знахарке.

Гвенда до сих пор оставалась в городе из-за Вулфрика, который задержался на похороны родных. Служанка Эдмунда Илейн высушила ее платье у очага, а Керис сама перевязала Гвенде израненные ноги и дала пару старых башмаков.

Керис чувствовала, что Гвенда не рассказала всей правды о том, что произошло в лесу. Повела лишь, что Сим отвел ее к разбойникам, а она убежала; потом торгаш за нею погнался и погиб при крушении моста. Констебля Джона эта история удовлетворила: разбойники находились вне закона, так что вопрос о том, кому достанется собственность Сима, отпадал сам собою. Гвенда была свободна. Но Керис не сомневалась – в лесу случилось что-то еще, что-то, о чем подруга не хотела говорить. Керис на нее не давила. Кое о чем лучше помалкивать.

Город всю неделю хоронил жертв крушения моста. Пускай люди погибли при чрезвычайных обстоятельствах, обряд погребения несколько не изменился. Тела следовало обмыть, бедным сшить саваны, сколотить гробы для богатых, вырыть могилы и заплатить священнослужителям. Рукоположенные во священство монахи целыми днями посменно проводили поминальные службы на кладбище к северу от собора. Не ленились и пастыри полдюжины небольших приходских церквей Кингсбриджа.

Гвенда помогала Вулфрику с похоронными хлопотами, выполняла всю исконно женскую работу – обмывала тела, шила саваны – и, как могла, утешала. Вулфрик пребывал в полном равнодушии: вникал в подробности погребения, однако затем часами смотрел в никуда, разве что слегка хмурился, будто решая сложную головоломку.

К пятнице погребения завершились, но исполнявший обязанности приора Карл Слепой объявил, что в воскресенье пройдет особая поминальная служба по всем погибшим, и Вулфрик остался в городе до понедельника. Гвенда сказала Керис, что он вроде бы и рад живой душе из родной деревни, но оживляется, только когда говорит об Аннет. В ответ Керис предложила подруге купить еще одну порцию приворотного зелья.

Мэтти-знахарка варила снадобья на кухне. Маленький домик пропах травами, маслом и вином.

– За субботу и воскресенье я израсходовала почти все, что у меня было, – посетовала Мэтти. – Нужны свежие припасы.

– Вы, наверно, неплохо заработали, – предположила Гвенда.

– Да, если бы все заплатили.

Керис поразила:

– Тебя дурят?

– Кое-кто пытается. Я всегда стараюсь брать плату вперед, когда людям еще больно. Но если у них при себе нет денег, отказать трудно. Многие платят потом, но не все.

Керис возмутилась:

– Как они отговариваются?

– По-разному. Кому дорого, кому лекарство не помогло, кому, дескать, впихивали его насильно – все что угодно. Но не волнуйся. Честных людей хватает, я не брошу свою работу. Что у тебя?

– Гвенда во время крушения потеряла твоё зелье.

– Это легко поправить. Может, приготовишь сама?

Мешая зелье, Керис спросила у Мэтти:

– Сколько беременностей заканчиваются выкидышем?

Гвенда поняла, откуда взялся этот вопрос: Керис рассказала ей про Мерфина. Оставаясь наедине, подруги обсуждали либо равнодушие Вулфрика, либо высокую нравственность Мерфина. Керис даже подмывало купить приворотное зелье для себя, но что-то ее удерживало.

Знахарка пристально посмотрела на нее, но ответила уклончиво:

– Никто не знает. Часто женщина месяц ходит без кровотечения, а потом оно возвращается. Была она беременна и потеряла ребенка или еще по какой причине, невозможно сказать.

– Понятно.

– Но вы обе не беременны, если вас это беспокоит.

– Откуда вы знаете? – быстро спросила Гвенда.

– Да вижу. Женщина меняется почти сразу же. Не только живот, грудь, но выражение лица, манера двигаться, настроение. Я вижу и знаю такое лучше многих, потому меня и кличут знахаркой. Так кто же забеременел?

– Гризельда, дочь Элфрика.

– А, да, я ее видела. Уже три месяца тому как.

– Сколько? – удивилась Керис.

– Три месяца или около того. Посмотри на нее. Она никогда не была худышкой, но сейчас вся округлилась. А почему тебя это удивляет? Что, ребенок от Мерфина?

Мэтти всегда обо всем догадывалась.

Гвенда повернулась к подруге:

– Ты вроде говорила, что это случилось совсем недавно.

– Мерфин не сказал точно, когда был с нею близок, но, похоже, да, недавно, и всего один раз. А теперь получается, что он спал с нею несколько месяцев назад!

Знахарка нахмурилась.

– Зачем ему врать?

– Чтобы выставить себя в лучшем свете, – высказалась Гвенда.

– Для чего?

– Мужчины порой мыслят странно.

– Я у него выясню, – решила Керис. – Прямо сейчас.

Она поставила кувшин и отложила мерную ложку.

Гвенда спросила:

– А как же мое зелье?

– Сама доделаю, – ответила Мэтти. – Керис слишком торопится.

– Спасибо, – поблагодарила Керис и вышла из дома.

Сперва направилась к реке, но Мерфина там не оказалось. Не было его и в доме Элфрика. Значит, должен найтись на чердаке каменщиков.

В западной части собора имелась рабочая комната главного каменщика, почти соприкасавшаяся с одной из башен. Керис взобралась туда по узкой винтовой лестнице в контрфорсе

башни. В стрельчатые окна просторного помещения обильно лился свет. Вдоль одной стены высилась стопка красивых деревянных образцов, которыми пользовались резчики по камню еще при строительстве собора. Их сохранили, и теперь они помогали в восстановительных работах.

На полу располагался так называемый рисуночный настил, покрытый штукатуркой. Первый каменщик, Джек Строитель, царапал в растворе чертежи железными инструментами. Линии, проведенные таким образом, поначалу были белыми, но со временем бледнели, и поверх старых линий царапали новые. Когда рисунков становилось столько, что в них уже трудно было разобраться, пол покрывали новым слоем штукатурки, и все повторялось.

Пергамент, тонкая кожа, на которую монахи копировали библейские книги, был слишком дорог для использования в строительных работах. На памяти Керис, правда, появился новый писчий материал – бумага, однако ее поставляли арабы, и монахи не пользовались этим изобретением язычников-мусульман. Впрочем, бумагу приходилось везти из Италии, и она стоила ненамного дешевле пергамента. А рисуночный настил имел дополнительное преимущество: плотник клал кусок дерева прямо на рисунок на полу и вырезал нужную деталь в точном соответствии с замыслом главного каменщика.

Мерфин стоял на коленях на полу и по чертежу выпиливал из дуба некое приспособление. Он не творил новый образец, а вырезал зубчатое колесо с шестнадцатью зубцами. Рядом лежало другое колесо, поменьше, и Мерфин на мгновение прервался, сложил колеса вместе и проверил, как сцепляются зубцы. Керис видела такие колеса, иначе шестерни, на водяных мельницах: они соединяли лопасти мельничного колеса с жерновом.

Мерфин должен был слышать ее шаги по каменной лестнице, но, должно быть, его поглотила работа. Девушка смотрела на него, и любовь в ее сердце боролась с возмущением. У него был сосредоточенный взгляд, столь хорошо ей знакомый; худощавое тело склонилось над колесом, ловкие пальцы сильных рук что-то уверенно подправляли, лицо было неподвижным, глаза не отрывались от колес. Юноша напоминал молодого оленя, опустившего голову к ручью. «Вот так выглядит человек, когда делает то, для чего рожден, – подумала Керис. – Это сродни счастьем, но больше, чем просто счастье. Он исполняет свое предназначение».

Она не сдержалась.

– Почему ты мне солгал?

У Мерфина сорвался резец. Молодой человек вскрикнул от боли и усталился на свой палец, потом сунул его в рот.

– Прости. Ты поранился?

– Ерунда. Когда я тебе солгал?

– Ты уверял, что Гризельда соблазнила тебя всего раз, а на самом деле вы занимались этим несколько месяцев.

– Нет, неправда. – Он все отсасывал кровь из пальца.

– Она беременна уже три месяца.

– Не может быть: все произошло две недели назад.

– Еще как может. По ее фигуре все видно.

– Неужто?

– Мэтти-знахарка мне сказала. Почему ты солгал?

Юноша посмотрел ей в глаза.

– Я не лгал. Это случилось в воскресенье ярмарочной недели. Первый и единственный раз.

– Тогда с чего она взяла, что беременна, уже через две недели?

– Не знаю. Как вообще женщины узнают?

– А то ты не знаешь?

– Никогда не спрашивал. В любом случае три месяца назад Гризельда еще была с...

– О боже! – воскликнула Керис. У нее вспыхнула надежда. – Она была со своим старым дружкой Терстаном. – Искра подозрения вспыхнула ярким костром. – Так это его ребенок! Терстана, не твой. Не ты отец!

– Думаешь? – Мерфин боялся даже надеяться.

– Ну конечно, это все объясняет. Если бы она вдруг в тебя влюбилась, то ходила бы за тобою по пятам. Но ты говорил, что она почти с тобою не разговаривает.

– Думал, это потому, что я не хочу на ней жениться.

– Ты ей никогда не нравился. Просто ребенку нужен отец. Терстан удрал – возможно, после того как она сказала ему, что беременна, – а ты был рядом и оказался порядочным дураком, коли попался на ее удочку. О, слава Всевышнему!

– Спасибо Мэтти-знахарке, – добавил Мерфин.

Девушка взглянула на его левую руку. Из пальца обильно шла кровь.

– Да ты из-за меня поранился! – Керис взяла его ладонь и осмотрела порез. Не длинный, но глубокий. – Прости меня, пожалуйста.

– Ничего страшного.

– Да нет. – Она сама точно не знала, что имеет в виду: порез или что-то еще.

Керис поцеловала его руку, ощутила на губах горячую кровь, поднесла его палец к своему рту и принялась отсасывать кровь из раны. Почему-то действие казалось подобием плотской близости, и она зажмурилась от наслаждения. Сглотнула, снова ощутила привкус крови, и ее пробрала приятная дрожь.

* * *

Через неделю после того, как рухнул мост, Мерфин достроил паром.

Он доделывал плот на рассвете в субботу, перед открытием еженедельного кингсбриджского рынка. Трудился всю ночь с пятницы на субботу при свечах, и Керис понимала, что у него просто не было времени сказать Гризельде – мол, ему известно про ребенка Терстана. Девушка с отцом спустились к реке посмотреть на новое творение, и к тому времени прибыли первые торговцы – женщины из ближних деревень с корзинами, полными яиц, крестьяне на возах с маслом и сыром, пастухи с овечьими стадами.

Керис пришла в восторг от работы Мерфина. Паром был достаточно большим, чтобы вместить повозку с лошадью, которую не приходилось выпрягать; прочные деревянные перила не позволяли овцам упасть в воду. По свежим деревянным мосткам у кромки воды на обоих берегах повозки удобно вкатывались на паром и съезжали на сушу. Люди платили по пенни с головы, деньги собирали монахи – паром, как и мост, принадлежал аббатству.

Интереснее всего Мерфин придумал, как переправлять паром через реку. Длинная веревка с южного торца плота тянулась на дальний берег, облегал столб, шла обратно, наматывалась на барабан и возвращалась к другому торцу парома. Барабан был соединен деревянными шестеренками с колесом, которое вращал вол: именно эти шестерни Керис видела вчера – Мерфин вырезал их в соборе. Рычаг менял ход колес таким образом, что барабан мог вращаться в любом направлении, в зависимости от того, в какую сторону двигался паром, а вол не требовалось выпрягать из постромок и разворачивать.

– Это очень просто, – отмахнулся Мерфин, когда Керис принялась восхищаться. Так и вправду было, что девушка признала, приглядевшись повнимательнее. Рычаг просто выводил из зацепа большое зубчатое колесо и передвигал на его место два малых колеса, из-за чего менялось направление вращения барабана. Но до сих пор никто в Кингсбридже никогда ничего подобного не видел.

За утро полгорода пришло подивиться на потрясающую новую машину Мерфина. Керис лучилась от гордости за него. Рядом стоял Элфрик, объяснял устройство механизма всем желающим и принимал похвалы вместо Мерфина.

Керис недоумевала, откуда у мастера такое самообладание. Он погубил дверь Мерфина, что возмутило бы город, не случись чудовищная трагедия на мосту, потом избил ученика поленом – у Мерфина еще не сошли синяки с лица. Сговорился с родными обманом заставить Мерфина жениться на Гризельде и воспитывать чужого ребенка. Юноша продолжал у него работать, сознавая, что чрезвычайные обстоятельства важнее любых ссор. Но девушка не понимала, почему Элфрик до сих пор высоко держит голову.

Паром оказался замечательным, но все же на замену мосту не годился.

Эдмунд указал на противоположный берег – очередь из повозок и торговцев растянулась на все предместье, сколько видел глаз.

- Будет быстрее с двумя волами, – заметил Мерфин.
- Вдвое быстрее?
- Не совсем, нет. Зато я могу сделать еще одну переправу.
- Вторая уже есть, – ткнул пальцем Эдмунд.

Иэн-лодочник перевозил людей на веслах. Он, разумеется, не мог брать на борт повозки, отказывался возить скот и требовал по два пенса с головы. Обычно Иэн с трудом наскребал себе на хлеб, дважды в день переправляя монахов на остров Прокаженных: других дел у него, как правило, не находилось, – но сегодня и к лодочнику выстроилась очередь.

Мерфин согласно кивнул:

- Ну что ж, вы правы: в конце концов, паром не мост.
- Это беда, – проронил Эдмунд. – Новости Буонавентуры нас уже подкосили. Но это... это может убить город.
- Тогда вам нужен новый мост.
- Не мне, аббатству. Приор погиб, и никому не известно, когда монахи выберут нового. Нужно поторопить нынешнего временного приора принять решение. Пойду-ка я навещу Карла. Идем со мною, Керис.

Отец с дочерью поднялись по улице и вошли в аббатство. Большинству посетителей приходилось отправляться в госпиталь и передавать через слуг, что им нужно поговорить с кем-то из монахов. Однако Эдмунд был слишком важным и слишком гордым гостем, чтобы испрашивать разрешения подобным образом. Приор, конечно, являлся хозяином Кингсбриджа, но Эдмунд был олдерменом гильдии, первым среди купцов, сделавших город таким, каким он стал, и воспринимал приора как свою ровню в управлении городом. Кроме того, последние тринадцать лет настоятелем аббатства был его младший брат, поэтому Эдмунд направился напрямик в дом приора с северной стороны собора.

В деревянном, как у Эдмунда, доме на первом этаже располагался большой зал и передняя, наверху – две спальни. Кухня отсутствовала, так как для приора готовили в монастыре. Многие епископы и настоятели жили во дворцах – тот же епископ Кингсбриджа имел прекрасный дворец в Ширинге, – но местный приор ратовал за скромность, делая уступку лишь ради удобных стульев, шпалер на стенах с изображением библейских сцен и большого очага, согревавшего дом в зимние холода.

Керис и Эдмунд пришли после завтрака, когда молодым монахам полагалось трудиться, а старшим читать. Карл Слепой находился в зале и был погружен в беседу с казначеем Симеоном.

- Мы должны поговорить о новом мосте, – с места начал олдермен.
- Хорошо, Эдмунд, – ответил Карл, узнав его по голосу.

Приветствие не отличалось особой сердечностью, и Керис решила, что они пришли не вовремя.

Эдмунд не менее тонко улавливал намеки, но всегда шел напролом. Он сел на стул и спросил:

– Как вы думаете, когда состоятся выборы нового аббата?

– Ты тоже можешь сесть, Керис, – предложил Карл. Любопытно, подумалось девушке, как он догадался, что она пришла с отцом. – Точная дата пока не определена. Граф Роланд имеет право назвать своего кандидата, но он еще не пришел в себя.

– Мы не можем ждать. – Керис показалось, что отец излишне резок, но такова уж была его манера, и она промолчала. – Строительные работы нужно начинать прямо сейчас. Дерево не годится. Строить необходимо из камня. Это займет три года, а если затянем, то четыре.

– Каменный мост?

– Да, только каменный. Я говорил с Элфриком и Мерфином. Деревянный мост рухнет точно так же, как рухнул прежний.

– Но расходы!

– Около двухсот пятидесяти фунтов в зависимости от конструкции по подсчетам Элфрика.

Брат Симеон поджал губы.

– Деревянный мост тянет на пятьдесят фунтов, и приор Антоний на прошлой неделе отверг этот план из-за непомерных расходов.

– И каков результат? Сотни жертв, куда больше раненых, погибший скот, повозки, приор скончался, а граф при смерти.

Карл жестко проговорил:

– Надеюсь, вы не собираетесь возлагать вину за все это на усопшего приора Антония.

– Мы не можем утверждать, что его решение пошло на пользу.

– Господь наказал нас за грехи.

Эдмунд вздохнул. Керис приуныла: всякий раз, когда ошибались, монахи начинали ссылаться на волю Господа.

– Нам, простым людям, трудно постичь Божий Промысел, – сказал Эдмунд. – Но одно известно наверняка: без моста город погибнет. Мы уже уступаем Ширингу. Если не построим как можно скорее новый каменный мост, Кингсбридж станет маленькой деревней.

– Возможно, таков Божий замысел.

Эдмунд начал раздражаться.

– А возможно ли, что Господь недоволен вами, монахами? Поверьте, если шерстяная ярмарка и рынок захиреют, здесь не будет ни аббатства с двадцатью пятью братьями, сорока сестрами и пятьюдесятью служками, ни госпиталя, ни хора, ни школы. Может, не будет даже собора. Епископ Кингсбриджа всегда жил в Ширинге. Что, если тамошние богатые купцы предложат ему построить великолепный новый собор на доходы от их процветающей торговли? Ни рынка, ни города, ни собора, ни аббатства – вы этого хотите?

Карл выглядел расстроенным. Ему явно не приходило в голову, что крушение моста способно в отдаленном будущем обернуться крахом для аббатства.

Но Симеон повторил:

– Если монастырь не имеет средств построить деревянный мост, что уж говорить о каменном.

– Но вам придется его построить!

– А каменщики будут работать бесплатно?

– Разумеется, нет. Им нужно кормить семьи. Мы уже объясняли, что горожане могут собрать деньги и одолжить их аббатству под мостовщину.

– Отобрать у нас доход с моста? – возмущенно воскликнул Симеон. – Вы опять за свое?

– Сейчас вы вообще ничего не получаете, – вставила Керис.

– Почему же, нам отходит плата за паром.

– Значит, вы все же нашли средства расплатиться с Элфриком?
– Это намного дешевле, чем мост, но наша казна изрядно пострадала.
– Так вы ее не пополните: паром переправляет слишком медленно.
– Не исключено, что в будущем аббатство сможет построить новый мост. Если Господу будет угодно, он ниспошлет нам средства. И тогда мы станем получать причитающийся доход в полной мере.

– Господь уже послал вам решение: надоумил мою дочь, как собрать необходимые средства. Такого еще никто не делал.

Карл сухо ответил:

– Пожалуйста, предоставьте нам решать, что замыслил Господь.

– Прекрасно. – Эдмунд встал, за ним поднялась и Керис. – Мне очень жаль, что вы настолько упрямы. Это гибель для Кингсбриджа и для всех, кто там живет, включая монахов.

– Я должен слушаться Господа, а не вас.

Отец и дочь направились было к выходу.

– Еще одно, если позволите, – остановил их Карл.

Эдмунд обернулся.

– Разумеется.

– Мирянам не дозволяется свободно заходить в здания аббатства. В следующий раз, когда вам будет угодно повидать меня, пожалуйста, ступайте в госпиталь и пошлите послушника или служку аббатства найти меня, как полагается.

– Я олдермен приходской гильдии, – возразил Эдмунд, – и всегда имел прямой доступ к приору.

– Никаких сомнений, приору Антонию, вашему брату, было неудобно настаивать на соблюдении обычных правил. Но эти дни миновали.

Керис посмотрела на отца. Тот едва сдерживал бешенство.

– Как скажете.

– Да благословит вас Господь.

Эдмунд вышел, Керис последовала за отцом.

Вместе они пересекли двор и лужайку, миновали прискорбно жалкую горстку рыночных лотков. Девушка понимала, как тяжело отцу, сколь велики его обязательства. Большинство горожан беспокоились лишь о том, как прокормить семью. Олдермен же заботился обо всем городе. Керис покосилась на отца и заметила, что тот озадаченно кривится. В отличие от Карла Эдмунд не станет воздевать руки к небу и твердить, что на все воля Божья. Нет, он будет ломать голову, пытаясь решить задачу. Керис стало жаль отца, брошенного на произвол судьбы без всякой помощи от будто бы всемогущего аббатства. Отец никогда не жаловался на груз ответственности, просто брал его на себя. Ей захотелось плакать.

Вышли со двора на главную улицу. У двери дома Керис спросила:

– Что же нам теперь делать?

– Это же очевидно, – ответил отец. – Нельзя допустить, чтобы Карла выбрали приором.

15

Годвин хотел стать аббатом Кингсбриджа, желал этого всем сердцем. Ему не терпелось изменить к лучшему денежное положение аббатства, навести порядок в управлении землями и другим имуществом, чтобы монахам больше не приходилось обращаться за деньгами к матери Сесилии. Он жаждал добиться четкого разделения братии с сестрами, а также выстроить преграду между всеми монашествующими и горожанами, чтобы принявшие постриг могли дышать чистым воздухом праведности. Помимо этих высоких целей им двигало кое-что еще: он желал власти и титулов. По ночам он уже воображал себя приором.

«Прибери мусор во дворе», – говорил он какому-нибудь монаху.

«Да, отец-настоятель, уже иду».

Годвину нравилось, как звучат слова «отец-настоятель».

«Добрый день, епископ Ричард», – говорил он дружески, вежливо, но без подобострастия.

Епископ Ричард отвечал ему, как один почтенный клирик отвечает другому: «Вам также добрый день, приор Годвин».

«Надеюсь, вы довольны, милорд архиепископ?» – спрашивал настоятель уже более почтительно, но все же не как подчиненный, а как младший сподвижник великого человека.

«О да, приор, вы проделали прекрасную работу».

«Ваше преосвященство очень добры».

Может быть, в один прекрасный день, прогуливаясь по дворику подле богато одетого властителя, он скажет: «Ваше величество оказали нам великую честь, посетив наше скромное аббатство».

«Благодарю вас, отец Годвин, но я приехал к вам за советом».

Да, ризничий очень хотел стать настоятелем, но не знал, как этого добиться. Думал неделю напролет, наблюдая за сотнями похорон и устраивая воскресную службу – погребение Антония и одновременно поминание всех погибших жителей Кингсбриджа.

О своих чаяниях он ни с кем не заговаривал. Всего десять дней назад он познал цену бесхитростности, когда пришел на общее собрание с «Книгой Тимофея» и сильными доводами в пользу перемен, а старики, словно сговорившись, дружно ополчились на него и размозжили, точно колесо повозки лягушку.

Такое больше не должно повториться.

В воскресенье утром, когда монахи потянулись в трапезную на завтрак, послушник шепнул Годвину, что у северного входа в собор ожидает его мать. Ризничий незаметно отделился от братии.

Легким шагом, почти крадучись, он пересек двор и вступил в собор. Его одолевали дурные предчувствия. Наверное, что-то стряслось, что-то произошло вчера, и Петранилла забеспокоилась. Небось пролежала полночи без сна, зато проснулась с рассветом, составив некий план действий, и он, Годвин, был частью этого плана. Значит, мать будет крайне настойчивой и станет подавлять. Скорее всего ее план сулит успех, но даже если нет, она все равно будет требовать его выполнения.

Петранилла стояла во мраке в мокрой накидке – опять пошел дождь.

– Мой брат Эдмунд ходил вчера к Карлу Слепому. Говорит, Карл ведет себя так, будто уже стал приором, а выборы – простая условность.

В ее голосе звучало обвинение, словно Годвин был виноват в спеси регента, и Годвин начал защищаться:

– Старики сплотились вокруг Слепого еще прежде, чем остыло тело дяди Антония. Они и слышать не хотят о других кандидатах.

– Хм-м. А молодые?

– Конечно, хотят меня. Им понравилось, как я выступил против приора Антония с «Книгой Тимофея», хоть меня и поставили на место. Но я ничего не ответил.

– Другие соперники есть?

– Лэнгли – чужак. Некоторые не любят его, так как он был рыцарем и по собственному произволу убивал людей. Зато он очень способный, хорошо работает и никогда не задирает послушников...

Петранилла задумалась.

– А какова его история? Почему он стал монахом?

Дурные предчувствия, похоже, не оправдывались. Вроде бы мать не собиралась бранить Годвина за бездействие.

– Сам он говорит, что всегда стремился к благочестивой жизни и, когда оказался здесь с раной от меча, решил остаться.

– Это я помню. Десять лет назад было. Кстати, известно, кто его ранил?

– Нет. Брат Томас не любит рассказывать о своем бурном прошлом.

– А кто внес за него пожертвование?

– Как ни странно, этого я тоже не знаю. – Годвин часто поражался способности матери задавать самые важные вопросы и восхищался ею, при всех ее деспотических замашках. – Возможно, епископ Ричард. Помню, он обещал посодействовать. Но своих средств у него не имелось, ведь тогда он был не епископом, а простым священником. Возможно, он попросил графа Роланда.

– Выясни это.

Годвин не спешил соглашаться. Придется просмотреть все документы в монастырской библиотеке. Библиотекарь брат Августин не посмеет расспрашивать ризничего, но есть люди поважнее библиотекаря. Тогда понадобится правдоподобное объяснение. Если пожертвование поступило деньгами, а не землями или каким-либо иным имуществом – это было необычно, но допускалось, – придется изучить все счета...

– В чем дело? – резко спросила мать.

– Ни в чем. Ты права. – Годвин снова напомнил себе, что материнская тирания – признак любви; наверное, иначе Петранилла не умеет выражать свою заботу. – Должна быть запись. Просто...

– Что?

– О таких пожертвованиях обычно трубят на всех углах. Приор объявляет об этом в храме, призывает благословение на голову жертвователя, затем читает проповедь о том, что люди, дарующие земли монастырям, вознаграждаются на небесах. Но я не помню ничего подобного в то время, когда у нас появился Лэнгли.

– Тем более нужно поискать в документах. Думаю, у этого Томаса есть какая-то тайна, а тайна всегда слабость.

– Я проверю. Но что отвечать тем, кто хочет видеть меня приором?

Петранилла улыбнулась.

– Думаю, лучше отвечать, что ты не собираешься выдвигаться.

* * *

Когда Годвин простился с матерью, завтрак уже закончился.

По старинному правилу опоздавших не кормили, но трапезник брат Рейнард всегда находил что-нибудь для своих любимчиков. Годвин прошел на кухню и получил кусок сыра с хлебом. Ел он стоя, а монастырские служки носили миски из трапезной и скребли железный котел, в котором варилась каша для завтрака.

Годвин обдумывал слова матери, и чем дольше размышлял, тем разумнее казался ее совет. Если он объявит, что не собирается выдвигаться, все его дальнейшие высказывания станут восприниматься как незаинтересованное мнение. Он сможет управлять выборами, не возбуждая подозрений в том, что действует ради собственной выгоды. А в последний миг сделает свой ход. Теплая волна благодарности матери за изворотливость ума и верность неукротимого сердца заполнила душу.

Брат Теодорик отыскал ризничего на кухне. Светлокожий монах покраснел от возмущения.

– Брат Симеон за завтраком сказал нам, что Карл станет приором! – воскликнул он. – Мол, нужно блюсти мудрые установления Антония. Слепой ничего не будет менять!

«Хитро», – подумал Годвин. Казначей воспользовался отсутствием Годвина и сообщил братии то, что вызвало бы возражения ризничего, будь он на завтраке.

Годвин поморщился:

– Это некрасиво.

– Я спросил, позволено ли другим кандидатам обратиться к монахам таким же образом за завтраком.

Годвин похвалил:

– Молодец!

– Симеон сказал, что другие кандидаты не нужны. Дескать, у нас не состязание в стрельбе из лука. По его мнению, решение уже принято: приор Антоний избрал Карла своим преемником, назначив помощником.

– Какая ерунда.

– Точно. Монахи в бешенстве.

«Это замечательно, – подумал Годвин. – Карл обидел даже своих сторонников, лишив их права выбора. Слепой сам рубит сук, на котором сидит».

Теодорик продолжал:

– Думаю, нужно заставить Карла отказаться.

Годвину захотелось узнать, не спятил ли монах, однако он прикусил язык и попытался сделать вид, будто размышляет над этим предложением.

– Думаешь, так будет лучше? – спросил он, словно в самом деле сомневался.

Теодорик удивился вопросу.

– Ты о чем?

– Говоришь, братья в бешенстве от Карла и Симеона? Тогда они не проголосуют за Карла. Но если Слепой откажется от выборов, старики выставят нового кандидата, причем посильнее, например, брата Иосифа, которого все уважают.

Теодорик ошарашенно кивнул.

– Я об этом не подумал.

– Наверное, будет лучше, если кандидатом стариков останется Карл. Все знают, что он против любых перемен. Слепой стал монахом, поскольку ему приятно, что каждый новый день не приносит ничего нового. Он намерен ходить по одним и тем же дорожкам, сидеть на том же стуле, обедать, молиться, спать в одних и тех же местах. Возможно, причиной тому его слепота, хотя я предполагаю, что он вообще такой по характеру. Но это не важно. По его мнению, менять ничего не нужно. Однако многие монахи настроены иначе, поэтому Карла легко обойти. Другой кандидат от стариков, ратующий за мелкие, несущественные перемены, победит скорее. – Годвин осекся, поймав себя на том, что отбросил показную неуверенность и принялся составлять вслух план действий. – Не знаю, конечно, а ты как думаешь?

– Я думаю, что ты гений, – ответил Теодорик.

«Нет, не гений, – подумал Годвин, – но быстро учусь».

Он направился в госпиталь, где нашел Филемона, подметавшего гостевые комнаты наверху. В аббатстве по-прежнему находился лорд Уильям, ожидавший, пока его отец придет в себя или умрет. Леди Филиппа не покидала супруга. Епископ Ричард вернулся в Ширинг, но должен был приехать сегодня на поминальную службу.

Годвин повел Филемона в библиотеку. Сам служка едва умел читать, но мог оказаться полезным.

В аббатстве хранилось более сотни хартий. Большинство содержало сведения о заключении земельных сделок, в основном в окрестностях Кингсбриджа, хотя отдельные владения аббатства были рассеяны по всей Англии и встречались даже в Уэльсе. Другие хартии наделяли монахов правом учреждать обители, строить церкви, бесплатно брать камни из каменоломни во владениях графа Ширинга, делить землю вокруг аббатства на участки под дома и сдавать их в аренду, собирать мостовщину, проводить судебные заседания, а также устраивать раз в неделю рынок и проводить ежегодно шерстяную ярмарку, а еще сплавлять товары в Мелкум по реке, не платя податей владельцам земель, по которым та река протекала.

Хартии писались пером и чернилами на пергаменте. Тонкую кожу старательно зачищали, скоблили, отбеливали и растягивали, чтобы она стала пригодной для письма. Длинный пергамент сворачивали в свитки, перевязывали тонкими кожаными ремешками и хранили в обитом железом сундуке. Тот запирался на замок, но ключ хранился тут же, в библиотеке, в маленькой резной шкатулке.

Открыв сундук, Годвин недовольно нахмурился. Хартии, обычно лежавшие ровными рядами, были запиханы кое-как. Некоторые оказались измятыми, обтрепались, все без исключения запылились. «Их нужно хранить в календарной последовательности, – думал ризничий, – пронумеровать, а список с номерами прикрепить к внутренней стороне крышки, чтобы каждый документ было легко отыскать. Когда стану приором...»

Филемон по одной вытаскивал хартии, сдувал пыль и клал на стол перед Годвином. Служку не любили почти все. Кое-кто из пожилых монахов не доверял ему, но только не Годвин: трудно испытывать неприязнь к человеку, который видит в тебе всемогущего заступника. Впрочем, большинство привыкли к Филемону, ведь он находился в аббатстве давным-давно. Годвин помнил его еще мальчиком, высоким и неуклюжим, который вечно торчал возле монастыря, расспрашивая братьев, какому святому лучше молиться и видели ли монахи когда-нибудь своими глазами настоящее чудо.

Большинство документов писали на одном листе дважды. Затем между одинаковыми текстами большими буквами выводили слово «хирографа»³⁰ и по этому слову зигзагом разрезали пергамент на две части. Потом половинки складывали, и если линии зигзага совпадали, это служило доказательством, что оба документа подлинные.

На некоторых хартиях имелись дыры – должно быть, там, куда живую еще овцу укусило насекомое. Другие были обгрызены – по всей видимости, мышами.

Конечно, все хартии были на латыни. Свежие читались легче, но старинный шрифт порою давался Годвину с трудом. Он просматривал документы в поисках нужной даты, ведь целью его являлась хартия, написанная вскоре после службы Всем Святым десять лет назад.

Увы, нужной не нашлось.

Ближайшим по времени являлся документ, составленный несколько недель спустя: граф Роланд давал позволение сэру Джеральду перевести земли во владение монастыря, в обмен на что аббатство прощало рыцарю долги и брало его вместе с женой на пожизненное иждивение.

Годвин не сильно расстроился. Скорее наоборот. Либо брата Томаса приняли в монастырь без обычного пожертвования – что само по себе странно, – либо документ хранится в

³⁰ Хирографа – букв. «собственноручная подпись» (*греч.*); в более широком значении – признак подлинности документа, нанесенный от руки.

другом месте, подальше от любопытных глаз. В любом случае мать права и у Лэнгли действительно есть тайна.

Укромных уголков в аббатстве было немного. Хотя в некоторых богатых монастырях старшим братьям выделяли отдельные кельи, в Кингсбридже все, кроме настоятеля, спали в одной большой комнате. Почти наверняка искомая хартия о приеме Томаса находится в доме приора.

Этот дом ныне занимает Карл.

Плохо, дело усложняется. Слепой не позволит Годвину там шарить. Хотя шарить-то, может, и не придется. Почти наверняка где-нибудь на видном месте стоит шкатулка или ларец с личными документами покойного приора: записи поры послушничества, дружеские письма от архиепископа, проповеди. Верно, после смерти Антония регент велел все просмотреть, но это вовсе не значит, что он разрешит Годвину сделать то же самое.

Раздумывая, Годвин нахмурился. Если Эдмунд или Петранилла попросят показать им бумаги покойного брата, Карлу будет сложно отклонить такую просьбу. Но прежде Слепой может кое-что изъять. Нет, искать нужно тайком.

Зазвонил колокол на службу третьего часа. Годвин вдруг осознал, что единственное время, когда Карла наверняка не будет в доме, это соборная служба.

Значит, придется пропустить молитву. Потребуется правдоподобное объяснение, а подобрать такое будет нелегко: он ризничий, тот самый человек, который ни при каких обстоятельствах не должен пропускать службы. Но выбора не было.

– Подойди ко мне в храме, – велел он Филемону.

– Хорошо, – ответил тот, но заметно встревожился: служкам не разрешалось заходить в алтарную часть во время службы.

– Зайди сразу после прочтения стиха³¹ и пошепчи мне что-нибудь на ухо. Не важно что. Не обращай внимания на мое недовольство, продолжай шептать.

Филеон озадаченно нахмурился, но кивнул в знак согласия. Для Годвина он сделает все.

Ризничий вышел из библиотеки и присоединился к братьям, шедшим в собор. В нефе стояло всего несколько человек: большинство горожан придут позже, на поминальную службу. Монахи заняли свои места в алтаре, и служба началась.

– Господи, помилуй, – взмолился Годвин вместе с остальными.

Прочитали из Библии, начался первый гимн, и тут появился Филеон. Все монахи уставились на него, как бывает, когда по ходу привычного действия случается что-то необычное. Брат Симеон неодобрительно насупился. Регент Карл почувствовал общее смятение, и на лице его промелькнуло удивление. Служка подошел к Годвину и поклонился.

– Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых³², – прошептал он.

Годвин сделал вид, что удивился, но не стал прерывать службу, а Филеон продолжал читать первый псалом. Спустя несколько мгновений Годвин потряс головой, как бы отклоняя некую просьбу, затем вновь прислушался, сознавая, что ему придется придумать убедительное оправдание всей этой пантомиме. К примеру, можно потом сказать, что его матери понадобилось срочно переговорить с ним о похоронах Антония, и она угрожала ворваться в алтарную часть, если Филеон не позовет Годвина. Норов Петраниллы в сочетании с семейным горем делал эту историю вполне правдоподобной. Когда служба дочитал до конца псалом, Годвин соорудил сокрушенную мину, встал со скамьи и следом за Филемоном покинул храм.

³¹ В литургии службы третьего, шестого и девятого часа имеют одинаковую структуру: сначала пропеваются три псалма, целиком или отрывками, далее зачитывается какой-либо стих из Библии («малая глава»), потом звучит гимн.

³² Пс. 1:1.

Они спешно обошли собор, торопясь в дом приора. На пороге им встретился молодой служка, подметавший пол, но не посмел ни о чем спрашивать ризничего. Может, потом он наябедничает Карлу, что Годвин и Филемон приходили в его отсутствие, но будет уже поздно.

Ризничий считал дом приора позором для аббатства. Строение было меньше дома дяди Эдмунда на главной улице, хотя настоятелю полагался подобающий его сану дворец, как у епископа. А в этом строении не было ничего величественного. На стенах висели редкие шпалеры с библейскими сценами, мешавшие свободно гулять по дому сквознякам, но все убранство было каким-то блеклым, не внушающим почтения, – как и сам покойный Антоний.

Годвин и Филемон быстро осмотрели дом и вскоре нашли то, что искали. Наверху, в спальне, в сундуке возле скамеечки для молитв лежала довольно большая сумка мягкой козьей кожи имбирного оттенка, красиво расшитая алой нитью. Наверняка дар какого-нибудь набожного городского кожевника.

Филемон пристально посмотрел на Годвина, а тот открыл сумку.

Внутри нашлось около трех десятков пергаментных свитков, переложенных холщовыми тряпочками. Ризничий быстро их просмотрел.

Некоторые содержали скучные записи про псалмы: должно быть, Антоний когда-то думал написать книгу толкований к псалмам, да так и не собрался. Более всего Годвина удивило лирическое стихотворение на латыни. Заголовок «*Virent oculi*»³³ говорил о том, что оно посвящено человеку с зелеными глазами. У дяди Антония, как и у всех членов семьи, были зеленые глаза с золотыми искорками.

Годвин прикинул, кто мог быть автором стихов. Не так уж много женщин настолько хорошо владеют латынью, чтобы писать стихи. Или автором был мужчина? Пергамент старый, пожелтевший: любовная история, если таковая имела место, произошла в юности покойного настоятеля. Может, Антоний и не был таким уж скучным типом, каким всегда казался Годвину.

Филемон спросил:

– Это что?

Монах почувствовал себя виноватым: заглянул в укромный уголок личной жизни дяди и пожалел об этом.

– Ничего, просто стихотворение.

Он взял в руки следующий пергамент и замер.

Хартия, датированная Рождеством десятилетней давности. Речь в ней шла о пятистах акрах земли возле Линна в Норфолке. Владелец земель на ту пору недавно скончался. Бесплодные владения передавались Кингсбриджскому аббатству, оговаривались ежегодные подати – зерном, руном, телятами, цыплятами. Выплачивать должное аббатству полагалось сервам³⁴ и свободным крестьянам, что трудились на этой земле. Указывалось имя крестьянина, назначаемого старостой и отвечавшего за ежегодные поставки в аббатство. Документ предусматривал также денежные выплаты вместо продуктов – распространенная ныне практика, особенно когда владения располагались далеко от местожительства владельца.

Обычная хартия. Каждый год после сбора урожая старосты из десятков таких деревень появлялись в аббатстве – привозили монахам подати. Из ближних селений приезжали ранней осенью, остальные – в разные сроки до Рождества.

³³ «Зеленым глазам» (лат.).

³⁴ Серв – крестьянин, который находился в личной зависимости от сеньора (отношения серважа); не следует отождествлять сервов с вилланами, хотя именно последний термин фигурировал в «Книге Страшного суда», то есть в переписи населения Англии, проведенной после нормандского завоевания. Вилланы – скорее общее обозначение крестьянского сословия той поры, тогда как название «серв» относилось к конкретной категории крестьян, прикрепленных к своему наделу: сервы несли более тяжелые повинности, нежели вилланы в целом, и были лишены свободы передвижений.

Еще в документе указывалось, что дар пожертвован в благодарность за то, что монастырь принял сэра Томаса Лэнгли в монахи: ничего особенного, – но привлекала внимание подпись на документе. Хартию подписала королева Изабелла.

Вот это уже интересно. Неверная супруга Эдуарда II подняла мятеж против короля, посадив на престол своего четырнадцатилетнего сына. Вскоре свергнутый король умер, и приор Антоний ездил на погребение в Глостер. Брат Томас появился в монастыре приблизительно в это же время.

Несколько лет в Англии хозяйничали королева и ее фаворит Роджер Мортимер, но недавно, несмотря на молодость, их оттеснил от власти Эдуард III. Новому королю было двадцать четыре года, однако правил он крепкой рукой. Мортимер умер, а Изабелла в свои сорок два поселилась в роскошном, но уединенном замке Райзинг в Норфолке, недалеко от Линна.

– Вот оно! – Годвин повернулся к Филемону. – Брат Томас стал монахом благодаря королеве Изабелле.

Филемон нахмурился.

– Но почему?

Нигде не учившийся, служка был сметлив от природы.

– А в самом деле, почему? – задумался вслух Годвин. – Может, она хотела вознаградить его или заставить замолчать, а может, и то и другое вместе. Ведь это случилось в год свержения короля.

– Должно быть, Томас оказал ей какую-то услугу.

Годвин кивнул.

– Например, доставил какую-нибудь записку, или открыл ворота замка, или выдал планы короля, или заручился для нее поддержкой важного барона. Но почему это тайна?

– Это не может быть тайной, – возразил Филемон. – Казначей должен знать. И в Линне все должны знать. Староста ведь говорит с кем-то, когда приезжает сюда.

– Но никому не ведомо, что все делалось во благо брата Томаса, если, конечно, никто не заглядывал в эту хартию.

– Выходит, вот в чем тайна – королева Изабелла внесла пожертвование за Томаса.

– Воистину так. – Годвин аккуратно переложил листы пергамента тряпочками, засунул их обратно в сумку, а сумку положил в сундук.

Филемон спросил:

– Но почему это нужно хранить в тайне? В таком пожертвовании нет ничего бесчестного или позорного. Обычное дело.

– Не знаю почему, да нам это и не нужно. Вполне достаточно того, что кто-то пытается сохранить секрет. Пойдем.

Годвин ликовал. У Лэнгли есть тайна, и он, Годвин, об этом знает. Это власть. Теперь он может выдвинуть на должность аббата брата Томаса. Но в глубине души его снедала тревога: Томас вовсе не дурак.

Годвин и Филемон вернулись в собор. Служба вскоре закончилась, и ризничий начал готовиться к поминовению. По его указанию шестеро монахов поставили гроб с телом Антония на возвышение перед алтарем, а вокруг разместили свечи. Горожане стали собираться в неф. Годвин кивнул двоюродной сестре Керис, которая повязала черный шелковый платок поверх повседневного головного убора. Тут он заметил Томаса, который вместе с послушником нес большое красивое кресло – епископский престол, или кафедру, которая и давала собору статус кафедрального.

Годвин тронул монаха за руку.

– Давай дальше понесет Филемон.

Томас явно вознегодовал, решив, что собрат предлагает помощь калеке.

– Я справлюсь.

– Знаю, что справишься. Мне нужно с тобою поговорить.

Лэнгли был старше Годвина – ему исполнилось тридцать четыре, Годвину стукнул тридцать один, – но в монастырском чинопочинии ризничий стоял выше. Тем не менее он всегда немного робел перед Томасом. Матрикуларий неизменно выказывал уважение, но Годвину это почтение казалось напускным: он подозревал, что Томас уважителен ровно настолько, насколько требуется, не более того. В своих поступках брат Томас целиком соответствовал Правилам святого Бенедикта, однако чудилось, что он принес в аббатство дух рыцарской вольницы и за минувшие годы нисколько не утратил былой самостоятельности суждений.

Обмануть Лэнгли будет непросто, а именно это Годвин и намеревался сделать.

Томас уступил Филемону престол и отошел следом за ризничим в боковой придел.

– Говорят, ты можешь стать приором, – начал Годвин.

– То же самое говорят о тебе, – ответил Томас.

– Я откажусь выдвигаться.

Томас приподнял бровь.

– Ты удивляешь меня, брат.

– По двум причинам. Во-первых, как мне кажется, ты лучше справишься с этой ношей.

Томас удивился еще больше. Видимо, он не предполагал в Годвине подобной скромности. И был прав: ризничий лгал.

– Во-вторых, у тебя больше сторонников. – Вот теперь Годвин говорил правду. – Молодые предпочитают меня, но ты по нраву всем независимо от возраста.

Томас озадаченно сощурился, пытаясь отыскать ловушку.

– Я хочу тебе помочь, – продолжал ризничий. – Убежден, нам следует выбрать приором, который изменит аббатство и приведет в порядок хозяйство.

– Думаю, мне это по силам. Но чего ты хочешь за поддержку?

Годвин понимал, что ничего не просить нельзя: Томас все равно не поверит, поэтому заготовил правдоподобную ложь:

– Хочу стать твоим помощником.

Томас кивнул, но согласился не сразу.

– И как ты собираешься мне помогать?

– Прежде всего обеспечу тебе поддержку горожан.

– Считаешь, для этого достаточно иметь дядей Эдмунда-суконщика?

– Не все так просто. Городу нужен мост. Карл ничего не обещает. Город не хочет видеть его приором. Если я скажу олдермену, что ты начнешь строить мост сразу после избрания, за тебя встанут все горожане.

– Но тогда многие монахи за меня не проголосуют.

– Я в этом не уверен. Не забудь: выбор братьев должен одобрить епископ. Епископы, как правило, достаточно осторожны и учитывают мнение мирян. Ричард не станет нарываться на неприятности. Если горожане поддержат тебя, это будет много значить.

Годвин видел, что Томас ему не верит. Матрикуларий пристально смотрел на него, и ризничий ощутил, как по хребту сбегает струйка холодного пота. Однако в итоге Томас согласился с его доводами.

– Разумеется, нам нужен новый мост. Глупо со стороны Карла этому противиться.

– Значит, ты пообещаешь исполнить то, о чем думал сам?

– Ты весьма настойчив.

Годвин вскинул руки, как бы извиняясь.

– Я вовсе не хотел наседать, прости. Конечно, следует делать то, в чем ты зришь Божью волю.

Томас с сомнением усмехнулся: не верилось в бескорыстие Годвина, – но все же ответил:

– Хорошо. Я буду просить совета в молитве.

Ризничий понял, что большей ясности сегодня ему не добиться, а давить сильнее боялся.
– Я тоже.

Томас и вправду будет молиться. Для себя ему почти ничего не нужно. Если он решит, что такова воля Божья, то согласится пойти на выборы приора, а коли нет, то нет. Прямо сейчас Годвин больше ничего не мог поделать.

Гроб с телом Антония стоял в кругу свечного пламени. Собор заполнили горожане и крестьяне из окрестных деревень. Годвин поискал глазами Керис, которую видел какое-то время назад. Девушка стояла в южном трансепте и осматривала леса Мерфина в приделе. Годвин любил вспоминать те времена, когда Керис была маленькой, а он являлся для нее всезнающим старшим братом.

После крушения моста Керис ходила мрачной, но сегодня заметно повеселела, и Годвин порадовался: ему было приятно видеть ее в хорошем настроении.

– У тебя, кажется, все хорошо. – Он тронул двоюродную сестру за локоть.

– Да, – Керис улыбнулась. – Любовный узел развязался. Но тебе этого не понять.

– Да куда уж.

«Ты и понятия не имеешь, – подумал Годвин, – сколько любовных узлов среди монахов». Но вслух этого говорить не стал: к чему мирянам знать о том, что происходит в монастырях?

– Попроси отца поговорить с епископом Ричардом по поводу строительства нового моста.

– С какой стати? – недоуменно спросила Керис. Ребенком она почитала двоюродного брата как героя, но детское благоговение давно улетучилось. – Зачем? Это же не его мост.

– Избранного монахами приора должен одобрить епископ. Ричард мог бы дать понять, что не утвердит того, кто не собирается строить мост. Некоторые братья останутся при своем убеждении, но будут и такие, которые решат, что нет смысла голосовать заведомо впустую.

– Понятно. Ты в самом деле думаешь, что отец поможет?

– Не сомневаюсь.

– Я передам.

– Спасибо.

Зазвонил колокол. Годвин незаметно вышел из собора во двор и влился в череду монахов, что брели к храму. Наступил полдень.

За утро проделана хорошая работа.

16

Рано утром в понедельник Вулфрик и Гвенда отправились в дальний путь из Кингсбриджа домой, в Уигли.

Керис и Мерфин смотрели, как они плывут на новом пароме. Мерфин не мог нарадоваться творению своих рук. Правда, деревянные шестерни грозили быстро стереться. Лучше бы, конечно, железные, но...

Девушка думала о другом.

– Гвенда так влюблена. – Она вздохнула.

– Вулфрика ей не получить.

– Откуда ты знаешь? Она решительная. Сумела даже удрать от Сима-торгаша.

– Но Вулфрик помолвлен с этой Аннет, которая намного красивее.

– Красота далеко не все в любви.

– За что я благодарю Бога каждый день.

Девушка рассмеялась:

– Мне нравится твое смешное лицо.

– Вулфрик подрался из-за Аннет с моим братом. Наверно, он любит ее.

– У Гвенды есть приворотное зелье.

Мерфин неодобрительно покачал головой.

– Считаешь, девушка обманом может женить на себе мужчину, который любит другую?

С минуту Керис молчала. Ее нежная шейка покраснела.

– Я как-то не подумала... Разве это не одно и то же?

– Почти.

– Но она не заставляет его, а просто хочет, чтобы ее полюбили.

– Пусть добьется этого без всякого зелья.

– Теперь мне стыдно, что я ей помогала.

– Поздно.

Вулфрик и Гвенда сошли с парома на дальнем берегу, обернулись, помахали на прощание и зашагали по дороге, что бежала через предместье. Рядом семенил Скип.

Мерфин и Керис вернулись на главную улицу, и девушка спросила:

– Ты еще не говорил с Гризельдой?

– Как раз собираюсь. Не могу понять, хочу я встречи с нею или боюсь.

– Тебе нечего бояться. Это она лгала.

– Так-то оно так. – Мерфин потрогал свое лицо. Синяки почти сошли. – Надеюсь только, ее отец не полезет опять драться.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Он очень этого хотел, но помотал головой.

– Я заварил всю кашу, мне и расхлебывать.

Молодые люди остановились возле дома Элфрика.

– Удачи, – пожелала Керис.

– Спасибо. – Мерфин быстро поцеловал ее, подавил искушение продлить поцелуй и вошел в дом.

Элфрик сидел за столом и ел хлеб с сыром. Перед ним стояла кружка с элем. За его спиной, на кухне, Мерфин разглядел Элис и служанку. Гризельды не было.

– Где ты пропадал? – справился Элфрик.

Мерфин решил, что раз бояться ему нечего, то действовать надо бесстрашно. Не ответив на вопрос Элфрика, он задал свой:

– Где Гризельда?

- Спит еще.
- Мерфин крикнул наверх:
- Гризельда! Нам нужно поговорить.
- Элфрик проворчал:
- Времени нет лясы точить. Работать надо.
- Мерфин пропустил ворчание мимо ушей и снова крикнул:
- Гризельда, вставай!
- Эй! – вскинулся Элфрик. – Ты кто такой, чтобы тут командовать?
- Вы ведь хотите, чтобы я на ней женился?
- И что?
- Значит, ей пора привыкать слушаться мужа. – Мерфин опять возвысил голос: – Спускайся, не то тебе придется узнать кое-что от других.
- Гризельда появилась на площадке наверху лестницы и раздраженно пробурчала:
- Иду. Что случилось-то?
- Мерфин подождал, пока она спустится.
- Я знаю, кто отец ребенка.
- Во взгляде Гризельды мелькнул страх.
- Не будь дураком: ты и есть отец.
- Нет, Терстан.
- Я не спала с ним! – Дочь посмотрела на отца. – Честно, не спала.
- Она не врет, – проговорил Элфрик.
- Из кухни выглянула Элис.
- Это правда.
- Я был с Гризельдой в воскресенье ярмарочной недели, пятнадцать дней назад. А она уже на третьем месяце.
- Нет!
- Мерфин пристально посмотрел на Элис.
- Ты ведь знала, верно? – Она отвернулась. – И все-таки солгала. Даже родной сестре.
- Ты не можешь знать, на каком она месяце, – возразил Элфрик.
- Да посмотрите же на нее! – воскликнул Мерфин. – Не видите, что ли, как живот округлился? Да, несильно, но заметно.
- Что ты в этом понимаешь? Мал еще.
- Ага, именно на это вы и рассчитывали, правда? Почти сработало.
- Элфрик погрозил пальцем.
- Ты спал с Гризельдой и женишься на ней.
- Нет, не женюсь. Она меня не любит. Терстан сбежал, и ваша дочь переспала со мной, чтобы у ребенка был отец. Я знаю, что поступил неправильно, но не собираюсь наказывать себя всю оставшуюся жизнь.
- Элфрик встал.
- Ты женишься, и вся недолга.
- Нет.
- Придется.
- Нет.
- Элфрик побагровел и рявкнул:
- Ты женишься на ней!
- Сколько раз повторять? Нет!
- Элфрик понял, что Мерфин настроен решительно.
- В таком случае вон из моего дома, и чтоб ноги твоей здесь не было.

Мерфин ждал этого, потому испытал облегчение. Выходит, иных доводов у мастера не осталось.

– Ладно.

Он было шагнул вперед, но Элфрик загородил ему дорогу.

– Ты куда это?

– На кухню, за вещами.

– За инструментами, ты хочешь сказать.

– Да.

– Они не твои. Их покупал я.

– Подмастерью всегда выдают его инструменты в конце... – Мерфин осекся.

– Ты не отбыл положенный срок, поэтому никаких инструментов не получишь.

А вот этого юноша не ожидал.

– Я работал шесть с половиной лет!

– А должен был семь.

Без инструментов на жизнь зарабатывать было нечем.

– Это нечестно. Я пожалуюсь в гильдию плотников.

– Жду не дождусь, – злорадно усмехнулся Элфрик. – Интересно, как ты объяснишь, почему подмастерью, которого вышвырнули за то, что он переспал с дочерью наставника, причитаются бесплатные инструменты. У всех плотников гильдии есть подмастерья, и у большинства есть дочери. Жалуйся сколько влезет, пока зад не порвешь.

Юноша осознал, что Элфрик прав.

Элис добавила:

– Вот ты и влип в неприятности, дружок.

– Да, влип, – отозвался Мерфин. – Но что бы там ни случилось, это лучше, чем жизнь с Гризельдой и ее родственничками.

* * *

Тем же утром Мерфин отправился в церковь Святого Марка на похороны Хауэлла Тайлера, надеясь найти себе заказчика.

Разглядывая деревянный потолок – в церкви не было каменных сводов, – он увидел среди росписей дыру в форме человеческого тела, мрачное свидетельство гибели Хауэлла. Там все прогнило, со знанием дела говорили строители на похоронах, но прозрели они слишком поздно – Тайлера уже не было в живых. Теперь-то стало ясно, что крыша слишком непрочная, чинить ее нет смысла: надо снимать целиком и класть новую. А значит, церковь придется закрыть.

Приход Святого Марка располагался в самой бедной, северной части города и получал средства от одного-единственного, далеко не богатого хозяйства в десяти милях от города, которое держал брат священника. Кроме того, отцу Жоффруа причиталась десятина приблизительно с восьми-деяти сотен прихожан. Но даже имевшие что-то за душой обычно уверяли, что у них в домах шаром покати, и десятина эта составляла весьма скромную сумму. Отец Жоффруа добывал средства к существованию, проводя крестины, венчания и похороны, причем запрашивал намного меньше, чем монахи в соборе. Его прихожане рано женились, часто рожали и умирали молодыми, так что работы священнику хватало и концы с концами сводить удавалось. Но если церковь закроется, ручеек заработков иссякнет и платить строителям станет нечем.

Следовательно, работа по восстановлению крыши встанет.

На похороны пришли все строители города, включая Элфрика. Мерфин пытался делать вид, что ничего не случилось, но это давалось ему с трудом: большинство уже знали, что Элфрик его выгнал. С ним поступили несправедливо, но, увы, и он был не совсем без вины.

Керис, дружившая с молодой женой Хауэлла, стояла вместе с родными покойного. Мерфин придвинулся к ней и негромко пересказал подробности последней ссоры с Элфриком.

Отец Жоффруа провел службу, облаченный в ветхую сутану. Мерфин разглядывал крышу. Ему казалось, что должен существовать способ снять ее, не закрывая церковь. Обычно, когда работы откладывали слишком надолго и дерево прогнивало до такой степени, что уже не держало рабочих, вокруг церкви ставили леса и сбрасывали бревна в неф. Таким образом, до настила новой крыши храм стоял под открытым небом. Но наверняка можно построить вращающуюся лебедку с опорой на крепкую стену храма, с ее помощью по одному снять бревна крыши и не бросать их вниз, а сразу перекидывать через стену, на близлежащее кладбище. Тогда деревянный потолок останется в целости и его можно будет заменить уже после укладки крыши.

На кладбище Мерфин всматривался в окружающих и думал, кто из них скорее возьмет его на работу. Он решил подойти к Биллу Уоткину, второму после Элфрика строителю в городе, непримиримому сопернику бывшего хозяина. На голове у Билла блестела лысина в обрамлении черных волос – такая монашеская tonsura от природы. Уоткин поставил почти все жилые дома в Кингсбридже. Как и Элфрик, он нанимал каменщиков, плотников, нескольких поденных рабочих и держал пару подмастерьев.

Хауэлл был бедным, и его тело опустили в могилу не в гробу, а в саване.

Когда отец Жоффруа ушел, Мерфин подошел к Биллу и по-деловому поздоровался:

– Здравствуйте, мастер Уоткин.

Тот ответил не особенно тепло:

– Чего тебе, молодой Мерфин?

– Я ушел от Элфрика.

– Знаю. И почему, тоже знаю.

– Вы слышали эту историю от Элфрика.

– Я узнал то, что мне было нужно.

Мерфин понял, что Элфрик даром времени не терял, до и по ходу поминальной службы излагая всем свое толкование случившегося. Юноша был уверен, что мастер никому не рассказал, как Гризельда пыталась приспособить Мерфина на роль отца своего ребенка вместо Терстана, но хорошо понимал, что оправдываться неправильно: лучше признать ошибку.

– Понимаю, что поступил дурно, и мне очень жаль, но я хороший плотник.

Уоткин согласно кивнул.

– Новый паром говорит сам за себя.

Юноша воспрянул духом.

– Вы возьмете меня?

– Кем?

– Плотником. Вы же сами сказали, что я умею работать.

– Где же твои инструменты?

– Элфрик не пожелал отдать.

– И был прав, потому что ты не закончил ученичество.

– Тогда возьмите меня подмастерьем на полгода.

– И отдать тебе потом просто так набор инструментов? Мне это не по карману.

Инструменты были дорогими, потому что больших денег стоили железо и сталь.

– Возьмите на жалованье, и я накоплю на свой инструмент. – Это грозило отнять очень много времени, но Мерфином двигало отчаяние.

– Нет.

– Почему?

– Потому что у меня тоже есть дочь.

Прозвучало оскорбительно.

– Вы же знаете, что я вовсе не гроза юных дев.

– А пример другим подмастерьям? Если тебе сойдет с рук, почему бы остальным не попытаться счастья?

– Но это же несправедливо!

Уоткин пожал плечами.

– Может, ты по-своему и прав, но спроси у любого плотника в городе. Думаю, все скажут то же самое.

– Что же мне делать?

– Не знаю. Думать надо было, перед тем как ее тискать.

– Вам все равно, что вы теряете хорошего плотника?

Билл опять пожал плечами.

– Нам больше работы останется.

Мерфин отвернулся. «Вот этим-то гильдии и плохи, – с горечью подумал он, – с радостью гонят людей, и за дело, и под надуманными предлогами. Нехватка рук лишь увеличивает цеховой заработок. К чему заботиться о порядочности?»

Вдова Хауэлла ушла, сопровождаемая своей матерью. Керис, освободившись от дани уважения покойному, подошла к Мерфину.

– Ты чего такой мрачный? Ты ведь почти не знал Хауэлла.

– Мне, наверное, придется уехать из Кингсбриджа, – ответил юноша.

Девушка побледнела.

– Это еще почему, ради всего святого?

Мерфин передал ей разговор с Биллом Уоткином.

– Вот так, никто в Кингсбридже меня не возьмет, а без инструмента какая самостоятельная работа? Можно, конечно, перебраться к родителям, но я не могу лишаться их куска хлеба. Так что придется искать работу там, где не знают про Гризельду. Со временем, может, накоплю денег, куплю молоток и резец, перееду в другой город и попытаюсь вступить в гильдию плотников.

Делясь с Керис этим планом, Мерфин начал осознавать всю тяжесть своего положения. Он словно впервые увидел ее знакомое лицо и опять подпал под чары сияющих зеленых глаз, точеного носика и решительного подбородка. Рот не вполне сочетался с остальным лицом: был слишком большим, а губы выглядели слишком полными. Этот рот лишил черты Керис правильности, и чувственная природа брала верх над деятельным умом. Этот ротик мнился созданным для поцелуев, и при мысли о том, что придется уехать от этих губ, Мерфин немедленно впал в отчаяние.

Керис пришла в бешенство.

– Это неслыханно! Они не имеют права!

– Я тоже так думаю. Но, судя по всему, ничего не исправить. Придется смириться.

– погоди. Давай подумаем. Ты можешь жить с родителями, а столоваться у нас.

– Я не хочу стать приживалой, как мой отец.

– Ты и не будешь приживалой. Купишь инструмент Хауэлла Тайлера. Его жена только что сказала мне, что хочет за них один фунт.

– У меня вообще нет денег.

– Займи у моего отца. Ты всегда ему нравился – я уверена, он согласится.

– Но нанимать плотника, не состоящего в гильдии, против правил.

– Правила можно нарушать. Не может быть, чтобы в городе не нашлось ни одного смельчака, который плюнул бы на гильдию.

Мерфин понял, что позволил старшим мастерам запугать его, и был благодарен Керис за ее отказ признать поражение. Конечно, она права: необходимо остаться в Кингсбридже и бороться с несправедливыми порядками. Кроме того, он знает одного человека, который очень нуждается в его способностях.

– Отец Жоффруа, – проговорил юноша.

– Ему нужен плотник? Зачем?

Мерфин рассказал про крышу.

– Так пойдем к нему, – тут же решила Керис.

Священник обитал в маленьком домике при церкви. Молодые люди застали его за приготовлением обеда – похлебки из соленой рыбы с овощами. Жоффруа было за тридцать, телосложением он походил на воина: высокий и широкоплечий, – держался запросто и славился тем, что всегда заступался за бедных.

Мерфин заявил с порога:

– Я могу починить вам крышу так, что не придется закрывать церковь.

Жоффруа не спешил радоваться.

– Если это правда, Господь услышал мои молитвы.

– Я сделаю лебедку, с ее помощью подниму бревна крыши и перенесу их на кладбище.

– Тебя прогнал Элфрик. – Священник бросил при этом смущенный взгляд на Керис.

– Я все знаю, святой отец, – успокоила она.

– Он выгнал меня, потому что я отказался жениться на его дочери, – объяснил Мерфин. – Но ребенок, которого она носит, не мой.

Жоффруа кивнул.

– Поговаривают, что с тобой поступили несправедливо. Охотно верю. Я не очень люблю гильдии: там редко принимают бескорыстные решения, но все-таки ты не закончил ученичество.

– А может кто-нибудь из членов гильдии плотников починить вам крышу, не закрывая церковь?

– Я слышал, тебе даже не дали инструментов.

– Позвольте мне самому с этим разобраться.

Священник задумался.

– Сколько ты хочешь за работу?

Мерфин вскинул голову.

– Четыре пенса в день и стоимость материалов.

– Это жалованье поденного плотника.

– Если сомневаетесь, что я гоюсь в плотники, то не нанимайте.

– Дерзко.

– Просто говорю, что смогу это сделать.

– Самоуверенность не самый страшный на свете грех. А если церковь не нужно будет закрывать, четыре пенса в день мне по плечу. Сколько тебе потребуется времени, чтобы построить эту твою лебедку?

– Самое большее две недели.

– Я ничего не заплачу, пока не увижу, как она действует.

Мерфин вздохнул. Он совсем без денег, но ничего, как-нибудь выкрутится. Жить будет у родителей, а столоваться у сукошника Эдмунда.

– Купите материал и откладывайте мое жалованье до того дня, когда я сниму с крыши первое бревно и перенесу на землю.

Жоффруа медлил.

– Меня станут костерить почем зря... но выбора нет.

Он протянул руку.

Мерфин охотно ответил на рукопожатие.

17

Всю дорогу от Кингсбриджа до Уигли – двадцать миль, целый день пути – Гвенда ждала подходящего мгновения, чтобы воспользоваться приворотным зельем; ждала, но так и не дождалась.

Вулфрик не то чтобы держался настороженно: напротив, был дружелюбен и любезен. Рассказывал о своих родных, о том, как плакал каждое утро, просыпаясь и вспоминая, что их гибель ему не приснилась. Проявлял участие, спрашивал, не устала ли Гвенда и не пора ли передохнуть. Говорил, что семейное земельное владение воспринимает как доверенную собственность, как то, чем владеют при жизни, а по смерти завещают потомкам, и что, занимаясь благоустройством этих угодий – пропалывая поля, ставя загородки для скота и выкорчевывая камни с пастбищ, – он выполняет свое предназначение.

Даже гладил Скипа.

К концу дня Гвенда чувствовала, что любит его пуще прежнего. Увы, он ни словом, ни жестом не давал понять, что для него она теперь больше, нежели просто подруга; проявлял заботу, но по-приятельски, не как к возлюбленной. В лесу, с Симом-торгашом, она всем сердцем желала, чтобы мужчины хоть иногда не вели себя как дикие животные, а теперь вот мечталось, чтобы в Вулфрике пробудилось хоть чуточку звериного. Весь день она пускалась на мелкие уловки, пытаясь его распалить. Якобы случайно приоткрывала крепкие красивые ноги. Взираясь на пригорки, глубоко дышала, выставя грудь. При любой возможности дотрагивалась до него, касалась руки или клала ладонь на плечо. Ни одна из этих уловок не возымела ни малейшего действия. Гвенда знала, что некрасива, но была уверена, что обладает чем-то таким, отчего другие мужчины нередко пялились на нее и даже присвистывали, однако Вулфрик не поддавался.

В полдень сделали привал и поели хлеба и сыра, которые взяли с собой, но воду пили из ручья, с ладоней, и потому она не смогла дать ему зелье.

Все равно она испытывала настоящее счастье. Ведь они с Вулфриком оставались наедине целый день. Гвенда могла любоваться им, болтать, веселить, сочувствовать и время от времени даже дотрагиваться до него. Она уверяла себя, что может поцеловать его в любой миг, просто пока не хочется. Они как будто поженились, но все закончилось слишком быстро.

В Уигли пришли к вечеру. Деревня стояла на возвышенности, во все стороны от нее полого спускались поля, и здесь всегда было ветрено. После двухнедельной сутолоки Кингсбриджа деревушка казалась маленькой и тихой – горстка разбросанных хижин вдоль дороги, что вела к господскому дому и церкви. Господский дом не уступал размерами городскому купеческому дому, спальни располагались на втором этаже. Дом священника тоже выглядел довольно привлекательно, как и жилища нескольких крестьян, но большинство деревенских строений составляли сущие лачуги, разделенные надвое: на одной половине держали скотину, другая служила семье кухней и спальней.

Первый по дороге из этих добротных домов принадлежал семье Вулфрика. Запертые двери и закрытые ставни придавали дому заброшенный вид. Вулфрик прошел мимо, к следующему большому дому, где жила со своими родителями Аннет. Взмахом руки он попрощался с Гвендой и с радостной улыбкой зашел в дом, выкинув из головы весь день пути.

Гвенда ощутила резкую боль утраты – чувство было такое, словно оборвался хороший сон. Она сглотнула, избавляясь от комка в горле, и двинулась через посеvy. Благодаря июньским дождям пшеница и ячмень зазеленели, но теперь им требовалось солнце, чтобы созреть. Деревенские женщины горбились над межами, медленно перемещались вдоль рядов посевов, выдирая сорняки. Некоторые, замечая Гвенду, махали руками.

Приближаясь к дому, Гвенда одновременно волновалась и злилась. Она не видела родителей с того дня, как отец продал ее Симу-торгашу за корову. Почти наверняка папаша уверен, что дочурка еще у Сима. Когда увидит ее на пороге, точно опешит. Что он скажет? И что она скажет отцу, предавшему ее доверие?

Гвенда не сомневалась в том, что матери ничего не известно о сделке. Скорее всего папаша напелл ей, будто Гвенда сбежала с каким-нибудь парнем. Мать впадет в бешенство, и папаше не поздоровится.

Очень хотелось повидаться с малышкой – с Кэт, Джоуни, Эриком. Гвенда вдруг осознала, как сильно по ним соскучилась.

Их дом стоял на дальней стороне стоакрового поля, его наполовину скрывали деревья на лесной опушке. Этот дом был даже меньше крестьянских лачуг, имел единственную комнату, в которой вся семья ночевала заодно с коровой. Такие дома строились из прутьев и раствора: жерди из сучьев втыкали в землю, переплетали их мелкими ветками, как корзину, а дыры замазывали липкой смесью глины, соломы и коровьего навоза. В соломенной крыше проделывали отверстие, куда выходил дым из очага, а сам очаг выкладывали посреди дома на земляном полу. Стояли такие дома от силы несколько лет, потом их приходилось ставить заново. Сейчас дом показался Гвенде убогим, как никогда. Девушка поклялась себе, что не останется здесь на всю жизнь, не будет каждый год или два рожать детей, большинство из которых умрут от голода. Ни за что, уж лучше она сама себя прикончит.

В сотне ярдов от дома она заметила папашу, шедшего навстречу с кувшином. Верно, собрался прикупить эля у Пег Перкинс³⁵, матери Аннет, которая варила пиво на всю деревню. В это время года у папаши всегда водились деньжата, поскольку на полях работы хватало.

Папаша углядел ее не сразу.

Пока он шагал по узкой меже, разделявшей два участка поля, Гвенда изучала его худощавую фигуру. Он обрядился в длинную, до колен рубаху, надел потрепанный колпак и самодельные сандалии, привязанные к ногам соломой. Походка его выглядела осторожной и одновременно бойкой: папаша вечно смахивал на чужака, который тщетно пытается делать вид, будто находится у себя дома. Из-за близко посаженных глаз, большого носа и широкого, торчавшего вперед подбородка лицо его казалось бугристым треугольником. Гвенда знала, что похожа на отца. Папаша украдкой поглядывал на женщин, работавших в поле, словно не хотел, чтобы те заметили, как он за ними наблюдает.

Подойдя ближе, он бросил на нее свой привычный хитроватый взгляд из-под прищуренных век, тут же потупился, потом снова вскинул голову. Гвенда дернула подбородком и твердо посмотрела отцу в глаза.

На лице папаши отразилось изумление.

– Ты? Что стряслось?

– Твой Сим вовсе не торгаш, а разбойник.

– Где он сам?

– В аду, папочка. Там-то вы с ним и встретитесь.

– Ты что, его убила?

– Нет. – Девушка уже давно решила, что говорить. – Его покарал Бог. Сим шел по кингсбриджскому мосту, и тот рухнул. Господь наказал его за грехи. А тебя еще нет?

– Бог милует добрых христиан.

– Больше тебе сказать нечего? «Бог милует добрых христиан» – и все?

– Как ты сбежала?

– Пошевелила мозгами.

³⁵ Прозвище, отражающее отношение принадлежности: «Перкинова»; один из способов формирования фамилий в английском языке.

Папаша умильно улыбнулся:

– Умная девочка.

Гвенда подозрительно всмотрелась в него.

– Какую еще гнусность ты задумал?

– Умная девочка, – повторил отец. – Ступай к матери. На ужин получишь кружку эля.

Он прошел мимо.

Гвенда нахмурилась. Похоже, папашу не слишком-то беспокоило, что скажет мать, когда узнает правду. Может, он рассчитывает, что дочь постесняется рассказать? Что ж, в таком случае он ошибается.

Кэт и Джоуни играли в грязи перед домом. Завидев Гвенду, они вскочили и бросились к ней. Скип громко залаял. Девушка обняла сестер, вспомнив, как думала, что никогда их больше не увидит; в это мгновение она была страшно рада, что воткнула кинжал в башку Олвину.

Она зашла в дом. Мать кормила маленького Эрика молоком, придерживая кружку, чтобы не пролить ни капли. Она вскрикнула от радости, когда увидела Гвенду. Поставила кружку на стол, вскочила и обняла дочь. Гвенда расплакалась.

Едва слезы полились из глаз, остановиться оказалось непросто. Она плакала потому, что Сим увел ее из города на веревке, потому, что позволила Олвину овладеть ею, оплакивала всех, кто погиб при обрушении моста, и рыдала потому, что Вулфрик любит Аннет.

Когда сумела немного успокоиться и подавить рыдания, она проговорила:

– Мама, папаша продал меня. Продал за корову, и мне пришлось уйти к разбойникам.

– Это нехорошо, – откликнулась мать.

– Хуже, чем нехорошо! Он подлый, злой... он дьявол.

Мать отстранилась.

– Не говори так.

– Но это правда!

– Он твой отец.

– Отцы не продают детей как скотину. У меня нет отца.

– Он кормил тебя восемнадцать лет.

Гвенда недоуменно уставилась на нее.

– Как ты можешь быть такой жестокой? Он продал меня разбойникам!

– Зато привел нам корову. Теперь у нас есть молоко для Эрика, хоть у меня грудь и высохла.

Девушка была потрясена.

– Ты покрываешь его!

– У меня больше никого нет, Гвенда. Твой отец не принц и даже не крестьянин. Безземельный батрак. Но он делал для семьи все, что мог, почти двадцать пять лет. Работал, когда получалось, и воровал, когда приходилось. Благодаря ему выжили и ты, и твой брат, и при попутном ветре он сделает то же самое для Кэт, Джоуни и Эрика. Сколько бы грехов за ним ни водилось, без него нам было бы куда хуже. Потому не смей называть его дьяволом.

Гвенда онемела. Она едва свыклась с мыслью, что родной отец ее предал. А теперь вышло, что и мать ничуть не лучше. Девушка так растерялась, словно снова очутилась на мосту, который внезапно стал уходить из-под ног, и с трудом понимала, что происходит.

Вернулся отец с кувшином эля. Он как будто не ощущал витавшего в воздухе разлада. Снял с полки над очагом три деревянных кружки и весело сказал:

– Ну, давайте выпьем за возвращение нашей старшей девочки.

После долгой дороги хотелось есть и пить. Гвенда взяла кружку, жадно отпила, но, отлично зная папашу, не преминула спросить:

– Что ты задумал?

– Как тебе сказать... На следующей неделе ярмарка в Ширинге, так?

– И что?

– Ну... можно повторить.

Девушка не поверила своим ушам.

– Повторить что?

– Я тебя продам, ты уйдешь с покупателем, а потом убежишь и вернешься домой. С тобой ведь ничего не случилось?

– Ничего не случилось?

– А у нас теперь корова за двенадцать шиллингов. Мне ведь почти полгода нужно работать за такие деньги.

– А потом? Что потом?

– Ну, есть и другие ярмарки... в Винчестере, Глостере – всех не перечесать. – Папаша долил ей эля из кувшина. – Поверь мне, это куда лучше, чем срезать кошель у сэра Джеральда.

Гвенда не донесла кружку до губ. Во рту появилась горечь, как будто она съела что-то гнилое. Хотелось возразить отцу. На языке вертелись грубые слова, гневные обвинения, проклятия, но она молчала. Буря чувств, бушевавшая внутри, победила негодование. Какой смысл ругаться? Она все равно никогда больше не сможет верить отцу. А мать не отступилась от него – значит, ей тоже нельзя верить.

– Что же мне делать? – громко спросила Гвенда, но не для того, чтобы получить ответ от родных. Вопрос она задавала самой себе. Для семьи она стала товаром, которым торгуют на ярмарках. Если не готова принять эту участь, нужно что-то менять.

Можно уйти.

По спине пробежал холодок: она поняла, что это больше не ее дом. Открытие потрясло ее до глубины души. Она жила здесь с самого рождения, но теперь почувствовала себя беззащитной. Нужно уходить.

Не на следующей неделе, даже не завтра утром – прямо сейчас.

Идти было некуда, но это дела не меняло. Остаться, есть хлеб, который отец положил на стол, значит покориться его власти. Она тем самым признает, что ею можно торговать. Гвенда пожалела, что выпила первую кружку эля. Надо было сразу отказаться и уйти из-под отцовского крова.

Она посмотрела на мать:

– Ты ошибаешься. Он сущий дьявол. Предания говорят правду: когда заключаешь сделку с дьяволом, в итоге платишь дороже, чем казалось сначала.

Мать отвернулась.

Гвенда встала. Кружка по-прежнему была в ее руке. Она накренила кружку, выливая эль на пол. Скип немедленно принялся лизать лужицу.

Отец рассердился:

– Я заплатил за этот кувшин целый фартинг!

– Прощайте. – Гвенда вышла из дома.

18

В воскресенье Гвенда пришла на заседание суда, где решалась судьба мужчины, которого она любила.

Манориальный суд³⁶ заседал в церкви после службы. На таких заседаниях обсуждались решения, затрагивавшие всю деревню. Иногда рассматривались соседские споры – нарушения границ между участками на полях, обвинения в краже или изнасиловании, ссоры из-за долгов, – но чаще принимались все-таки решения повседневного толка: к примеру, когда начинать пахоту на общинной упряжке с восемью волами.

Вообще-то судить крестьян полагалось лорду деревни, владельцу поместья, но норманнские законы, установленные в Англии почти три века назад захватчиками из Франции, обязывали лордов следовать обычаям предков, и для исполнения законов приходилось по старинке советоваться с двенадцатью наиболее достойными жителями деревни – присяжными, поэтому слушания нередко сводились к переговорам между лордом и жителями деревни.

В это воскресенье Уигли осталась без своего лорда. Сэр Стивен погиб при крушении моста. Эту новость принесла в деревню Гвенда. Она же сообщила, что граф Роланд, которому следовало назначить преемника лорда Стивена, лежит при смерти. На тот день, когда они с Вулфриком покидали Кингсбридж, граф впервые пришел в себя, но его тут же свалила столь сильная лихорадка, что он не мог внятно произнести ни единого слова. Приходилось ждать и жить без лорда.

В этом не было ничего необычного. Лорды часто отсутствовали: уходили на войну, убывали на заседания парламента, сутяжничали, а то и просто сопровождали своих графов или короля. Граф Роланд всегда назначал наместника, обычно одного из своих сыновей, но теперь был не в состоянии сделать и этого. В отсутствие лорда деревней управлял староста, или рив, – управлял как мог.

Обязанности старосты состояли в выполнении решений землевладельца, что неизбежно давало ему определенную власть над крестьянами. Пределы этой власти зависели от личных предпочтений лорда: кто-то присматривал за старостами весьма пристально, кто-то вел дела спустя рукава. Сэр Стивен, как говорится, отпустил поводья, зато граф Роланд был необычайно строг.

Нейт служил старостой при сэре Стивене, до него – при сэре Генри, и скорее всего останется старостой при следующем лорде. Этот маленький, кривой и худой горбун отличался завидным жизнелюбием. Хитрый и жадный, он использовал свою небольшую власть, при любой возможности вымогая с крестьян взятки.

Гвенда не любила Нейта. Она ничего не имела против его жадности, ведь этим пороком страдали все старосты. Но обида искорежила старосту не хуже физического уродства. Его отец был старостой селений графа Ширинга, но Нейту эта высокая должность не досталась, и в том, что пришлось опуститься до мелкой деревеньки Уигли, он винил свой горб. Похоже, он ненавидел всех молодых, сильных и красивых. В часы досуга староста любил выпивать с отцом Аннет – неизменно за счет последнего.

На сегодняшнем заседании решался вопрос, как поступить с большим наделом семьи Вулфрика.

Владение было крупным. Крестьяне находились в неравном положении, и наделы у всех были разные. Самой распространенной являлась виргата, в этой части Англии составлявшая

³⁶ Суд, проводимый владельцем поместья над зависимыми земледельцами (сервами, вилланами) и свободными крестьянами (йоменами, фригольдерами), проживающими на территории владения; уголовные дела обычно рассматривались судом графства.

тридцать акров. Считалось, что такой земельный участок под силу обрабатывать одному человеку, а прокормиться с него способна целая семья, однако большинство крестьян Уигли держали полвиргаты – пятнадцать акров или около того. Им приходилось искать дополнительные средства пропитания, ловить птиц в лесах и рыбу в реке, что текла по Брукфилду, Ручейному полю, тачать пояса и сандалии из обрезков дешевой кожи, ткать шерсть кингсбриджских купцов или незаконно охотиться на королевских оленей. Лишь немногие крестьяне имели больше виргаты. Перкин держал сто акров, отец Вулфрика Сэмюел – девяносто. Таким зажиточным крестьянам обрабатывать землю помогали сыновья, родственники либо наемные батраки вроде отца Гвенды.

Когда крестьянин умирал, землю, которую он держал, могли наследовать вдова, сыновья и замужняя дочь. В любом случае наследника утверждал лорд, и требовалась уплата довольно обременительного налога – герiota. В обычных условиях наследниками отца Вулфрика без препон стали бы двое его сыновей и не понадобилось бы никаких судебных слушаний. Братья скинулись бы, сообща уплатили бы герiota, а затем либо разделили бы землю, либо стали обрабатывать ее совместно, выделив некое обеспечение своей матери. Но один из сыновей Сэмюела погиб вместе с отцом, и все усложнилось.

В церкви собрались все взрослые жители деревни. Гвенда же имела особый интерес к слушаниям. Сегодня решалось будущее Вулфрика, и тот факт, что он грезил будущим с другой женщиной, не умалял озабоченности Гвенды. Может, она и желала иногда в сердцах ему нищенствовать заодно с Аннет, но никогда не хотела этого всерьез, а, напротив, мечтала, чтобы он был счастлив.

Когда закончилась служба, из господского дома принесли большое деревянное кресло и две скамьи. Нейт уселся в кресло, присяжные расселись на скамьях, все остальные остались стоять.

Вулфрик говорил просто:

– Мой отец держал девяносто акров по разрешению лорда Уигли. Пятьдесят из них держал ранее его отец, а сорок – его дядя, который умер десять лет назад. Поскольку моя мать погибла, как и брат, а сестер у меня нет, я являюсь единственным наследником.

– Сколько тебе лет? – спросил Нейт.

– Шестнадцать.

– Ты еще даже не мужчина.

Похоже, Нейт намеревался повредничать, и Гвенда понимала почему: хотел взятку, но у Вулфрика денег не было.

– Возраст не все, – отвечал юноша. – Я выше и сильнее многих взрослых мужчин.

– Дэвид Джонс наследовал отцу в восемнадцать, – заметил присяжный Аарон Эпплтри.

– Восемнадцать не шестнадцать, – отозвался Нейт. – Я не помню, чтобы шестнадцатилетний вступал в права наследства.

Дэвид Джонс не вошел в число присяжных и потому стоял рядом с Гвендой.

– У меня и не девяносто акров! – крикнул он.

В толпе раздался смех. У Джонса было полвиргаты, как у большинства присутствующих.

– Девяносто акров – очень много для взрослого человека, что уж говорить о мальчишке. До сих пор землю возделывали трое, – произнес другой присяжный, Билли Говард, мужчина за двадцать. Он безуспешно ухаживал за Аннет, наверное, поэтому и взял сторону Нейта против Вулфрика. – У меня всего сорок акров, и мне приходится нанимать батраков для сбора урожая.

Кое-кто из крестьян закивал. Гвенда начала подозревать неладное. Дело, похоже, складывалось не в пользу Вулфрика.

– Я смогу найти помощников, – заверил Вулфрик.

Нейт спросил:

– А у тебя есть деньги платить батракам?

Вулфрик понурился, и Гвенда сострадала ему всей душой.

– Кошель моего отца пропал при крушении моста, а все, что было у меня, я истратил на похороны. – Юноша развел руками. – Но я предложу батракам долю урожая.

Староста покачал головой.

– Все в деревне трудятся целыми днями на своей земле, а у кого ее нет, те уже наняты. Никто не бросит работу за деньги ради доли урожая, которого, может, еще и не будет.

– Я соберу урожай! – вскричал юноша, едва сдерживаясь. – Если понадобится, буду работать днем и ночью. Всем докажу, что справлюсь.

Его красивое лицо было столь вдохновенным, что Гвенде захотелось вскочить и прокричать что-нибудь в его защиту. Но мужчины продолжали качать головами. Все понимали, что одному человеку не собрать урожай с девяноста акров самостоятельно.

Нейт обратился к Перкину:

– Он помолвлен с твоей дочерью. Ты можешь для него что-нибудь сделать?

Перкин задумался.

– Может, временно перевести землю на меня? Я могу заплатить гериот. А потом, когда женится на Аннет, он заберет землю обратно.

– Нет! – быстро ответил юноша.

Гвенда понимала, что двигало Вулфриком и почему он воспротивился. Перкин хитер до невозможности. Все время до свадьбы он потратит на то, чтобы придумать, как не возвращать будущему зятю землю.

Староста спросил у Вулфрика:

– Если у тебя нет денег, как же ты заплатишь гериот?

– У меня будут деньги, когда я соберу урожай.

– Если урожай будет и если ты его соберешь. К слову, этого может не хватить. Твой отец уплатил три фунта за землю своего отца и два фунта за надел дяди.

Гвенда ахнула. Пять фунтов были целым состоянием. Где Вулфрику отыскать такие деньги? Это, наверно, все их семейные сбережения.

Староста продолжал:

– Кроме того, гериот обычно платят до вступления в наследство, а не после сбора урожая.

– В нынешних обстоятельствах, Нейт, ты мог бы пойти навстречу, – опять вмешался Аарон Эпплтри.

– Ты так считаешь? Пойти навстречу может лорд, который распоряжается своим имуществом. А когда навстречу идет староста, выходит, что он разбазаривает чужое добро.

– Мы все равно лишь советуем. Никакое решение не будет окончательным до одобрения нового лорда Уигли, кто бы им ни стал.

«Строго говоря, это так, – подумала Гвенда, – но редко случалось, чтобы новый лорд отменял решение о наследовании от отца к сыну».

Вулфрик напомнил:

– Сэр, гериот моего отца составлял меньше пяти фунтов.

– Нужно посмотреть свитки.

Нейт ответил очень быстро, и Гвенда догадалась, что он ждал этого возражения. Староста часто придумывал какие-нибудь предлоги для перерывов во время суда. Скорее всего он таким образом предоставлял возможность сторонам его подкупить. Может, он думал, что у Вулфрика все-таки есть какие-то деньги, которыми тот не хочет делиться.

Двое присяжных принесли из ризницы шкатулку с решениями манориального суда, написанными на длинных листах пергамента, свернутых в свитки. Нейт, умеющий читать и писать – староста обязан быть грамотным, чтобы писать отчеты лорду, – принялся рыться в шкатулке.

Гвенда понимала, что Вулфрик действует неправильно. Простой манеры речи и очевидной честности было недостаточно. Нейт больше всего желал получить гериот для лорда. Пер-

кин старался присвоить освободившуюся землю. Билли Говард стремился уничтожить Вулфрика из ревности. А у Вулфрика не было денег на взятку.

К тому же юноша наивно полагал, что, доказывая свою правоту, сможет добиться справедливости. Ему не доставало житейской смекалки.

Возможно, она сумеет помочь. Подрастая в семействе Джоби, нельзя было не научиться всяким хитростям.

Вулфрик до сих пор не подумал воззвать к интересам других крестьян. Что ж, она сделает это за него.

Гвенда повернулась к Дэвиду Джонсу.

– Странно, что вы, ребята, ничуть не беспокоитесь за исход этого дела.

Джонс пристально посмотрел на нее:

– Ты о чем это, девица?

– Тут ведь обсуждают не только нежданную кончину, но и наследование от отца к сыну. Если вы сейчас позволите Нейту взять верх, он потом примется мудрить при каждом подобном случае. Всегда найдется какая-нибудь причина объявить наследование незаконным. Не боитесь, что однажды он попробует лишить наследства ваших сыновей?

Джонс переступил с ноги на ногу.

– Может, ты и права, подруга. – Он повернулся к соседу с другой стороны.

Еще Гвенда понимала, что Вулфрик совершает ошибку, требуя принять окончательное решение сегодня. Лучше просить о временном решении, на это присяжные согласятся охотнее. Девушка двинулась к Вулфрику, который спорил о чем-то с Перкином и Аннет. Когда Гвенда приблизилась к ним, Перкин заметно насторожился, Аннет задрала нос, но Вулфрик был любезен, как всегда.

– Привет, спутница. Я слышал, ты ушла из дома отца.

– Отец угрожал продать меня.

– Еще раз?

– Да без конца, пока я буду убегать. Думает, нашел бездонный кошель.

– Где ты теперь живешь?

– Меня взяла к себе вдова Губертс, а работаю я на общинной запашке: пенни в день, с восхода до заката. Нейт любит, когда батраки возвращаются домой усталыми. По-твоему, он даст тебе то, чего ты хочешь?

Вулфрик состроил гримасу.

– Кажется, вряд ли.

– Женщина повела бы дело иначе.

Юноша удивился:

– Как именно, позволь спросить?

Аннет метнула на Гвенду свирепый взгляд, но та сделала вид, будто ничего не заметила.

– Женщина не стала бы настаивать, когда всем понятно, что сегодня все равно окончательного решения не будет. Не стала бы добиваться твердого «да», которое в любом случае останется «может быть».

Вулфрик задумался.

– Так что бы она сделала?

– Попросила бы разрешения пока работать на земле, до появления нового лорда. Окончательное решение ведь будет за ним, правильно? Она сообразила бы – время пройдет, все свыкнутся с мыслью, что она держит эту землю, а тогда одобрение нового лорда окажется простой условностью. Она добилась бы своего, не втягивая других в долгие споры.

Вулфрик замялся:

– Но...

– Понимаю, это не совсем то, чего ты хочешь, но большего тебе сегодня не обрести. Вдобавок Нейт не сможет тебе отказать – ведь никто другой урожай ему не доставит.

Вулфрик покивал, обдумывая ее слова.

– Ну да, все увидят, как я собираю урожай, и привыкнут ко мне. Потом лишать меня наследства покажется несправедливым. И я смогу заплатить гериот, хотя бы частично.

– Так ты окажешься намного ближе к цели, чем сейчас.

– Спасибо. Ты очень умная. – Он пожал Гвенде локоть и повернулся к Аннет.

Та что-то язвительно проворчала. Ее отец выглядел встревоженным.

Гвенда отвернулась и подумала: «Не говори мне, что я умная. Скажи лучше, что я... какая? Красивая? Чушь. Любовь всей твоей жизни? Это Аннет. Верный друг? К черту дружбу. Так чего же я хочу? Почему я изо всех сил стараюсь помочь?»

Ответа у девушки не было.

Она увидела, как Дэвид Джонс оживленно втолковывает что-то присяжному Аарону Эплтри.

Нейт развернул свиток.

– За наследство своего отца отец Вулфрика Сэмюел уплатил тридцать шиллингов, а за наследство дяди еще фунт.

В шиллинге было двенадцать пенни. Правда, монет достоинством в один шиллинг не существовало, но все равно люди считали в шиллингах. Фунт – это двадцать шиллингов. Выходит, отец Вулфрика заплатил за землю вдвое меньше того, что выходило по словам Нейта.

– Земля отца должна переходить сыну, – убежденно произнес Дэвид Джонс. – Нельзя, чтобы новый лорд, кто бы им ни стал, вообразил, будто сможет выбирать наследников по своему усмотрению.

Все одобительно загудели.

– Староста, я знаю, что сегодня нет возможности принять окончательное решение, – проговорил Вулфрик, – и я готов дождаться нового лорда. Прошу лишь позволить мне работать на земле. Я соберу урожай, клянусь. Если не сдержу слово, вы ничего не потеряете. А если у меня получится, вы мне ничего не обещали. Когда назначат нового лорда, я обращусь к его милосердию.

Нейт насторожился. Гвенда не сомневалась, что староста рассчитывал получить денег хоть с кого-то, и скорее всего ждал взятки от Перкина, будущего тестя Вулфрика. Девушка всматривалась в лицо старосты: тот явно прикидывал, под каким предлогом отказать Вулфрику в скромной просьбе. Тут кто-то из крестьян зароптал, и Нейт понял, что эта заминка производит скверное впечатление.

– Ладно, – изрек он, будто оказывал великую милость, хотя выглядело это не очень убедительно. – Что скажут присяжные?

Аарон Эплтри, коротко посоветовавшись с товарищами, подытожил:

– Просьба Вулфрика скромна и разумна. Пусть ему отойдет земля отца, пока не будет назначен новый лорд Уигли.

Гвенда с облегчением вздохнула.

Староста процедил:

– Благодарю присяжных.

Слушания закончились, и люди потянулись домой на обед. Большинство крестьян ели мясо раз в неделю, обычно по воскресеньям. Даже Джоби и Этна, как правило, готовили похлебку из белки или ежа, а в это время года легко можно было наловить молодых кроликов. Гвенда вспомнила, что у вдовы Губертс в котле варилась баранья шея.

Выходя из церкви, Гвенда поймала взгляд Вулфрика.

– Молодец, – улыбнулась девушка, поравнявшись с ним. – Староста не смог тебе отказать, как бы ни хотел.

– Это тебе спасибо, – радостно ответил юноша. – Ты додумалась, что нужно сказать. Не знаю, как тебя благодарить.

Ей очень хотелось подсказать, как именно, но она удержалась. Когда шли по кладбищу, Гвенда спросила:

– Что насчет урожая? Соберешь?

– Не знаю.

– Почему бы тебе не нанять меня?

– У меня нет денег.

– Не важно, я буду работать за еду.

Вулфрик остановился у ворот, развернулся и посмотрел девушке прямо в глаза.

– Нет, Гвенда. Не думаю, что это удачная мысль. Аннет не понравится, и, если честно, она будет права.

Гвенда поняла, что краснеет. Вулфрик высказался предельно ясно. Если бы он отказался потому, что она, мол, слишком слабая, не возникло бы необходимости в прямом взгляде и в упоминании имени невесты. Гвенда с болью поняла, что юноша знает о ее чувствах и отказывается от помощи, не желая поощрять безнадежную любовь.

– Ладно, – прошептала девушка, опуская голову. – Как скажешь.

Он тепло улыбнулся.

– Спасибо, что предложила.

Гвенда промолчала. Мгновение спустя Вулфрик отвернулся и ушел.

19

Гвенда встала затемно.

Она спала на соломе на полу в доме вдовы Губертс. Даже во сне девушка непонятным образом чувствовала время и просыпалась перед рассветом. Вдова, спавшая рядом, не пошевелилась, когда Гвенда выбралась из-под одеяла и встала, на ощупь отыскивала заднюю дверь и выскользнула во двор. Скип, отряхнувшись, побрел следом.

На миг она замерла в неподвижности. В Уигли, как всегда, дул прохладный ветерок. Тьма была не то чтобы непроглядной, различались очертания птичника, отхожего места и грушевого дерева. Гвенда не видела соседнего дома, принадлежавшего Вулфрику, но слышала рычание собаки, привязанной перед небольшим овечьим загонем. Она тихонько окликнула пса, чтобы тот узнал ее голос и успокоился.

Стояла полная тишина – но ее жизнь с некоторых пор вообще наполнилась тишиной. Прежде она жила в крошечном домике с кучей младенцев и детей постарше, кто-то из них вечно требовал есть, хныкал от царапины или ушиба, плакал от обиды или вопил от беспомощной детской ярости. Никогда бы раньше не подумала, что ей будет этого не хватать, но она скучала, проживая у тихой вдовы; та болтала по-дружески, однако с немалым удовольствием молчала. Иногда Гвенде отчаянно хотелось услышать детский крик, просто взять ребенка на руки и поныть.

Она подошла к старому деревянному ведру, сполоснула руки и лицо и вернулась в дом. В темноте нашарила стол, открыла хлебницу и отрезала толстый кусок хлеба недельной свежести. Затем, жуя на ходу, снова вышла наружу.

Деревня еще спала, она встала первой. Крестьяне трудились от восхода до заката, а в это время года дни неизменно выдавались долгими и тяжелыми. Люди ценили каждый миг отдыха. Только Гвенда выходила на работу в пору до рассвета и между сумерками и наступлением ночи.

Небо посерело, когда она шла по полю. В Уигли было три больших поля: Сотенное, Ручейное и Долгое. На каждом из них поочередно раз в три года высевали разные злаки. Пшеницу и рожь, наиболее ценные, сеяли в первый год; на второй – менее важные: овес, ячмень, горох, фасоль; на третий год поле оставляли под паром. В этом году на Сотенном поле поспевали пшеница и рожь, на Ручейном – прочие злаки и бобы, а Долгое лежало под паром. Все поля были поделены на пахотные полосы размером примерно в акр, и надел каждого серва состоял из нескольких полос, тянувшихся через все три поля.

Гвенда прошла на Сотенное поле и начала полоть одну из полос Вулфрика, в который раз выдирая щавель, ноготки и посконник, упорно теснившие пшеничные стебли. Она была счастлива работать на земле любимого, помогать ему, и не имело значения, знает он о том или нет. Каждый ее наклон избавлял его спину от такого же усилия, с каждым выдраным сорняком его урожай прирастал. Она словно делала юноше подарок. Работая, она думала о нем, вспоминала его лицо, когда он смеялся, слышала голос – низкий голос мужчины, в котором еще звучало мальчишеское нетерпение, гладила зеленые побеги пшеницы, воображая, что это волосы Вулфрика.

Она полола до восхода солнца, затем перешла на общинную запашку – эти полосы обрабатывались для лорда – и принялась работать за деньги. Хотя сэр Стивен погиб, урожай все равно следовало снять, ведь преемник потребует строгого отчета о том, что было сделано. На закате, когда заработает на хлеб, Гвенда собиралась перейти на другую часть надела Вулфрика и трудиться там дотемна, а если выйдет луна, то и дольше.

Она ничего не говорила Вулфрику. Но что можно утаить в деревне, где проживают две сотни человек? Вдова Губертс с вежливым любопытством спросила Гвенду, на что та надеется.

– Знаешь ведь, он женится на дочери Перкина; ты не сможешь этому помешать.

– Я хочу, чтобы он собрал урожай и получил землю, – ответила Гвенда. – Вулфрик это заслужил. Он честный человек с добрым сердцем и готов трудиться на износ. Я хочу, чтобы он был счастлив, даже если женится на этой дряни.

Сегодня манориальные батраки на Ручейном поле снимали для лорда ранний урожай гороха и фасоли. Вулфрик рыл поблизости оросительную канаву: после дождей в начале июня земля заболотилась. Гвенда смотрела, как он работает, в одних штанах и башмаках: широкая спина мерно нагибалась над лопатой и распрямлялась, двигался размеренно, будто мельничное колесо. Лишь пот, блестевший на коже, выдавал, что ему приходится нелегко. В полдень к нему пришла Аннет, особенно пригожая с зеленой лентой в волосах, и принесла кувшин эля, хлеб и сыр, завернутые в мешковину.

Староста Нейт прозвонил в колокольчик, все бросили работу и отошли на опушку в северной части поля. Нейт раздал батракам сидр, хлеб и лук: обед являлся частью их жалованья. Гвенда села, прижавшись спиной к грабу, и стала смотреть на Вулфрика и Аннет – с болезненным любопытством приговоренного, наблюдающего, как плотник сооружает виселицу.

Сперва Аннет, как обычно, любезничала и жеманилась, потряхивала головой, хлопала ресницами, шутиливо шлепала Вулфрика, якобы ругая, затем посерьезнела, стала что-то настойчиво объяснять, а он, казалось, не понимал. Оба покосились на Гвенду, и девушка догадалась, что речь идет о ней. Наверное, Аннет узнала, что Гвенда по утрам и вечерам работает на земле Вулфрика. Потом Аннет удалилась, вид у нее был недовольный, а Вулфрик принялся задумчиво доедать свой обед.

После еды все отдыхали до конца перерыва. Те, кто постарше, растянулись на траве и задремали, молодые болтали.

Вулфрик, подойдя к Гвенде, присел на корточки.

– Ты полола мои полосы.

Девушка не собиралась извиняться.

– Аннет, наверно, выбрала тебя.

– Она не хочет, чтобы ты на меня работала.

– Что ей от меня нужно? Чтобы я воткнула сорняки обратно?

Юноша огляделся и понизил голос, не желая, чтобы их подслушали, хотя все, конечно, догадывались, о чем они с Гвендой говорят.

– Я знаю, ты желаешь мне добра, и признателен тебе, но от этого одни неприятности.

Гвенда наслаждалась его близостью. Пахло от него землей и потом.

– Тебе нужна помощь. А от Аннет не много проку.

– Пожалуйста, не говори о ней плохо. Вообще не говори о ней.

– Хорошо, но один ты не соберешь урожай.

Он вздохнул.

– Если бы солнце подольше грело... – Вулфрик по извечной крестьянской привычке устремил взгляд в небо. По небосводу растянулась плотная пелена облаков. Погода стояла прохладная и влажная, что было плохо для посевов.

– Ну разреши же мне помочь тебе, – взмолилась Гвенда. – Скажи Аннет, что без меня тебе не справиться. Муж должен быть жене господином, а не наоборот.

– Я подумаю.

А на следующий день он нанял батрака.

Тот появился под вечер. Крестьяне в сумерках собрались выслушать его историю. Чужак назвался Грэмом, сказал, что пришел из Солсбери, где у него сгорел дом, а жена и дети погибли при пожаре. Он направлялся в Кингсбридж, где надеялся найти работу – быть может, в аббатстве. Его брат был там монахом.

Гвенда не удержалась:

– Как зовут твоего брата? Может, я его знаю. Мой брат Филемон тоже много лет состоит в аббатстве.

– Джон. – В монастыре было два монаха по имени Джон, но прежде чем девушка успела спросить, который из них брат Грэма, чужак продолжил: – В дорогу я взял немного денег, чтобы покупать еду, но меня ограбили разбойники, и я остался без всего.

Этот человек вызывал сочувствие. Вулфрик предложил ему ночлег. На следующий день, в субботу, за еду, ночлег и долю урожая Грэм начал на него работать.

Он трудился не покладая рук всю субботу. Вулфрик неглубоко пахал свою незасеянную землю на Долгом поле, уничтожая чертополох. Это была работа на двоих: Грэм вел лошадь и погонял ее, когда животное останавливалось, а Вулфрик направлял плуг. В воскресенье отдыхали.

В воскресенье, увидев в церкви Кэт, Джоуни и Эрика, Гвенда разрыдалась. Она и не догадывалась, как ей не хватает брата и сестер. Всю службу она обнимала Эрика на руках. После мать резко ее отчитала:

– Ты надорвешься из-за своего Вулфрика. Сколько бы ни полола его сорняки, он тебя не полюбит. Парень души не чает в этой кривляке Аннет.

– Знаю. Но я хочу ему помочь.

– Уходи из деревни. Нечего тебе тут делать.

Гвенда понимала, что мать права.

– Ладно. Сразу после их свадьбы.

Мать понизила голос:

– Если намерена задержаться, то, пока ты здесь, не спускай глаз с отца. Он не отказался от надежды заполучить еще дюжину шиллингов.

– Ты что такое говоришь?

Мать пожала плечами.

– Он теперь не может меня продать! – проговорила Гвенда. – Я ушла из его дома. Он не кормит меня и не дает мне кров. Я работаю на лорда Уигли. Отец больше не вправе мною распоряжаться.

– Просто будь осмотрительнее. – Больше мать ничего не прибавила.

Снаружи церкви чужак Грэм заговорил с Гвендой, стал задавать всякие вопросы и предложил после обеда прогуляться вместе. Она сразу поняла, что имеется в виду под прогулкой, и наотрез отказалась. Позднее она заметила, что Грэм ходит с желтоволосой Джоаной, дочерью Дэвида Джонса, пятнадцатилетней глупышкой, польстившейся на любезности чужака.

В понедельник в предрассветных сумерках Гвенда полола пшеницу Вулфрика на Сотенном поле, когда увидела, что юноша бежит к ней. Его лицо было перекошено от бешенства.

Она продолжала выходить на поля каждое утро и каждый вечер – и, похоже, он, в конце концов, не стерпел и решил выплеснуть свое недовольство. Что же он с ней сделает – побьет? Если вспомнить, сколь настойчиво она его подзуживала, за причиненное насилие ему скорее всего ничего не будет. Люди скажут, что она сама напрашивалась, а заступиться за нее теперь, после ухода из отчего дома, попросту некому. Гвенде стало страшно. Вдруг вспомнилось, как Вулфрик сломал нос Ральфу Фицджеральду.

«Не будь душой», – велела она себе. Вулфрик дрался частенько, но еще никто не видел, чтобы он поднимал руку на женщину или на ребенка. Но все-таки от его перекошенного лица девушку пробрала дрожь.

Дело оказалось в другом. Очутившись на таком расстоянии, где она заведомо его слышит, юноша прокричал:

– Ты не видела Грэма?

– Нет, а что?

Он подбежал ближе и, тяжело дыша, остановился.

– Давно ты здесь?

– Я встала до света.

Плечи Вулфрика обвисли.

– Тогда, если он пошел в эту сторону, его уже не догнать.

– Да что стряслось-то?

– Грэм исчез. А с ним и моя лошадь.

Так вот почему юноша был в ярости. Лошади стоили очень дорого, ими владели только зажиточные крестьяне вроде отца Вулфрика. Гвенда вспомнила, как быстро Грэм перевел разговор, когда она спросила его про брата. Конечно, никакого брата в аббатстве у него никогда не было, как не было и погибших при пожаре жены и детей. Чужак лгал, втираясь в доверие крестьян, чтобы потом их ограбить.

– Какие же мы дураки, что слушали его, – с горечью произнесла она.

– А я дурнее всех, раз пустил его в свой дом, – горько покаялся Вулфрик. – Он оставался ровно столько, чтобы животные привыкли к нему. Лошадь спокойно пошла за ним, а собака не залаяла, когда он уходил.

Гвенду захлестнуло сочувствие. Вулфрик остался без лошади в тот самый миг, когда лошадь была нужнее всего.

– Не думаю, что Грэм ушел этой дорогой, – задумчиво сказала она. – Он не мог выйти раньше моего, ночь выдалась слишком темной. А пойдя он следом за мною, я бы его увидела. – В деревню вела всего одна дорога, заканчивавшаяся у господского дома. Зато через поля пролегало множество троп. – Скорее всего он выбрал тропу между Ручейным и Долгим полями. Это самый короткий путь в лес.

– В лесу лошадь не может идти быстро. Может, еще нагоню. – Вулфрик развернулся и побежал обратно.

– Удачи! – крикнула вслед Гвенда, и юноша, не оборачиваясь, благодарно махнул рукой. Увы, удача ему не улыбнулась.

Ближе к вечеру, неся в господский амбар мешок гороха с Ручейного поля, на Долгом Гвенда заметила Вулфрика. Он вскапывал землю под паром лопатой – значит, не догнал Грэма и лошадь вернуть не сумел.

Девушка поставила мешок на землю и подошла по пашне к Вулфрику.

– Ты не справишься. У тебя здесь тридцать акров, а пропахано сколько – десять? Невозможно перекопать двадцать акров в одиночку.

Отводя глаза, Вулфрик упорно продолжал копать.

– Я не могу пахать. У меня нет лошади.

– Впрягись в плуг сам. Ты сильный, а плуг у тебя легкий. Нужно-то всего-навсего выкорчевать чертополох.

– Мне некого поставить за плуг.

– Нет, есть.

Он пристально поглядел на девушку.

– Поставь меня.

Вулфрик покачал головой.

– Ты потерял семью, теперь остался без лошади. Тебе не справиться одному. Другого выхода нет. Разреши мне помочь.

Юноша посмотрел вдаль, через поля в сторону деревни, и Гвенда поняла, что он думает об Аннет.

– Я буду готова завтра с раннего утра, – сказала девушка.

Вулфрик повернулся к ней. Его лицо выражало бурю чувств. Он явно разрывался между любовью к земле и желанием угодить Аннет.

– Я тебе постучу, – не унималась Гвенда, – и мы начнем пахать вместе. – Она развернулась и пошла, затем остановилась и обернулась.

Вулфрик не сказал «да».

Но и не сказал «нет».

* * *

Пахали два дня, затем выносили чертополох, затем собирали ранние овощи.

Гвенда больше не зарабатывала денег и потому не могла платить вдове Губертс за ночлег и еду. Нужно было где-то ночевать, и она перебралась в коровник к Вулфрику. Объяснила причину, и он не стал возражать.

После первого дня совместной пахоты Аннет перестала носить Вулфрику обеды, и Гвенда принялась готовить на двоих из его снеди: варила яйца, брала холодный бекон, зеленый лук, свеклу, хлеб и кувшин с элем. Вулфрик принял это новшество, не сказав ни слова.

У нее оставалось при себе приворотное зелье. Флакончик в крошечном кожаном кошельке висел на шее, надежно спрятанный между грудями. Она могла бы подлить зелье в эль сколько угодно раз, однако сдерживалась, понимая, что не сумеет воспользоваться достигнутым в поле, средь бела дня.

Каждый вечер Вулфрик уходил к Перкину ужинать с Аннет и ее семейством, и девушка оставалась одна. Возвращался он часто мрачный, но ничего ей не говорил, и она догадывалась, что он переупрямил Аннет и настоял на своем. Он ложился спать и перед сном ничего не ел и не пил, так что воспользоваться зельем она не могла.

В субботу после исчезновения Грэма Гвенда на кухне приготовила себе на ужин овощи, сваренные с соленой свининой. В доме Вулфрика имелись съестные припасы на четверых взрослых, так что еды хватало. Хотя уже наступил июль, вечера стояли прохладные, и после ужина Гвенда подбросила в очаг свежее полено. Потом села и стала смотреть, как огонь охватывает дерево, размышляя о простой, предсказуемой жизни, которую вела до недавнего времени. Как же вышло, что эта жизнь сгинула, подобно кингсбриджскому мосту?

Дверь открылась, и девушка решила, что пришел Вулфрик. Когда тот возвращался, она всегда удалялась в коровник, но радовалась немногим приветливым словам, которыми они обменивались перед сном. Гвенда в ожидании подняла голову, предполагая увидеть его красивое лицо, но испытала разочарование и потрясение.

Явился не Вулфрик, а ее отец.

За его спиной стоял незнакомец неприятной наружности.

Сильно испугавшись, Гвенда вскочила.

– Что тебе нужно?

Скип враждебно залаял, но при этом трусливо попятился.

Джоби ухмыльнулся.

– Ну, девочка моя, чего ты боишься, я же твой папа.

Гвенде сразу припомнилось предупреждение матери.

– Кто это? – спросила она, указывая на незнакомца.

– Джона из Эбингдона, торговец шкурами.

«Может, этот Джона когда-то и был торговцем, – угрюмо подумала девушка, – может, он и впрямь из Эбингдона, но башмаки его сильно изношены, одежда грязная, а сальные волосы и спутанная борода не видели городского цирюльника уже несколько лет».

С напускной храбростью Гвенда велела:

– Уходите.

– Говорил тебе, она упрямая. – Отец усмехнулся. – Но хорошая девочка. И сильная.

Джона наконец подал голос.

– Не бери в голову. – Он облизал губы, рассматривая Гвенду, и та пожалела, что на ней не надето ничего, кроме легкого суконного платья. – Я объездил не одну кобылку.

Девушка не сомневалась, что отец исполнил угрозу и опять ее продал. А она-то, уйдя из дома, считала себя в безопасности. Конечно, местные не допустят похищения батрачки, которая работает на одного из них, но сейчас темно, и она может оказаться далеко-далеко прежде, чем кто-нибудь поймет, что произошло.

Помощи ждать было неоткуда.

Но все-таки Гвенда не собиралась сдаваться без боя.

Она огляделась по сторонам в поисках какого-нибудь оружия. Полено, которое несколько минут назад она сама сунула в огонь, занялось лишь на одном конце. Оно было длинное – около двадцати дюймов, и другой его торец просто просился в руки. Девушка быстро наклонилась и выхватила полено из пламени.

– Ну хватит, перестань, – бросил Джоби. – Ты ведь не хочешь подпалить любимого папочку.

Он подошел ближе. Гвенда словно взбесилась. Как он смеет называть себя любимым папочкой, коли сам вознамерился ее продать? Страшно захотелось причинить ему боль. Гвенда метнулась к папаше и с яростным воплем ткнула горящим поленом ему в лицо.

Джоби отпрыгнул, но она наступала, вне себя от ярости. Скип громко лаял. Отец закрылся руками, попытался отпихнуть полено, но Гвенда оказалась проворнее. В своем порыве она увернулась от выставленных рук папашы и вновь ткнула пылающим поленом в лицо. Тот завопил от боли, когда пламя лизнуло его щеку; грязная борода начала тлеть, пополз отвратительный запах паленой плоти.

Тут Гвенду обхватили сзади. Джона стиснул девушку, прижал ее руки к бокам, и она выронила полено. Пламя тут же расплзлось по соломе на полу. Напуганный Скип опрометью выскочил из дома. Гвенда задергалась, принялась извиваться в хватке Джоны, бросаться из стороны в сторону, но удивительно сильный торговец шкурами оторвал ее ноги от земли.

Внезапно в дверях возникла высокая фигура. Гвенда на мгновение различила очертания, потом все опять исчезло. Ее швырнули на пол, и она ненадолго лишилась чувств. Когда же пришла в себя, Джона, стоя на коленях, связывал ее руки веревкой.

Высокая фигура появилась вновь, и на сей раз Гвенда узнала Вулфрика. Он явился с большим дубовым ведром. Быстро вылил воду из ведра на горящую солому, загасив пламя, перехватил ведро поудобнее, замахнулся – и ударил Джону по голове.

Хватка торговца ослабла. Гвенда зашевелила запястьями, и веревка поддалась. Вулфрик вновь замахнулся ведром и врезал Джоне еще раз, сильнее прежнего. Глаза его закрылись, и он повалился навзничь.

Джоби рукавом притушил тлеющую бороду, затем опустился на колени, продолжая стонать.

Вулфрик поднял бесчувственного торговца шкурами за шиворот блузы.

– Это вообще кто?

– Его зовут Джона. Отец хотел меня ему продать.

Вулфрик взял Джону за пояс, поднес к передней двери и вышвырнул наружу.

Джоби скулил не переставая.

– Помоги. У меня лицо горит.

– Помочь, говоришь? Ты поджег мой дом, напал на мою батрачку и просишь помощи? Пошел вон!

Тоненько поскуливая, Джоби поднялся и заковылял к выходу. Гвенда прислушалась к себе и не нашла в душе ни капли сострадания. Те остатки любви, которую она еще испытывала к отцу, он сам сегодня уничтожил. Когда он скрылся за дверью коровника, девушка понадеялась, что ей больше не придется с ним видеться.

К задней двери подбежал Перкин со светильником в руках.

– Что происходит? Вроде кто-то кричал.

Из-за спины отца выглядывала Аннет.

– Джоби приходил с каким-то разбойником, – ответил Вулфрик. – Хотели увести Гвенду.

Перкин хмыкнул.

– Похоже, ты справился.

– Это было несложно. – Вулфрик спохватился, что еще держит ведро, и поставил его на пол.

Аннет спросила:

– Ты поранился?

– Ничуть.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Просто хочу спать.

Перкин и Аннет поняли намек и ушли. Судя по всему, шума больше никто из соседей не слышал. Вулфрик запер двери и посмотрел на Гвенду.

– Ты как?

– Трясет немного.

Она села на скамью и облокотилась на стол.

Вулфрик шагнул к буфету.

– Вот, выпей вина, подкрепись.

Он вынул бочонок, поставил на стол и снял с полки две кружки.

Гвенда внезапно подобралась. Может, сейчас? Нужно успокоиться и действовать быстро.

Вулфрик разлил вино по кружкам и понес бочонок обратно.

У нее не больше двух секунд. Пока юноша был к ней спиной, Гвенда поспешно извлекла из-за пазухи флакончик с зельем, трясущимися руками сорвала пробку и вылила содержимое в кружку.

Вулфрик повернулся, когда Гвенда надевала мешочек с кожаным ремешком на шею. Девушка поправила платье, будто приводя в порядок одежду. Будучи настоящим мужчиной, он ничего не заподозрил и уселся напротив.

Она подняла кружку.

– Ты меня спас. Спасибо.

– У тебя руки дрожат. Могу только посочувствовать.

Выпили.

«Интересно, – подумала Гвенда, – когда подействует зелье».

Вулфрик добавил:

– Это ты меня спасла, помогая на поле. Я тебя должен поблагодарить.

Выпили еще.

– Не знаю, что хуже, – проговорила Гвенда. – Иметь такого отца, как мой, или, как ты, не иметь его вовсе.

– Мне тебя очень жаль, – задумчиво отозвался Вулфрик. – У меня по крайней мере хорошие воспоминания о родителях. – Он опорожнил кружку. – Вообще-то я не пью вина, мне не нравится, когда все начинает кружиться перед глазами, но было вкусно.

Гвенда внимательно наблюдала за ним. Мэтти-знахарка говорила, что испивший зелья должен сделаться любвеобильным. Ну где хоть какой-то признак? Точно, вскоре Вулфрик начал поглядывать на нее так, будто видел впервые в жизни. Чуть погодя он произнес:

– Знаешь, у тебя такое милое лицо. Доброе-доброе.

Теперь нужно хитро, по-женски, его соблазнить. Но Гвенда с ужасом поймала себя на мысли, что совершенно не знает, как это делается. Женщины, подобные Аннет, только тем и занимаются. Тут ей вспомнились ужимки Аннет, все эти лукавые улыбки, прикосновения к

волосам и хлопанье ресницами, и Гвенда поняла, что не стоит даже пытаться. Это будет просто глупо.

– Ты тоже добрый, – ответила она, пытаюсь выиграть время. – Но в твоём лице есть что-то еще.

– Что?

– Сила. Та сила, что исходит не от крепких мышц, а от решительности.

– Сегодня я и вправду чувствую себя сильным. – Вулфрик усмехнулся. – Ты сказала, что никому в одиночку не перекопать двадцать акров. Сейчас мне кажется, что я бы справился.

Девушка накрыла его руку своей.

– Отдохни. Лопата подождет.

Он посмотрел на ее маленькую руку на своей большой ладони.

– У нас кожа разного цвета, – удивился Вулфрик, будто сделав небывалое открытие. – Смотри, у тебя смуглая, а у меня розовая.

– Разная кожа, разные волосы, разные глаза. Вот на кого были бы похожи наши дети?

При этой мысли Вулфрик улыбнулся. Затем посерьезнел, когда сообразил, что в ее словах было что-то неправильное. Не пытайся Гвенда столь усердно расположить его к себе, эта внезапная перемена наверняка показалась бы ей смешной.

Вулфрик четко выговорил:

– У нас не будет детей. – И отнял руку.

– Не будем об этом, – тихо сказала девушка.

– Тебе не хочется иногда?.. – Он запнулся.

– Чего?

– Ну... Чтобы мир был не таким, какой он есть?

Гвенда встала, обошла стол и остановилась перед Вулфриком.

– Нет, не хочется. Мы одни, на дворе ночь. Ты можешь делать все, что хочешь. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Все.

Вулфрик не отвел взгляда. Она прочла желание в его глазах и поняла, на миг предавшись восторгу, что он ее хочет. Да, для этого потребовалось зелье, но желание было искренним. Прямо сейчас Вулфрик хотел только одного – овладеть ею.

Однако он не шевелился.

Гвенда взяла его руку и поднесла к своим губам. Он не сопротивлялся. Она подержала крупную мозолистую ладонь, поцеловала, облизала пальцы кончиком языка. Затем прижала его ладонь к своей груди.

Его пальцы сомкнулись на полукружье, которое под ними показалось вдруг крохотным. Рот Вулфрика приоткрылся, и Гвенда видела, что юноша тяжело задышал. Она чуть откинула голову в ожидании поцелуя, но Вулфрик сидел точно каменный.

Тогда она встала, быстро стянула платье через голову и бросила на пол. Встала перед ним совсем нагая в свете пламени. Юноша глядел на нее, широко раскрыв глаза и рот, словно стал свидетелем какого-то чуда.

Гвенда снова взяла руку Вулфрика, приложила к заветному бугорку между бедрами, накрыла треугольник волос. Сама она была уже такой мокрой, что, когда его палец внезапно скользнул внутрь, невольно застонала от удовольствия.

Вулфрик отказывался что-либо делать по своей воле, и Гвенда поняла, что он скован нерешительностью. Он хотел ее, но не мог забыть Аннет. Она могла вертеть им словно куклой хоть всю ночь, может, даже воспользоваться его бездеятельным телом, но это ничего бы не изменило. Нет, нужно, чтобы он сам начал действовать.

Она подалась вперед, по-прежнему прижимая его ладонь к своим чреслам.

– Поцелуй меня. – Его лицо было рядом. – Пожалуйста. – До его губ оставался лишь какой-то дюйм. Сильнее она приближаться не будет, пускай он сам преодолет это расстояние.

Вдруг Вулфрик пошевелился, отдернул руку, отвернулся и встал.

– Это неправильно.

Гвенда поняла, что проиграла.

На глазах выступили слезы. Девушка подняла платье с пола и прикрыла наготу.

– Прости, – сказал он. – Мне нельзя было ничего этого делать. Я тебя обманул. Я был жесток.

«Вовсе нет, – подумала Гвенда, – жестокой была я. Это я тебя обманула. Но ты оказался слишком сильным. Слишком верным, слишком преданным. Ты для меня слишком хорош».

Вслух она ничего не сказала.

Вулфрик, все еще старательно отводя глаза, проговорил:

– Иди к себе в коровник. Поспи. Утром все будет иначе. Может, наладится...

Она выбежала в заднюю дверь, забыв одеться. Светила луна, но пляться на девушку было некому, к тому же ей было все равно. Она вихрем пронеслась по двору и ворвалась в коровник.

В торце деревянного строения находился сеновал для чистой соломы, и там Гвенда соорудила себе место для ночлега. Она взобралась по приставной лесенке и бросилась ничком на солому; на душе было так гадко, что она не замечала острых соломинок, царапавших голую кожу. От расстройства и стыда девушка зарыдала.

Немного успокоившись, она встала и надела платье, потом завернулась в одеяло. Вдруг ей почудились чьи-то шаги во дворе. Она выглянула в щель в обмазанной раствором стене коровника.

При свете почти полной луны видно было очень хорошо. По двору бродил Вулфрик, причем шел к двери коровника. Сердце Гвенды подпрыгнуло. Может, не все еще потеряно. Вулфрик остановился перед дверью, затем развернулся, прошагал к дому, обернулся у заднего входа, снова было двинулся к коровнику – и опять направился к дому.

Гвенда наблюдала, как он ходит туда-сюда, сердце ее гулко билось, но сама она не шевелилась. Она сделала все, чтобы помочь ему. Последний шаг Вулфрик должен совершить сам.

Юноша остановился у задней двери. Лунный свет четко обрисовывал его фигуру, серебристая полоса словно стекала со лба и ниспадала к пяткам. Девушка увидела, как Вулфрик сунул руку в штаны. Она знала зачем: ей доводилось заставить за этим занятием старшего брата. Она слышала, как он стонет, как ублажает себя движениями, что казались грубой насмешкой над близостью мужчины и женщины. Смотрела, как он, такой красивый при луне, попусту растрчивает свое желание, и чувствовала, что ее сердце разбито.

20

Годвин начал борьбу с Карлом Слепым в воскресенье накануне Дня святого Адольфа.

В это воскресенье в честь святого в Кингсбриджском соборе ежегодно проходила особая служба. Мощи святого торжественно проносил по храму приор, за которым следовала вереница монахов, моливших Небеса о ниспослании богатого урожая.

Как всегда, в обязанности ризничего входила подготовка собора к службе: следовало расставить свечи, приготовить необходимое количество ладана, убрать лишние предметы. Годвину помогали послушники и служки, среди которых был и Филемон. В День святого Адольфа выносили второй, передвижной алтарь: деревянный столик с искусной резьбой – и устанавливали на небольшом деревянном помосте, который по необходимости можно было перемещать по храму. Годвин велел разместить этот алтарь на восточной оконечности средокрестия и поставить рядом пару посеребренных подсвечников. Наблюдая за тем, как исполняются его указания, он с беспокойством обдумывал сложившееся положение.

Теперь, когда он убедил Томаса выдвинуться, следующим шагом должно стать устранение противников. С Карлом разделаться скорее всего будет легко, однако в некоторой степени это даже плохо – вовсе ни к чему выставлять себя бессердечным.

Годвин в центре алтаря укрепил золотое распятие, отделанное драгоценными камнями и содержащее деревянную частичку Креста Господня в основании. Подлинный крест, на котором распяли Иисуса, был чудесным образом обретен тысячу лет назад матерью императора Константина Еленой, и частички реликвии нашли пристанище во многих церквях по всей Европе.

Украшая алтарь, Годвин увидел мать Сесилию и оторвался от работы, чтобы побеседовать с настоятельницей.

– Как мне стало известно, граф Роланд пришел в сознание. Слава Господу.

– Аминь, – отозвалась настоятельница. – Милорда столь долго мучила лихорадка, что мы опасались за его жизнь. Должно быть, в мозг после несчастья попал какой-то дурной сок. Он не говорил ничего внятного, а этим утром проснулся и заговорил разумно.

– Вы его исцелили.

– Его исцелил Господь.

– Но все-таки он должен быть вам признателен.

Настоятельница улыбнулась.

– Вы еще так молоды, брат Годвин. Позже поймете, что сильные мира сего никогда никого не благодарят, принимая все как должное.

Ее снисходительность взбесила Годвина, но он постарался этого не показать.

– Ну, как бы то ни было, мы наконец можем провести выборы приора.

– Известно, кто победит?

– Десять монахов твердо намерены голосовать за Карла и только семь – за Томаса. С голосами самих кандидатов получается одиннадцать к восьми, а шестеро еще не определились.

– Значит, выйти может по-всякому.

– Но Карл сильнее. Томасу может потребоваться ваша поддержка, мать Сесилия.

– У меня нет права голоса.

– Однако есть влияние. Если бы вы заявили, что монастырь нуждается в более строгом порядке и переменах и что Томас лучше подходит на роль настоятеля, у некоторых отпали бы сомнения.

– Мне не следует принимать чью-либо сторону.

– Наверное, вы правы, но ведь можно сказать, что вы больше не станете помогать монахам, если они не научатся как следует обращаться с деньгами. Что в этом дурного?

Глаза настоятельницы блеснули. Да, ее не так-то просто в чем-либо убедить.

– Тем самым я фактически поддерживаю Томаса.

– Да.

– Я не занимаю ничьей стороны и с радостью буду сотрудничать с любым приором, которого изберут монахи. Это мое последнее слово, брат.

Годвин почтительно склонил голову.

– Разумеется, я уважаю ваше решение.

Кивнув, мать-настоятельница ушла.

Годвин остался доволен. Ризничий несколько не ожидал, что она открыто поддержит Томаса. Сесилия была привержена устоям. Все считают, что она за Карла, но теперь Годвин имеет полное право намекнуть братии, что мать-настоятельница устроит любой приор. Таким образом, Слепой лишился молчаливой поддержки Сесилии. Может, она и разозлится, узнав, как истолковали ее слова, но опровергнуть их не сможет.

«Все-таки я умен, – думал Годвин, – и кому, как не мне, стать приором».

Однако для победы над Карлом одного устранения Сесилии было недостаточно, пусть даже оно идет на пользу делу. Целесообразно наглядно показать братьям, сколь неумело Слепой будет ими руководить. Ризничий с нетерпением ждал, надеясь, что такая возможность выпадет уже сегодня.

Карл с Симеоном тоже находились в соборе, готовясь к службе. Карлу, исполнявшему обязанности приора, предстояло пройти во главе процессии с ковчегом из золота и слоновой кости, где хранятся мощи святого. Казначей аббатства и правая рука Слепого вел Карла по проходу, и Годвин видел, как слепец считает шаги, чтобы на службе проделать весь путь самому. Прихожане проникались возвышенными чувствами, когда Карл двигался уверенно, – это поистине казалось малым чудом.

Шествие всегда начиналось в восточной части собора, где под главным алтарем хранилась реликвия. Карл Слепой отперет дверцы, вынет ковчег с мощами, пронесет по северному приделу алтарной части, обойдет северный трансепт, пройдет вдоль северной стороны нефа, пересечет западную часть и вернется к средокрестию. Далее он поднимется на две ступени и поместит мощи на передвижной алтарь, который уже установил Годвин. Там мощи святого Адольфа будут находиться в течение всей службы, чтобы их могли видеть прихожане.

Оглядев собор, Годвин остановил взгляд на месте восстановительных работ в южном приделе алтарной части; даже сделал шаг вперед, чтобы лучше разглядеть. Пускай Элфрик прогнал Мерфина, но предложенный подмастерьем на диво простой метод по-прежнему использовался. Вместо дорогостоящей деревянной опалубки, которая поддерживала бы каменную кладку до высыхания строительного раствора, камням не давали упасть спущенные сверху веревки с грузом на концах. Однако так нельзя возводить ребра свода. Там применялись вытянутые каменные плиты, плотно примыкавшие друг к другу, и для них опалубку ставить придется, но и без того Мерфин спас аббатству немало денег.

Годвин признавал несомненный строительный дар Мерфина, но до сих пор не понимал, как относится к юноше, и потому предпочитал работать с Элфриком. Мастер был надежным орудием, всегда оказывался под рукой и никогда не подводил, а Мерфин творил и шел к неведомой собственной цели.

Карл и Симеон ушли. Что ж, храм готов к службе. Ризничий отослал всех помощников, кроме Филемона, который подметал пол в средокрестии.

На какое-то время они со служкой остались в соборе вдвоем.

Годвин сознавал, что обязан воспользоваться случаем. Смутные догадки вдруг сложились в четкий план. Он помедлил – риск был огромен, – но все же решился и подозвал Филемона.

– Ну-ка выдвини помост вперед на ярд, быстро.

* * *

Основную часть времени Годвин воспринимал собор как место работы: помещение, которое нужно благоустраивать; здание, которое нужно поддерживать в хорошем состоянии; источник доходов и одновременно бремя расходов, – но в такие дни, как сегодня, словно впервые ощущал величие храма. Мерцающие языки пламени свечей отражались в золоте подсвечников, монахи и монахини в праздничных облачениях скользили между древними каменными колоннами, голоса певчих взмывали к высоким сводам. Ничего удивительного, что сотни горожан примолкли, наблюдая за службой.

Во главе процессии двигался Карл. Под пение хора он открыл поставец под главным алтарем, на ощупь достал ковчег, поднял высоко над головой и начал обходить собор, воплощая собою, казалось, чистейшую святость, белобородый и незрячий.

Угодит ли он в расставленную Годвином ловушку? Та была совсем простой – пожалуй, даже чересчур простой. Шагая в нескольких шагах позади Карла, Годвин кусал губы и старался успокоиться.

Прихожане благоговейно взирали на происходящее. Ризничий не устал поражаться тому, сколь легко, оказывается, управлять людьми. Они не могли видеть мощи, а если бы и увидели, то не отличили бы их от любых других человеческих останков. Но драгоценный изукрашенный ковчег, гулкое эхо торжественного пения, единообразные монашеские облачения, устремлявшиеся к небесам колонны и терявшиеся в сумраке своды, которые умалили все и вся, внушали трепет.

Годвин не сводил глаз с Карла. Тот достиг средней части западной арки северного придела и резко повернул влево. Симеон шагнул рядом, следя, чтобы в случае чего направить Слепого, но покуда в этом не было необходимости. Хорошо: чем увереннее ступает Карл сейчас, тем больше надежда, что он споткнется в решающий миг.

Считая шаги, Карл дошел точно до центральной точки нефа и вновь повернул, направляясь напрямик к алтарю. Словно по сигналу, пение прекратилось, и процессия продолжала путь в торжественной тишине.

«Это, верно, как брести в отхожее место по темноте», – думал Годвин. Слепой проделывал этот путь несколько раз в год всю свою жизнь. Теперь он шагнул впереди, во главе процессии, и оттого наверняка должен волноваться, но Карл выглядел спокойным, лишь едва заметное шевеление губ показывало, что он по-прежнему считает шаги. Впрочем, Годвин позаботился о том, чтобы подсчеты не помогли. Выставит ли Карл себя на посмешище? Или нет?

По мере приближения мощей паства благоговейно пятилась. Люди знали, что прикосновение к реликварию способно творить чудеса, но также верили, что любое неуважение к мощам чревато роковыми последствиями. Духи усопших витали над своим прахом в ожидании судного дня, и праведники из их числа обладали почти беспредельными возможностями благоволить живым – или их карать.

Годвину пришло в голову, что святой Адольф может разгневаться на него за то безобразие, которое он намеревался учинить в Кингсбриджском соборе. Ризничий содрогнулся от страха, но принялся уговаривать себя, что действует во благо аббатства, где хранятся мощи, и что всеведущий святой, умеющий читать в людских сердцах, признает его правоту.

У алтаря Карл замедлил шаги, но не изменил их выверенной длины. Годвин затаил дыхание. Поднявшись на ступень, которая, по его подсчетам, должна была привести к помосту, где стоял алтарь, Карл на мгновение помедлил. Ризничий завороченно смотрел, опасаясь, что в самый последний миг случится непредвиденное и произойдут какие-нибудь изменения в обряде.

Затем Слепой уверенно шагнул вперед.

Его нога задела край помоста, оказавшийся на ярд ближе ожидаемого. В тишине стук сандалии, что ударилась о полое деревянное возвышение, прозвучал очень громко. От неожиданности и испуга Карл вскрикнул, движение понесло его вперед.

Годвин возликовал, но лишь на мгновение, а затем его охватил беспредельный ужас.

Симеон бросился поддержать Карла, но было уже слишком поздно. Ковчег выскользнул у регента из рук, и паства дружно охнула. Драгоценный ларец упал на каменный пол, от удара крышка открылась, и останки святого высыпались. Карл навалился на тяжелый резной деревянный алтарь, столкнул тот с помоста, и драгоценная утварь и свечи тоже полетели на пол.

Ризничий потрясенно замер. Вышло намного хуже, чем он задумывал.

Череп святого прокатился по полу и остановился у ног Годвина.

План сработал, даже чересчур удачно. Ризничий хотел, чтобы Карл упал и все увидели, насколько слепец беспомощен, но вовсе не собирался осквернять мощи. Онемев от ужаса, он тарасился на череп на полу. Пустые глазницы, казалось, глядели на него с осуждением. Какая же чудовищная кара его ждет? Сможет ли он когда-либо загладить эту вину?

Поскольку несчастье не стало для него неожиданным, он испытал не столь сильное потрясение, как другие, и пришел в себя раньше остальных. Встав над мощами, Годвин воздел руки и воззвал, перекрикивая ропот прихожан:

– Все на колени! Молиться!

Стоявшие впереди преклонили колени, за ними быстро опустились все прочие. Ризничий начал читать знакомую молитву, к нему присоединились монахи и монахини. Когда многоголосый речитатив заполнил собор, Годвин поднял реликварий, который, судя по всему, не пострадал. Затем медленно и торжественно, обеими руками подобрал череп. От страха перед потусторонним руки дрожали, но ризничий удержал святыню. Повторяя латинские слова молитвы, он поднес череп к ковчегу и поместил на подкладку.

Потом Годвин заметил, что Карл пытается встать, и крикнул двум монахиням:

– Проводите помощника приора в госпиталь. Брат Симеон, мать Сесилия, вы не пойдете с ним?

Он поднял еще один кусок останков. Содрогаюсь в душе, Годвин сознавал, что больше Карла несет ответственность за случившееся, но его намерения были чисты и он все еще надеялся умиловить святого. В то же время он понимал, что его действия должны произвести самое благоприятное впечатление на присутствующих: в тяжелейшую минуту он все взял на себя – как подобает истинному вожаку.

Однако нельзя, чтобы эта минута затянулась. Нужно поскорее собрать останки.

– Брат Томас, брат Теодорик, идите сюда, помогите мне.

Филеон выступил вперед, но Годвин махнул ему рукой: служка не монах, а только принявшим постриг дозволено дотрагиваться до мощей.

Хромая и опираясь на Симеона и Сесилию, Карл вышел из собора, и Годвин остался бесспорным хозяином положения.

Подозвав Филемона и служку Ото, он велел привести в порядок алтарь. Они поставили алтарь на помост. Ото подобрал подсвечники, а Филеон поднял украшенное драгоценными камнями распятие. Служки почтительно поставили всю утварь на алтарь и принялись собирать разбросанные по полу свечи.

Наконец все кусочки останков оказались в ковчеге. Годвин попытался закрыть крышку, но та чуть перекосилась и не желала вставать плотно. Прикрыв ее, насколько у него получилось, ризничий торжественно поставил ковчег на алтарь.

Тут он вспомнил, как нельзя вовремя, что духовным вожаком аббатства должен быть не он, а брат Томас. Он взял книгу, которую раньше держал Симеон, и передал матрикулярию. Тот сразу все понял, открыл книгу, нашел нужную страницу и начал читать. Монахи и мона-

хини выстроились по обе стороны алтаря, и все удостоверились, что именно Томас руководил чтением псалма.

Так или иначе, службу удалось закончить.

* * *

Едва выйдя из собора, Годвин задрожал всем телом. Чуть не случилось беды, но, кажется, все-таки обошлось.

Монахи принялись возбужденно обсуждать случившееся, едва войдя во внутренний двор. Ризничий прислонился к колонне, пытаясь взять себя в руки, и прислушался к возгласам братьев. Кто-то твердил, что осквернение реликвии – верный знак: мол, Господь не хочет, чтобы Карл был приором: именно этого и добивался Годвин, – но большинство монахов, к его ужасу, сочувствовали Карлу. Этого Годвин нисколько не хотел. Он понял, что, вызвав жалость к Слепому, невольно наделил того преимуществом.

Ризничий собрался с духом и поспешил в госпиталь. Следовало побеседовать с Карлом, пока тот не оправился и не понял, что монахи на его стороне.

Помощник приора сидел на кровати, с рукой на перевязи и с обмотанной головой. Он был бледен и выглядел потрясенным до глубины души; каждые несколько секунд лицо его подергивалось. Рядом разместился Симеон.

Казначей с неприязнью посмотрел на Годвина и процедил:

– Полагаю, ты доволен, брат.

Годвин пропустил колкость мимо ушей.

– Брат Карл, ты будешь рад узнать, что мощи святого вернули на место с гимнами и молитвами. Святой, несомненно, простит нас за эту трагическую случайность.

Карл покачал головой.

– Случайностей не бывает. Все предопределено Господом.

Годвин приободрился. Пока все хорошо.

Но Симеон явно думал о том же и попытался остановить Карла:

– Не горячись, брат.

– Это знак, – произнес Карл. – Господь не хочет, чтобы я стал приором.

Именно на это ризничий и надеялся.

– Глупости. – Казначей взял кружку, что стояла на столе возле кровати, – наверняка там было теплое вино с медом, лекарство матери Сесилии от большинства болезней, – и вложил ее в руки Карлу. – Вот выпей.

Регент послушно пригубил, но не отвлекся от главного.

– Грех отмахиваться от подобного знамения.

– Бывает, что знамения не сразу поддаются толкованию, – возразил Симеон.

– Может, и так. Но даже если ты прав, проголосуют ли братья за приора, который не в состоянии пронести мощи святого, не осрамившись?

Годвин вмешался:

– А может, сострадание привлечет к тебе сердца братьев.

Симеон бросил на него недоуменный взгляд. Казначей не понимал, куда клонит ризничий.

Он был прав, подозревая Годвина: тот лишь строил из себя *advocatus diaboli*³⁷, пытаясь добиться от Карла не просто горестных сомнений, а недвусмысленного отказа.

³⁷ Авторский анахронизм: официально должность укрепителя веры (адвоката дьявола) при канонизации святых была введена в католическую практику только в 1587 г., а первое упоминание о присутствии человека с такими полномочиями на церковной церемонии относится к 1524 г., когда в Риме был беатифицирован первый патриарх Венеции Л. Джустиниани.

Как и надеялся ризничий, Слепой принялся спорить:

– Приором должен стать человек, в котором братья видят мудрого водителя, которого уважают, а не жалеют. – В голосе Карла слышалось горькое убеждение в том, что он уже не годится на эту роль.

– Конечно, разумно, – согласился Годвин с притворной неохотой, словно признание вырвали у него силой, и, решив рискнуть, добавил: – Но возможно, Симеон прав и тебе следует отложить окончательное решение до выздоровления.

– Я совершенно здоров. – Карл не хотел показаться слабым в глазах молодого Годвина. – Ничего не изменится. Завтра я буду себя чувствовать так же, как и сегодня. Я не стану выстав- ляться на выборах приора.

Именно этих слов ждал Годвин. Ризничий быстро встал и из опасения, что выдаст свое торжество, как бы почтительно склонил голову.

– Ты, как всегда, ясно выражаешь свои мысли, брат Карл. Я передам твои пожелания остальным братьям.

Симеон открыл было рот, но тут в комнату вошла мать Сесилия. Вид у нее был недо- вольный.

– Граф Роланд хочет видеть помощника приора. Он угрожает встать с постели, но ему нельзя двигаться: рана, возможно, еще не совсем затянулась, однако брату Карлу тоже нельзя двигаться.

Ризничий посмотрел на казначея и произнес:

– Мы идем.

Монахи поднялись по лестнице.

Годвин ликовал. Карл даже не понял, что его попросту обвели вокруг пальца. Он по собственной воле выбыл из состязания. Остался один Томас, а от Томаса можно избавиться в любой миг.

Все складывалось поразительно удачно – пока.

Граф Роланд лежал на спине с толстой повязкой на голове и тем не менее по-прежнему производил впечатление сильного мира сего. Должно быть, его навестил цирюльник, поскольку его лицо было чисто выбрито, а черные волосы, не закрытые повязкой, аккуратно причесаны. Роланда одели в короткую пурпурную блузу и свежие штаны со штанинами, согласно новому поветрию, разных цветов – красного и желтого. Даже в постели он был подпоясан ремнем, с которого свисал кинжал, а на ногах графа были невысокие кожаные сапожки. Рядом с постелью стояли его старший сын Уильям с женой Филиппой. Молодой писарь, отец Джером, в священ- ническом облачении сидел за письменным столом, держал наготове перо и воск для печатей.

Было предельно ясно: граф вернулся к своим обязанностям.

– Это помощник приора? – спросил Роланд четко и громко.

Годвин оказался расторопнее Симеона и ответил первым:

– Помощник приора Карл пострадал при падении и находится здесь же, в госпитале, милорд. Я ризничий, Годвин, а со мною казначей Симеон. Мы благодарим Бога за ваше чудес- ное исцеление, ибо он направил руку вылечивших вас монахов.

– Проломленную голову мне вылечил цирюльник, – отрезал граф. – Благодарите его.

Поскольку раненый лежал на спине и смотрел в потолок, Годвин не мог рассмотреть его лицо целиком, но почему-то казалось, что черты графа словно застыли. Может, ранение привело к неким необратимым последствиям?

Ризничий спросил:

– Нуждаетесь ли вы в чем-либо?

– Если да, вы скоро об этом узнаете. А теперь слушайте. Моя племянница Марджери выходит замуж за младшего сына Монмута Роджера. Полагаю, вам об этом известно.

– Да. – В памяти Годвина высветилась картина: Марджери, раскинув белые ноги, лежит на спине в этой самой комнате, а между ее ног расположился кузен Ричард, епископ Кингсбриджа.

– Свадьбу отложили из-за моего недомогания.

«Неправда, – размышлял Годвин. – Мост обрушился всего месяц назад. А правда скорее всего состоит в том, что граф хочет проверить, не пошатнулась ли после всей этой истории его власть, является ли он еще тем человеком, который достоин союза с графом Монмутом».

Роланд продолжал:

– Свадьба состоится в Кингсбриджском соборе через три недели.

Строго говоря, в нынешних обстоятельствах полагалось просить, а не приказывать, и новоизбранный настоятель вполне мог возмутиться подобным высокомерием, но приора здесь не было. Да и никакой причины для отказа Годвин не видел.

– Хорошо, милорд. Я приготовлю все необходимое.

– К свадьбе новый приор должен приступить к своим обязанностям, – обронил Роланд.

Симеон засопел от изумления.

Годвин быстро прикинул, что спешка ему только на руку, и отозвался:

– Разумеется. У нас было два кандидата, но сегодня помощник приора Карл отказался выдвигаться и остался только брат Томас, матрикуларий. Мы проведем выборы, как только вы этого пожелаете.

Он не мог поверить в удачу.

Казначей, даже не особенно скрывая уныние, все же попытался вмешаться:

– Позвольте...

Но Роланд перебил:

– Я не хочу Томаса.

А вот этого Годвин не ожидал.

Симеон ухмыльнулся, обрадовавшись, что в последний миг все резко изменилось.

Ризничий потрясенно пробормотал:

– Но, милорд...

– Вызовите из обители Святого Иоанна-в-Лесу моего родича, Савла Белую Голову, – вновь прервал граф.

Нахлынули дурные предчувствия. Савл был ровесником Годвина. Послушниками они дружили, затем вместе отправились в Оксфорд, однако там их дороги разошлись. Савл сделался куда набожнее, а Годвин выказал большую склонность к мирским хлопотам. Впоследствии Савл доказал свою состоятельность в качестве приора отдаленной обители Святого Иоанна. Он очень серьезно относится к монашеской добродетели смирения и ни за что не стал бы бороться за власть. Но ума у него не отнять, он благочестив, и его все любят.

– Как можно скорее, – закончил Роланд. – Я назначу его приором Кингсбриджа.

21

Мерфин сидел на крыше церкви Святого Марка, на северной окраине Кингсбриджа. Перед ним расстился весь город. К юго-востоку излучина реки словно баюкала аббатство своим изгибом. Аббатство раскинулось на доброй четверти города – виднелись монастырские постройки, кладбище, рыночная площадь, плодовый сад и огород, а над ними, будто дуб над зарослями крапивы, высился собор. Мерфин видел, как служки собирают в огороде овощи, чистят конюшни и разгружают повозки.

В центре города, особенно на главной улице, поднимавшейся по склону от реки, жили состоятельные горожане; верно, этим путем в давние времена карабкались по склону первые монахи. По улице целеустремленно – купцы всегда заняты – шагали зажиточные торговцы, легко опознаваемые по ярким плащам тонкого сукна. Другая большая улица – верхняя – через центр пересекала город с запада на восток, перекрещиваясь с главной под прямым углом у северо-западной оконечности аббатства. Там же торчала широкая крыша здания гильдейского собрания, самого крупного строения в Кингсбридже после собора.

На главную улицу возле «Колокола» смотрели монастырские ворота, напротив располагался дом Керис, выше большинства остальных домов. У таверны Мерфин разглядел толпу, окружившую монаха Мердоу. Тот, не имевший отношения, похоже, ни к одному монашескому ордену, после крушения моста остался в Кингсбридже. Горожане, испытавшие потрясение и осиротевшие, оказались крайне восприимчивыми к его громогласным уличным проповедям, и теперь он сгребал серебряные полпенни и фартинги чуть ли не лопатой. Мерфину монах мнился мошенником, его праведный гнев казался лицемерием, а слезы – маской, за которой прятались бессовестность и жадность, но другие относились к Мердоу совсем иначе.

В дальнем конце главной улицы торчали из реки обрубки быков моста, а мимо них двигался паром Мерфина с повозкой, груженной бревнами. К юго-западу располагался ремесленный район с многочисленными приземистыми постройками – скотобойнями, дубильнями, пивоварнями, пекарнями и разного рода мастерскими. Из-за вони и грязи видные горожане здесь не селились, однако деньги в основном добывались именно тут. В этом месте река разделялась на два рукава, что охватывали с обеих сторон остров Прокаженных. Мерфин разглядел Иэна-лодочника – на своей лодчонке тот переправлял через реку монаха, который, должно быть, вез еду единственному остававшемуся на острове прокаженному. Вдоль южного берега тянулись пристани и склады, кое-где разгружались плоты и баржи. Далее виднелось предместье Новый город, где ряды бедных домишек перемежались садами, пастбищами и огородами, на которых монастырские служки выращивали пропитание для монахов и монахинь.

Северная часть города, где находилась церковь Святого Марка, была бедной, и храм окружали теснившиеся лачуги чернорабочих, вдов, неудачников и стариков. Все они нуждались в заботе – как и церковь, к счастью для Мерфина.

Четыре недели назад отчаявшийся отец Жоффруа нанял Мерфина построить лебедку и починить крышу храма. Керис уговорила своего отца Эдмунда одолжить ему деньги на инструменты. За полпенни в день Мерфин взял себе в помощники четырнадцатилетнего Джимми. И вот лебедка готова.

Каким-то образом стало известно, что Мерфин собирается испытать новый механизм. Горожане высоко оценили его паром, и нашлось немало тех, кто захотел увидеть, что еще придумал бывший ученик Элфрика. На кладбище собралась довольно плотная толпа, в основном зеваки, но были также отец Жоффруа, Эдмунд с Керис и несколько городских строителей, в том числе Элфрик. Если Мерфин сегодня выставит себя на посмешище, это произойдет на глазах не только друзей, но и врагов.

Да и ладно, это не самое худшее. Наем избавил его от необходимости уезжать из города в поисках работы. Но опасность вовсе не миновала. Если затея с лебедкой сорвется, все сочтут, что нанимать Мерфина – значит заранее соглашаться на убытки. Пойдут разговоры: мол, духи не хотят, чтобы он оставался в городе. Его станут выгонять едва ли не пинками. Придется проститься с Кингсбриджем – и с Керис.

В последние четыре недели, вытачивая деревянные и соединяя между собой части лебедки, Мерфин впервые серьезно задумался о том, что может потерять девушку; эта мысль привела его в уныние. Он вдруг сообразил, что Керис была радостью в его мире. Когда светило солнце, он хотел гулять с нею; заметив что-то красивое, хотел показать ей; услышав что-то смешное, прежде всего рвался пересказать Керис и увидеть ее улыбку. Работа доставляла ему удовольствие, особенно когда удавалось найти остроумное решение сложной задачи, но это было холодное, умственное удовлетворение, а без Керис жизнь станет долгой зимой – это он знал наверняка.

Мерфин встал. Пора было проверить, насколько он мастеровит на самом деле.

Он построил обычную лебедку с единственным новшеством. Как в любом механизме подобного рода, через несколько шкивов была протянута веревка. В верхней части церковной стены, на стыке с крышей, он установил деревянную конструкцию вроде виселицы с рычагом, что выступал над крышей. Веревка тянулась от лебедки до торца рычага. Другой ее конец спускался к колесу на кладбище, и веревка стараниями Джимми наматывалась на это колесо. В таком решении не было ничего необычного. Новшество состояло в том, что конструкция имела шарнир, позволявший поворачивать рычаг.

Чтобы избежать участи Хауэлла Тайлера, Мерфин пропустил под мышками ременную петлю и привязался к прочному каменному шпилью: если упадет, то до земли не долетит. Удовольстившись в надежности крепления, он расчистил участок крыши от шифера, привязал веревку к бревну и крикнул вниз Джимми:

– Давай!

Мерфин был уверен, что все получится – должно получиться, – но тем не менее испытывал изрядное волнение и даже затаил дыхание.

Джимми, стоявший внутри большого колеса на земле, сделал шаг вперед. Колесо можно было вращать лишь в одну сторону. У него имелся стопор, давивший на скошенные зубцы: по одной кромке все зубцы были чуть скошены, чтобы стопор беспрепятственно проскальзывал над ними, зато другая кромка располагалась под прямым углом к поверхности, так что любое движение вспять немедленно прекращалось.

Колесо повернулось, и бревно на крыше приподнялось.

Когда оно полностью отделилось от поверхности, Мерфин крикнул:

– Есть!

Джимми остановился. Сработал стопор, и бревно, плавно покачиваясь, зависло в воздухе. Пока все шло хорошо. Но вот дальше все было непредсказуемо.

Мерфин развернул лебедку, и рычаг стал разворачиваться. Юноша следил за этим разворотом, забыв, что нужно дышать. Деревянная конструкция приняла на себя тяжесть груза. Лебедка закричала. Рычаг описал полукруг, переместив бревно из прежнего положения в новое, над кладбищем. Зрители дружно охнули: никто прежде не видел поворотной лебедки.

– Опускай! – крикнул Мерфин.

Джимми отпустил стопор, и бревно рывками стало опускаться, по футу за раз, пока колесо вращалось, а веревка разматывалась.

Все молча наблюдали. Когда груз коснулся земли, зрители захлопали в ладоши.

Джимми отвязал веревку от бревна.

Мерфин позволил себе немного порадоваться: получилось!

Он спустился по приставной лестнице. Люди внизу ликовали. Керис поцеловала его, отец Жоффруа пожал руку.

– Просто чудо. Никогда не видел ничего подобного.

– Никто не видел, – с гордостью поправил Мерфин. – Это я сам придумал.

Его поздравили еще несколько человек. Всем было приятно первыми увидеть новый механизм в действии – всем, кроме Элфрика, который мрачно поглядывал из-за спин остальных.

Мерфин не удостоил бывшего наставника вниманием и обратился к отцу Жоффруа:

– Мы договаривались, что вы заплатите, если все получится.

– С удовольствием, – ответил священник. – На сегодня я должен тебе восемь шиллингов, и чем скорее оплачу расчистку кровли и восстановление крыши, тем лучше я себя буду чувствовать.

Он развязал висевший на поясе кошель и достал несколько завернутых в тряпочку монет.

Но тут вмешался Элфрик:

– Подождите!

Все обернулись.

– Вы не имеете права платить этому юноше, отец Жоффруа. Он не считается плотником.

«Что за чушь, – подумал Мерфин. – Работа выполнена, разве можно лишать человека платы?» Впрочем, Элфрику явно было плевать на справедливость.

– Глупости! – воскликнул священник. – Он сделал то, чего не смог совершить ни один другой плотник города.

– Но он не состоит в гильдии.

– Я хотел вступить, – подал голос Мерфин, – но вы бы меня не приняли.

– Это право гильдии.

Отец Жоффруа изрек:

– Я полагаю, что это несправедливо, и многие горожане со мной согласятся. Мерфин прослужил подмастерьем шесть с половиной лет, за труды ему платили едой и ночлегом на кухонном полу, и всем известно, что уже несколько лет он выполняет работу настоящего плотника. Вам не следовало выгонять его без инструментов.

Мужчины вокруг одобрительно загудели. Многие считали, что Элфрик в своем гневе зашел слишком далеко.

– Со всем почтением к вашему преподобию, – произнес Элфрик, – решать гильдии, а не вам.

– Хорошо. – Отец Жоффруа скрестил руки на груди. – Значит, вы утверждаете, что я не имею права заплатить Мерфину, хотя он единственный в городе может починить мою церковь так, что не придется ее закрывать. Я не признаю вашу правоту. – Священник протянул Мерфину монеты. – Теперь можете обращаться в суд.

– Суд аббатства? – Лицо Элфрика исказилось от злобы. – Если кто обвиняет священника, разве можно надеяться, что монахи будут судить по справедливости?

Из толпы донеслись утвердительные возгласы. На памяти у людей было слишком много случаев, когда монастырский суд принимал заведомо несправедные решения в пользу духовенства.

Но отец Жоффруа не полез за словом в карман:

– А разве подмастерье может рассчитывать на справедливость суда гильдии, где заправляют мастера?

Раздался смех: здесь любили остроумные перепалки.

Элфрик понурился. В любом суде он бы без труда взял верх над Мерфином, однако справиться со священником было куда сложнее.

Мастер обиженно проворчал:

– Несчастный день для города, когда подмастерья идут против мастеров, а священники их поддерживают.

Впрочем, он сознавал, что потерпел поражение, а потому отвернулся.

Мерфин ощутил на ладони тяжесть монет: восемь шиллингов, девяносто шесть серебряных пенни, две пятых фунта. Он знал, что монеты следует пересчитать, но его переполняло счастье, и он махнул рукой на обычаи. Первое жалованье!

– Вот ваши деньги, – сказал он, поворачиваясь к Эдмунду.

– Верни сейчас пять шиллингов, остальное отдашь позже, – великодушно ответил тот. – Оставь немного себе. Ты это заслужил.

Мерфин усмехнулся. Ему останется три шиллинга – столько у него в жизни не бывало. Он не знал, что делать с такими деньгами. Может, купить матери цыпленка?

Наступил полдень, и все потянулись по домам на обед. Мерфин пошел с Керис и Эдмундом. Юноша не сомневался, что будущее его обеспечено. Он доказал, что стал плотником, и кто теперь станет воротить от него нос, коли отец Жоффруа признал его мастером? Он сумеет заработать на жизнь. У него будет свой дом.

Он женится.

Их ждала Петранилла. Пока Мерфин отсчитывал Эдмунду пять шиллингов, она поставила на стол пахучее блюдо с рыбой, запеченной в травах. Чтобы отметить победу, Эдмунд налил всем сладкого рейнского вина.

Но олдермен был не из тех, кто живет воспоминаниями о прошлом.

– Нужно строить мост, – нетерпеливо напомнил он. – Минуло пять недель, а ничего не сделано!

Петранилла заметила:

– Я слышала, что граф быстро поправляется, так что, наверное, монахи скоро проведут выборы. Нужно спросить Годвина. Я не видела его после вчерашнего, когда Карл Слепой упал на службе в соборе.

– Я бы хотел подготовить план строительства, – продолжил Эдмунд. – Тогда работы можно будет начать сразу после выборов.

Мерфин наострил уши:

– Что вы имеете в виду?

– Это непременно должен быть каменный мост, широкий, чтоб разъехались две повозки.

Мерфин кивнул.

– Да, и со спусками по обеим сторонам, чтобы люди сходили на сухую землю, а не в грязь.

– Верно. Отличное предложение.

– Но как вы поставите каменные опоры посреди реки? – спросила Керис.

– Понятия не имею, но должен существовать способ, – ответил Эдмунд. – На свете ведь множество каменных мостов.

– Я что-то подобное слышал, – обронил Мерфин. – Сначала возводят особую конструкцию – коффердам, – которая не пропускает воду туда, где будет стоять мост. Это довольно просто, но говорят, что главное – проследить, чтобы вода не просачивалась.

Тут вошел Годвин, и вид у него был взволнованный. Ему не полагалось расхаживать по домам горожан; считалось, что монахи могут покидать аббатство лишь по особым поручениям. «Интересно, – подумалось Мерфину, – что у них стряслось?»

– Карл отказался выдвигаться, – выпалил ризничий.

– Хорошие новости! – воскликнул Эдмунд. – Выпей-ка вина.

– Рано праздновать.

– Почему? Единственный кандидат теперь Томас, а он готов строить мост. Наш вопрос решен.

– Томас уже не единственный. Граф назвал Савла Белую Голову.

– Ого. – Эдмунд задумался. – А что, это так плохо?

– То-то и оно. Савла любят, он оказался способным настоятелем обители Святого Иоанна-в-Лесу. Если он согласится, то, скорее всего, получит голоса бывших сторонников Карла и, значит, может победить. Вдобавок, будучи ставленником графа и его родичем, Савл не посмеет ослушаться Роланда. Графу же наш мост нисколько не нужен, ведь он может оттянуть купцов с рынка Ширинга.

Эдмунд заметно обеспокоился:

– Мы что-нибудь можем сделать?

– Надеюсь, да. Кому-то следует отправиться в скит, известить Савла и привезти в Кингсбридж. Я вызвался это сделать в надежде, что смогу как-то убедить его отказаться.

– Вряд ли этого достаточно, – отозвалась Петранилла.

Мерфин внимательно слушал: он не любил Петраниллу, но признавал, что тетка Керис умна.

– Граф может выдвинуть кого-то другого. А все его кандидаты будут против моста.

Годвин закивал.

– Значит, если мне удастся отговорить Савла, нужно сделать так, чтобы нового кандидата графа не избрали ни за что.

– Кто у тебя на примете? – спросила Петранилла.

– Монах Мердоу.

– Блестяще.

– Но это же ужасно! – воскликнула Керис.

– Именно, – откликнулся Годвин. – Жадина, пьяница, трутень, самодовольный подстрекатель черни. Монахи ни за что его не выберут. Потому-то он и должен стать кандидатом графа.

Мерфин понял, что Годвин пошел в мать: унаследовал ее склонность плести интриги.

– Как будем действовать? – уточнила Петранилла.

– Сначала нужно уговорить Мердоу выдвинуть себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.